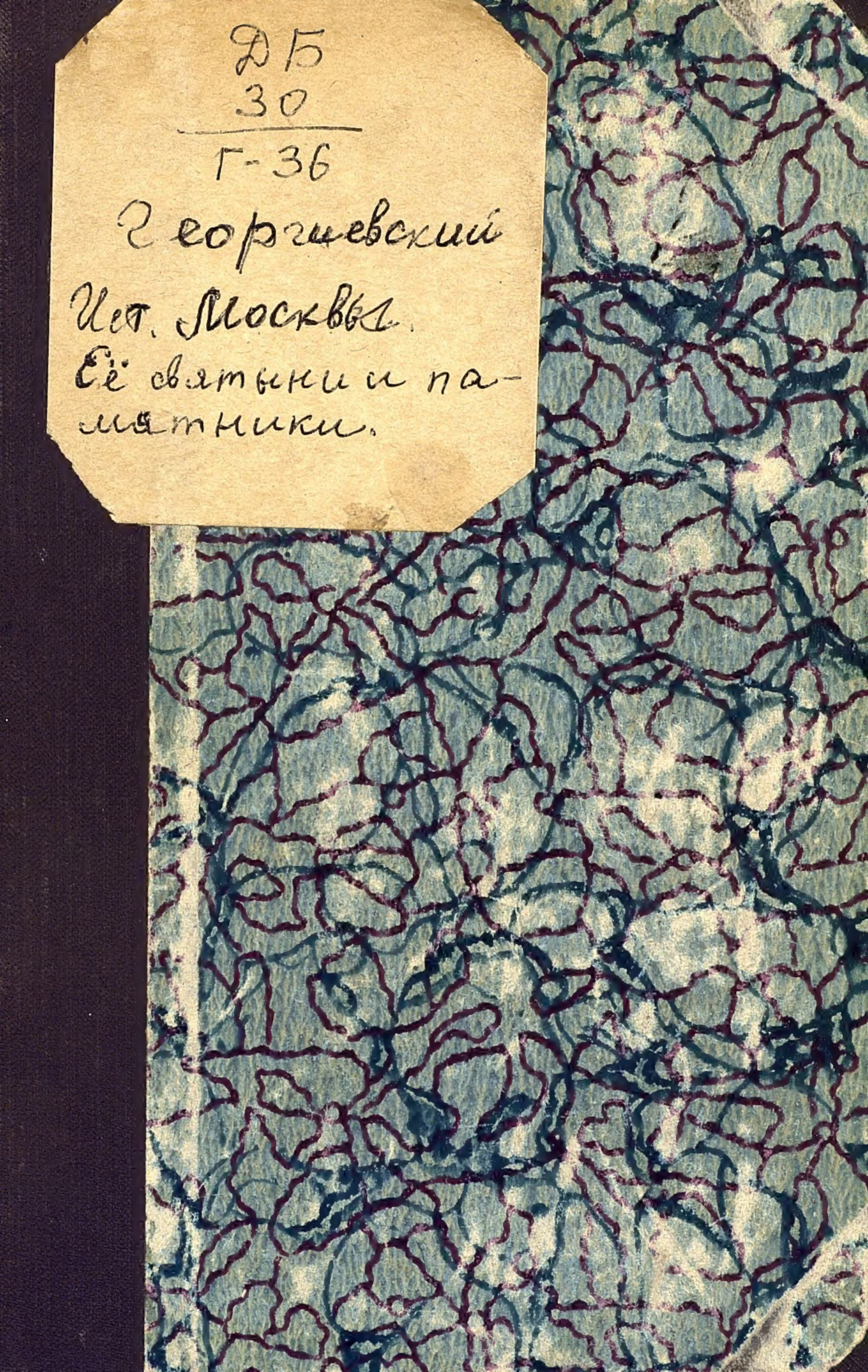

ДБ
30
Г-36
Георгиевский
Ист. Москвы.
Её святыни и памятники.

Исторія Москвы.

I. Начало Москвы.

„Приди ко мнѣ, брате, въ Москову“!
„Буди, брате, ко мнѣ на Москву!“

Таково первое и самое достопамятное лѣтописное слово о Москвѣ. Съ тѣмъ словомъ первый же устроитель древне-суздальской земли, суздальскій князь Юрій Владиміровичъ Долгорукій посылалъ звать къ себѣ на честный пиръ дорогого своего гостя и союзника, сѣверскаго князя Святослава Ольговича, того самаго Святослава, сынъ котораго Игорь прославился въ послѣдующее время несчастнымъ походомъ на половцевъ (въ 1185 году) и воспѣтъ въ знаменитой пѣснѣ о полку Игоревѣ.

Достопамятный зовъ на честный пиръ въ Москву, случайно записанный лѣтописцами въ повѣствованіи о событіяхъ 1147 года, служитъ въ своихъ выраженіяхъ какъ бы провозвѣстникомъ послѣдующей исторіи, которая послѣ безконечныхъ усобицъ и всяческой земской розни только въ Москвѣ нашла себѣ доброе пристанище для устойчиваго, сосредоточеннаго и могущественнаго развитія русской народности.

„Приди ко мнѣ, брате, въ Москову! Буди, брате, ко мнѣ на Москву!“ Въ этихъ немногихъ словахъ какъ бы пророчески обозначилась вся исторія Москвы, истинный смыслъ и существенный характеръ ея исторической заслуги. Москва тѣмъ и стала сильною и опередила другихъ, что постоянно и неуклонно звала къ себѣ разрозненныя русскія земли на честный пиръ народнаго единства и крѣпкаго государственнаго союза.

Въ то время оба князя, и Юрій и Святославъ, вели горячую усобицу со своими же родными князьями, кіевскими Мстиславичами и черниговскими Давыдовичами, за раздѣлъ волостей, за кіевскій великокняжескій столъ, особенно за Святославова брата Игоря Ольговича, которому по порядку наслѣдованія доставалось кіевское старшинство, а этому особенно и противились и Мстиславичи и Давыдовичи. Оба князя помогали другъ другу, и оба не всегда были счастливы въ кровавой борьбѣ.

На этотъ разъ особенно не посчастливилось Святославу Ольговичу. Онъ прибѣжалъ въ лѣсную Суздальскую землю безпріютнымъ изгнанникомъ, ограбленнымъ и разореннымъ до нитки. Князья родичи, злѣйшіе его враги, изъ конца въ конецъ опустошили его новгородскую волость. Въ Путивлѣ они разграбили собственную его усадьбу. Ограбленный и разоренный до конца, Святославъ не зналъ куда и какъ скрыться отъ нападавшихъ враговъ и едва успѣлъ захватить съ собою жену и дѣтей. Съ остаткомъ дружины онъ прибѣжалъ къ суздальской Окѣ, на устье Поротвы, куда Юрій выслалъ ему почетную встрѣчу и богатые дары. Такъ какъ

смоленскіе князья и Новгородъ держали сторону ихъ общихъ враговъ, то Юрій, чтобы не оставаться безъ дѣла, тутъ же рѣшилъ, по послѣднему зимнему пути, Святославу воевать Смоленскую волость вверхъ по Поротвѣ, а самъ ушелъ воевать новгородскія волости, гдѣ взялъ Новый-Торгъ и повоевалъ всю Мсту, самую богатую изъ новгородскихъ волостей.

Возвращаясь съ богатою добычею изъ Новаго-Торга домой, въ Суздаль, Юрій шелъ черезъ Волокъ Ламскій, откуда, вѣроятно, и посылалъ звать добраго союзника въ Москву, на первый суздальскій станъ, въ свою княжескую усадьбу.

Святославъ пріѣхалъ. Это было 4 апрѣля 1147 г., въ пятницу на пятой недѣлѣ Великаго поста, наканунѣ праздника Похвалы Богородицы. Князья радостно встрѣтились, любезно цѣловались и были веселы, „и тако возвеселишася вкупѣ“. На утро Юрій повелѣлъ устроить „обѣдъ силенъ“ и сотворилъ честь великую дорогимъ гостямъ, одарилъ ихъ всѣхъ—и князей и дружину—многими дарами.

Сильный обѣдъ, пиръ великій долженъ свидѣтельствовать, что Москва уже въ это время представляла такое поселеніе, которое въ избыткѣ могло доставить всѣ хозяйственныя удобства для княжескаго пированья Какъ видно, это было княжеское хозяйственное *село,* составлявшее личную собственность князя, *его вотчину,* а потому можно съ большою вѣроятностью предполагать, что княжеское хозяйство этой первичной Москвы было столько же обширно и богато, какъ оно бывало богато и полно и у другихъ владѣющихъ князей въ такихъ

же ихъ собственныхъ селахъ. Юрьева Москва была именно княжескимъ вотчиннымъ *сельцомъ,* куда онъ звалъ Святослава словами: „Приди ко мнѣ въ Москву“, ясно тѣмъ обозначая, что Москва была его собственнымъ хозяйственнымъ селомъ, исполненнымъ всѣми надобными запасами.

Итакъ княжеская исторія Москвы начинается отъ перваго упоминанія о ней лѣтописи въ 1147 году. Но московскій и именно кремлевскій поселокъ существовалъ гораздо прежде появленія въ этихъ мѣстахъ княжескаго Рюрикова племени.

Глубокая древность здѣшняго поселенья утверждается открытыми здѣсь нѣсколькими памятниками языческаго времени, относимыми къ концу IX или къ X столѣтію. Благодаря этимъ памятникамъ курганной эпохи, мы получаемъ достовѣрнѣйшее свидѣтельство о тысячелѣтней древности кремлевскаго поселка.

Однако, такихъ древнѣйшихъ поселковъ, подобныхъ кремлевскому, въ видѣ городищъ, разсѣяно по Русской землѣ и даже въ московской сторонѣ великое множество. Всѣ они исчезли и составляютъ теперь только предметъ для археологическихъ изысканій.

Почему же кремлевскій зародышъ Москвы не только не исчезъ, но, несмотря на жестокія историческія напасти, разоренія, опустошенія огнемъ и мечомъ, остался на своемъ корню и развился не то что въ большой городъ, а въ могущественное государство?

Главнымъ двигателемъ въ созданіи такихъ все-

міръно-историческихъ городовъ, какъ Москва, является всегда народный промыселъ и торгъ, ищущій для своихъ цѣлей добрыхъ сподручныхъ путей или добраго пристанища и который, повинуясь естественнымъ географическимъ путямъ и топографическимъ удобствамъ международнаго сообщенія, всегда самъ указываетъ, самъ намѣчаетъ, самъ избираетъ мѣсто, гдѣ и устраиваетъ узелъ своихъ работъ и дѣйствій, именуемый городомъ.

Мѣстоположеніе Москвы представляло собою узелъ торговыхъ путей и всѣ удобства торговаго пристанища. Древнѣйшій и прямой путь отъ вершинъ Днѣпра на Волгу пролегалъ долиною Москвырѣки сначала, а потомъ долиною Клязьмы, которыхъ потоки направлялись почти по прямой линіи на востокъ. Снизу, отъ области верхняго Дона и верхней Оки, отъ Рязанской и Сѣверской областей, этотъ потокъ Москвы-рѣки также служитъ прямою дорогою къ древнему Великому Ростову и вообще въ Суздальскую землю и необходимымъ перераломъ въ долину Клязьмы. По крайней мѣрѣ этою дорогою ходили въ Суздаль и Владиміръ не только изъ Чернигова, но и изъ Кіева. Стало-быть, этотъ путь, хотя отчасти и обходимый, все-таки былъ удобнѣе и выгоднѣе другихъ. Оттого и рязанцы, путешествуя во Владиміръ, всегда дѣлали круговой обходъ на Москву, какъ и владимірцы, идя на Рязань. А съ Донской области и изъ древней Тмутаракани къ Новгороду, какъ равно и къ Балтійскому морю, именно черезъ Москву былъ самый прямой путь, извѣстный торговымъ людямъ отъ глубокой древности. Вообще промысловое движеніе

и снизу Москвы-рѣки, отъ юга, было столько же значительно, какъ и отъ вершинъ ея, отъ запада и сѣвера.

Торговыя и промысловыя сношенія нашей древности намѣчали здѣсь мѣсто для знатнаго торговаго узла, связывавшаго торги Балтійскаго моря съ торгами морей Каспійскаго и Сурожскаго (Азовскаго). Сюда торговыя дороги шли не только отъ Смоленска, но и отъ Новгорода, черезъ древнѣйшій Волокъ Ламскій, съ Волги по рѣкамъ Шошѣ и Ламѣ на вершину рѣки Рузы, впадающей въ Москву-рѣку.

Впослѣдствіи, когда образовалось Суздальское княжество и его сношенія и связи съ Кіевомъ и Черниговомъ стали усложняться, особенно при суздальскомъ великомъ князѣ Юріи Долгорукомъ, эта мѣстность получила, кромѣ торговаго, и политическое, то-есть, въ сущности, стратегическое значеніе, какъ первая открытая дверь въ Суздальскую область, которую необходимо было укрѣпить для всякой опасности въ междукняжескихъ отношеніяхъ.

Вотъ почему существовавшая здѣсь, на Кремлевской горѣ, княжеская усадьба, подъ именемъ Москвы или Кучкова, вскорѣ устраивается городомъ; который былъ срубленъ въ 1156 году, именно въ то время, когда на Клязьмѣ основалось Андреемъ Боголюбскимъ новое княжество—Владимірское.

Для новаго княжества такой городокъ былъ необходимъ: онъ служилъ сторожевою защитою со стороны входа въ Суздальскую область и отъ Смо-

ленска, и отъ Новгорода, и отъ сѣверскихъ, а слѣдовательно и отъ кіевскихъ, и отъ рязанскихъ князей. Москва, такимъ образомъ, въ качествѣ города является крѣпкими воротами Владимірскаго княжества на самой проѣзжей дорогѣ. Какъ княжескій городъ, она—прямая дочь Владиміра, какъ и Владиміръ былъ прямымъ сыномъ Суздаля и внукомъ Великаго Ростова. Таково было историческое родство и преемство этихъ городовъ, оставившихъ впослѣдствіи все свое богатое историческое наслѣдство одной Москвѣ.

Когда и какъ произошло начало Москвы, когда и какъ она зародилась на своемъ мѣстѣ, объ этомъ книжные люди стали гадать и разсуждать только съ той поры, когда Москва явилась сильною и славною, царствующимъ великимъ городомъ, крѣпкимъ и могущественнымъ государствомъ, когда у книжныхъ людей изъ сознанія этого могущества сами собой стали возникать вопросы и запросы, какъ это случилось, что Москва-городъ стала царствомъ-государствомъ.

Отвѣтомъ на этотъ вопросъ, конечно, могли появиться неученыя и, такъ сказать, деревенскія гаданія по смутнымъ преданіямъ, или же, съ другой стороны, ученыя измышленія по источникамъ старой книжности.

Въ лѣтописяхъ Москва называется Кучковымъ. У сына Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго, были бояре Кучковичи, два брата съ своимъ зятемъ. Великій князь казнилъ одного изъ братьевъ; а другой братъ и зять составили заговоръ и убили

самого Андрея. Этихъ именъ и обстоятельствъ было вполнѣ достаточно, чтобы потомъ сложилась легенда. Сущность ея слѣдующая.

Былъ когда-то богатый и знатный бояринъ, по имени Степанъ Кучко, который владѣлъ нѣсколькими „красными" селами на берегахъ рѣки Москвы. Разъ онъ прогнѣвалъ князя Юрія Долгорукаго тѣмъ, что не воздалъ ему надлежащей чести; князь велѣлъ его казнить, а двухъ сыновей и дочь, красавицу Улиту, отослалъ во Владиміръ къ своему сыну Андрею. Сей послѣдній женился потомъ на Улитѣ, а братьевъ ея сдѣлалъ своими близкими боярами. Между тѣмъ села Кучковы князь Юрій присвоилъ себѣ; ихъ красивое мѣстоположеніе очень понравилось князю, и онъ построилъ тутъ городъ, который отъ рѣки названъ Москвою.

Это первоначальное сказаніе впослѣдствіи подверглось еще разнымъ прибавкамъ и передѣлкамъ, такъ что явилось какъ бы нѣсколько сказаній. По одному изъ нихъ, Юрій Долгорукій любилъ жену своего тысяцкаго Кучка и казнилъ его за намѣреніе перейти на сторону Изяслава, князя кіевскаго. По другому, болѣе позднему, сказанію, уже не Юрій Долгорукій казнитъ Степана Кучка и строитъ городъ Москву, а сынъ Александра Невскаго—Андрей, который мстилъ боярину и его сыновьямъ за убійство своего брата Даніила Александровича. Наконецъ, еще болѣе поздніе книжники сочинили сказку о построеніи Москвы княземъ Даніиломъ, который посреди болотъ и лѣсовъ нашелъ здѣсь хижину пустынника Букала, и на мѣстѣ этой хижины возникъ впослѣдствіи великокняжескій дворъ.

Какъ бы то ни было, первоначальное кремлевское поселеніе города Москвы въ незапамятныя времена основалось на крутой береговой горѣ, на мысу кремлевской площади, которая нѣкогда выдвигалась къ устью рѣчки Неглинной крутымъ обрывомъ у теперешнихъ кремлевскихъ Боровицкихъ воротъ.

Лѣтописная исторія Москвы начинается съ 1147 года.

Когда Москва въ 1147 году сильно и широко угощала новгородъ - сѣверскаго князя, она въ то время была еще только княжескимъ селомъ, хозяйственнымъ княжескимъ хуторомъ, а потому все ея населеніе несомнѣнно состояло только изъ однихъ дворовыхъ слугъ князя съ ключникомъ или дворецкимъ во главѣ. Но когда, черезъ 10 лѣтъ, въ 1156 году, князь Юрій Долгорукій или собственно Андрей Боголюбскій устроилъ изъ своего села городъ, то-есть обнесъ село крѣпкими, хотя и деревянными, стѣнами, то это значило, что Москва съ той поры становилась уже не княжескимъ селомъ, а цѣлымъ полкомъ княжеской военной дружины. Въ то время городъ и дружина-полкъ были одно-значущи. Постройка города показывала, что окрестныя близкія и дальнія мѣстности были уже достаточно населены и въ опасныхъ случаяхъ требовали безопаснаго убѣжища, какимъ и являлись крѣпкія стѣны города. Въ случаѣ нападенія и нашествія враговъ вся населенная окрестность сбѣгалась обыкновенно подъ защиту городовыхъ стѣнъ, унося съ собою все дорогое и цѣнное изъ своего имущества и оставляя на произволъ судьбы только постройки своихъ дворовъ.

Но кромѣ того московскій первый городъ ставился, какъ передовая сторожевая крѣпость со стороны смоленскихъ (литовскихъ) да и новгородскихъ непріятелей, для защиты новаго стольнаго города Владиміра Суздальскаго, а также и со стороны южныхъ враговъ, потому что дорога съ юга къ Владиміру пролегала черезъ Москву и отъ Сѣверской области, и отъ Рязани.

Съ того времени господствующимъ населеніемъ города являются уже не княжескіе дворовые слуги, но дружинники, дружинное боярское сословіе съ своимъ тысяцкимъ во главѣ или бояриномъ-воеводою.

Само собою разумѣется, что съ устройствомъ города къ нему мало-по-малу стало тѣсниться и окрестное населеніе, стало *садиться* вблизи его стѣнъ, водворяя такимъ образомъ зародышъ будущаго обширнаго *посада.*

Спустя 20 лѣтъ послѣ постройки города, въ 1176 году, во время наставшей по смерти Андрея Боголюбскаго княжеской усобицы, городъ Москва въ лицѣ своей дружины принимаетъ живое участіе въ этой усобицѣ, отстаивая права своего старшаго города Владиміра. Подъ именемъ *московлянъ, москьвлянъ* дружина однажды выступила было въ походъ, сопровождая во Владиміръ своего излюбленнаго князя Михалку Юрьевича, но, услыхавъ, что къ ея родному городу Москвѣ идетъ соперникъ Михалка, Ярополкъ, поспѣшно поворотила назадъ, возвратилась вспять, „блюдучи домовъ своихъ“.

Однако, какъ ни береглись московляне, на другой же годъ (1177) осенью къ нимъ внезапно при-

шелъ рязанскій князь Глѣбъ „и пожже городъ весь и села“. Этимъ пожаромъ открывается длинный рядъ пожаровъ, опустошавшихъ весь городъ изъ конца въ конецъ.

Въ 1209 году князь рязанскій Изяславъ и пронскій Михаилъ снова приходили къ Москвѣ съ ратью, но были отбиты и едва спаслись бѣгствомъ. Въ это время Москва была только пригородомъ Владиміра и потому находилась въ непосредственномъ владѣніи великаго князя, сначала Андрея Боголюбскаго, а затѣмъ его брата, Всеволода, потомъ второго Всеволодова сына—Юрія. Повидимому и тогда уже она являлась городомъ настолько значительнымъ, что четвертый сынъ Всеволода, Владиміръ, получившій по смерти отца въ надѣлъ городъ Юрьевъ, не захотѣлъ въ немъ оставаться и перебрался въ 1214 году въ Москву, дѣйствуя въ усобицѣ враждебно противъ Юрія, который, однако, осадилъ его въ Москвѣ, принудилъ сдаться и отправилъ его на княженіе въ Переяславль кіевскій.

Въ Батыево нашествіе 1238 года городъ былъ плѣненъ и опять сожженъ; сгорѣли и церкви и монастыри всѣ и села. Эта лѣтописная отмѣтка, что погорѣли монастыри всѣ, можетъ указывать на значительность пригороднаго разселенія Москвы, а стало-быть и на достаточную населенность самого города. Какъ пригородъ стольнаго Владиміра, Москва и до татаръ и во время первыхъ десятилѣтій татарщины оставалась неотмѣнно во владѣніи великаго князя. Послѣ Батыева разгрома великое княженіе получилъ Ярославъ Всеволодовичъ, распредѣлившій передъ кончиною великокняжескія волости своимъ

сыновьямъ, при чемъ Москва досталась седьмому его сыну Михаилу, прозваніемъ Хоробриту, вскорѣ погибшему въ битвѣ съ Литвою (1248 г.). Второй сынъ Ярослава, великій князь Александръ Невскій († 1263 г.), вѣроятно по духовному завѣщанію, отдалъ Москву своему младшему сыну, двухлѣтнему ребенку Даніилу (родился въ 1261 г.), который по малолѣтству и съ своимъ городомъ находился подъ опекою дяди, Ярослава Ярославича тверского, занявшаго великокняжескій столъ по кончинѣ Александра. Если припомнимъ древній обычай—оставлять по своей кончинѣ свой собственный дворъ младшему сыну, то можемъ предположить, что Москва въ этомъ случаѣ является собственнымъ особымъ домашнимъ гнѣздомъ невскаго героя.

Тверская опека надъ Москвою продолжалась семь лѣтъ, и городъ управлялся тіунами Ярослава до его смерти въ 1271 г., когда уже десятилѣтній Даніилъ Александровичъ основался въ своемъ городѣ самостоятельнымъ княземъ. Съ этого времени (1272 г.) и „настало быти" уже непрерывное „княжество Московское".

Этотъ умный, дѣятельный князь, ребенкомъ оставшійся послѣ своего отца, выросъ и возмужалъ въ печальное для Россіи время, посреди такихъ бурныхъ событій, каковы татарскіе погромы и междоусобныя брани, поднятыя его старшими братьями изъ-за владимірскаго стола. Всю свою энергію онъ употребилъ на увеличеніе и округленіе собственнаго Московскаго удѣла, въ чемъ имѣлъ успѣхъ при помощи оружія и ловкой политики; потому и можетъ быть названъ „первоначальникомъ" соби-

ранія русскихъ земель подъ главенствомъ Москвы. Онъ сдѣлалъ такіе два важныхъ примысла къ своему удѣлу, какъ Коломна и Переяславль-Залѣсскій.

Этотъ замѣчательный князь, увеличивая свои владѣнія, по всѣмъ признакамъ, былъ домовитымъ хозяиномъ и много заботился также объ устроеніи и укрѣпленіи своего стольнаго города. Несмотря на татарскія разоренія (особенно при нашествіи Дюденя въ 1293 г.), Москва, очевидно, успѣвала оправиться и обстроиться, такъ что послѣ Даніила она является сравнительно цвѣтущимъ и весьма крѣпкимъ городомъ. Памятникомъ сего князя, между прочимъ, служитъ основанный имъ за Москвой-рѣкой Даниловъ монастырь (съ храмомъ во имя Даніила Столпника). Даніилъ Александровичъ скончался въ 1304 г. (по другому извѣстію въ 1303 г.), еще въ порѣ мужества: ему было съ небольшимъ сорокъ лѣтъ. Передъ смертью, по обычаю благочестивыхъ людей, онъ постригся и принялъ схиму. Погребенъ онъ былъ въ томъ же Даниловомъ монастырѣ.

У Даніила Александровича осталось пять сыновей, между которыми, конечно, и была подѣлена его волость. Старшій изъ нихъ, Юрій, занялъ столъ московскій. Преемникъ его и братъ, Иванъ Даниловичъ Калита, занялъ московскій столъ еще при жизни Юрія, который послѣдніе свои годы проводилъ преимущественно въ Новгородѣ. Переживъ всѣхъ братьевъ, онъ теперь соединилъ въ своихъ рукахъ всѣ московскія волости. При немъ Московская земля, во-первыхъ, заключала въ себѣ все теченіе рѣки Москвы съ городами Можайскомъ, Зве-

нигородомъ, Москвою и Коломною; далѣе на юго-западъ она простиралась отъ Коломны вверхъ по Окѣ, съ городками Каширою и Серпуховымъ, а на сѣверо-востокѣ владѣнія московскія охватывали уже часть Поволжья, заключая въ себѣ волжскіе города Угличъ и Кострому. Они перешли далеко и на сѣверную сторону Волги: Калита купилъ у обѣднѣвшихъ мѣстныхъ князей (потомковъ Константина Всеволодовича ростовскаго) не только Угличъ, но также Галичъ Мерскій и Бѣлозерскъ. Для подчиненія себѣ удѣльныхъ ростовскихъ князей онъ пользовался также семейными связями. Такъ онъ выдалъ двухъ своихъ дочерей за Василія Давыдовича ярославскаго и Константина Васильевича ростовскаго.

Относительно большая тишина, безопасность и зажиточность, которыми начала пользоваться Московская область сравнительно съ другими русскими землями, естественно привлекали сюда переселенцевъ изъ этихъ другихъ земель, и населеніе замѣтно стало умножаться. Многіе бояре отъ удѣльныхъ князей стали переходить на службу къ „великому князю всея Руси“, какъ сталъ именовать себя Иванъ Даниловичъ, по прозванію *Калита* (т.-е. денежный мѣшокъ или кошель, въ переносномъ смыслѣ — скопидомъ). (Просто „великими князьями“ назывались тогда почти всѣ сколько-нибудь значительные владѣтели областные и даже удѣльные.) Въ Москву пріѣзжали бояре изъ Твери, Чернигова, Кіева, Волыни и т. д.; даже изъ Орды стали выѣзжать въ Москву знатные люди, которые прини-

мали крещеніе, вступали въ московскую службу, получали помѣстья и жалованье.

Забота о возвышеніи своего отчиннаго города надъ всѣми другими и сметливость Калиты особенно выразились въ отношеніяхъ его къ церковной власти. Оказывая глубокое уваженіе митрополиту Петру и защищая его отъ соперниковъ, онъ сумѣлъ не только сдѣлать его своимъ другомъ, но и побудилъ его постепенно оставить стольный Владиміръ и переселиться на жительство въ Москву. Митрополиты русскіе имѣли обычай пребывать всегда вблизи великаго князя; слѣдовательно Петръ охотно покидалъ Владиміръ, который въ дѣйствительности уже пересталъ быть стольнымъ городомъ, хотя и продолжалъ именоваться великимъ княженіемъ. Замѣчательно, что переселеніе это совершилось еще въ то время, когда споръ за первенство между Москвою и Тверью находился въ полномъ разгарѣ и еще трудно было предвидѣть его рѣшеніе. Но уже самое пребываніе митрополита въ Москвѣ, сообщая ей значеніе церковной столицы, тѣмъ самымъ способствовало и ея перевѣсу надъ соперницей, такъ какъ привлекало на ея сторону сочувствіе народное.

Формальнаго или торжественнаго переселенія собственно не было, а просто во время своихъ частыхъ объѣздовъ русскихъ областей митрополитъ все рѣже и рѣже возвращался во Владиміръ, все долѣе и долѣе гостилъ въ Москвѣ. Достигнувъ глубокой старости, онъ началъ думать о томъ, гдѣ будутъ положены его кости. Предшественникъ его Максимъ, первый кіевскій митрополитъ, переселив-

шійся на сѣверъ, былъ погребенъ во владимірскомъ Успенскомъ соборѣ, и этотъ соборъ, послѣ Кіево-Софійскаго, сдѣлался, такъ сказать, митрополитальнымъ. Если Петръ желалъ утвердить митрополію въ Москвѣ, то надобно было позаботиться о сооруженіи въ ней достойнаго соборнаго храма, въ которомъ также онъ могъ бы найти себѣ упокоеніе. По словамъ его житія, Петръ началъ просить Ивана Калиту (тогда еще не получившаго ярлыка на великое княженіе) воздвигнуть въ Москвѣ такой же каменный соборъ во имя Успенія Богородицы, какой былъ во Владимірѣ. Позднѣйшій распространитель житія, митрополитъ Кипріанъ при этомъ влагаетъ въ уста Петру такое пророчество: „если, сыне, послушаешь меня, то самъ прославишься паче всѣхъ князей, и весь родъ твой, и градъ сей возвеличится надъ всѣми русскими городами; святители будутъ обитать въ немъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ его; также и мои кости будутъ положены въ немъ“. Калита поспѣшилъ исполнить его желаніе и заложилъ каменный Успенскій храмъ въ московскомъ кремлѣ, близъ своего двора, лѣтомъ 1326 г. Но едва выведено было основаніе и едва Петръ успѣлъ приготовить въ стѣнѣ нишу съ каменною гробницею для себя, какъ онъ скончался въ декабрѣ того же года и былъ погребенъ въ этой гробницѣ. Такимъ образомъ св. Петръ началъ собою рядъ московскихъ іерарховъ-угодниковъ, столь много содѣйствовавшихъ прославленію Москвы и русскаго народа. На слѣдующій годъ Успенскій храмъ былъ оконченъ и освященъ ростовскимъ епископомъ Прохоромъ (авто-

ромъ первоначальнаго краткаго житія Петрова). Но этотъ Успенскій соборъ ни размѣрами своими, ни украшеніями далеко не могъ равняться съ изящнымъ созданіемъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III. Московскій князь, владѣвшій пока только частью Суздальской земли и бывшій смиреннымъ данникомъ Золотой Орды, конечно, являлся бѣднѣе помянутыхъ своихъ предковъ. Притомъ художество русское, достигшее замѣчательнаго развитія въ первой половинѣ XIII вѣка, было задавлено варварскимъ игомъ и пока еще не успѣло возродиться къ новой жизни.

Кромѣ Успенскаго собора, Калита украсилъ московскій кремль еще нѣсколькими каменными храмами. На Боровицкомъ холмѣ, на самомъ великокняжескомъ дворѣ была деревянная церковь Спаса Преображенія. Калита построилъ, вмѣсто деревянной, каменную и устроилъ при ней монастырь; „мнихолюбивый“ князь перевелъ сюда часть иноковъ и архимандрію изъ отцовскаго Данилова монастыря, подчинивъ его Спасо-Преображенскому (сей послѣдній послужилъ усыпальницею древнихъ московскихъ княгинь). Около того же времени онъ построилъ, вѣроятно въ честь своего ангела, каменную церковь Іоанна Лѣствичника, „что подъ колоколами“, какъ выражается лѣтопись (на мѣстѣ позднѣйшей колокольни Ивана Великаго). На самомъ краю Боровицкаго холма, надъ спускомъ его къ Москвѣ-рѣкѣ, стояла деревянная церковь Михаила Архангела (можетъ-быть основанная помянутымъ московскимъ княземъ Михаиломъ Хороброитомъ). Онъ воздвигъ на ея мѣстѣ каменный

храмъ, назначивъ ему служить усыпальницей для себя и своего потомства. Всѣ эти каменные храмы были малыхъ размѣровъ и не отличались большимъ изяществомъ. Нагляднымъ ихъ образцомъ для насъ служитъ помянутый Спасо-Преображенскій храмъ, отчасти уцѣлѣвшій въ прежнемъ своемъ объемѣ и болѣе извѣстный въ народѣ подъ именемъ „Спаса на Бору“ (означенные четыре каменные храма, т.-е. Успенія, Спаса, Іоанна и Михаила, построенные Калитой, были расписаны иконными фресками при его сынѣ Симеонѣ Гордомъ). Что касается до храмовъ деревянныхъ, то Москва уже обиловала ими въ то время; по крайней мѣрѣ лѣтопись по поводу одного пожара сообщаетъ, что сгорѣло при этомъ 18 церквей. Сіе бѣдствіе, столь часто опустошавшее наши древніе города, однажды истребило и самыя кремлевскія стѣны. Иванъ Даниловичъ послѣ того выстроилъ новыя стѣны изъ дубоваго лѣса,—слѣдовательно, болѣе крѣпкія, чѣмъ прежде, но все-таки деревянныя.

Послѣ кончины Ивана Калиты (31 марта 1341 г.) великое княженіе досталось старшему сыну его Симеону, прозванному *Гордымъ*. Нѣсколько значительныхъ пожаровъ посѣтили Москву при Симеонѣ и, слѣдовательно, давали обильную пищу его строительной дѣятельности. Что же касается до украшенія стольнаго города, то онъ усердно продолжалъ начинанія своего отца. Именнопочти, всѣ каменные московскіе храмы, построенные Калитою, были расписаны внутри фресковою живописью. Это расписаніе стоило обыкновенно не мало трудовъ и издержекъ, такъ какъ, по обычаю того времени, всѣ

внутреннія стѣны сверху до низу покрывались иконнымъ письмомъ. Любопытно при семъ извѣстіе лѣтописей о томъ, что Успенскій соборъ расписывали греки, иконописцы митрополита Ѳеогноста, и окончили его въ одно лѣто (1344 г.); Архангельскій же соборъ расписывали русскіе писцы Захарія, Іосифъ и Николай съ своею „дружиною“, но въ то лѣто не успѣли окончить и половины церкви, ради ея обширности. Затѣмъ расписаны были Иванъ Лѣствичникъ и монастырскій Спасъ Преображеніе. Этотъ придворнокняжескій монастырь пользовался особою щедростью великой княгини Анастасіи Гедиминовны; она же на свою казну наняла „дружину“ мастеровъ расписывать церковь Спаса; начальники дружины были родомъ русскіе, но ученики грековъ, по имени: Гойтанъ, Семенъ и Иванъ, а дружина ихъ состояла уже большею частью изъ ихъ учениковъ. Великій князь и его младшіе братья, повидимому, сообща участвовали въ расходахъ на украшеніе кремлевскихъ храмовъ. По крайней мѣрѣ есть лѣтописное извѣстіе, что въ одно время съ ихъ расписаніемъ на общее иждивеніе братьевъ были слиты пять колоколовъ, три большіе и два меньшіе (вѣроятно, для звонницы надъ церковью Ивана Лѣствичника); „а лилъ ихъ мастеръ Бориско“.

Послѣ смерти Симеона Ивановича (1353 г.) великое княженіе досталось его брату Ивану II Ивановичу, прозваніемъ *Красному* (т.-е. красивому).

Иваномъ Краснымъ (ум. 13 ноября 1359 г.) закончился начальный рядъ московскихъ князей-собирателей Руси. Осѣдлая, хозяйственная дѣятель-

ность, стремленіе увеличить свою вотчину и дѣдину всякаго рода примыслами, воздержаніе отъ дальнихъ рискованныхъ предпріятій—вотъ ихъ отличительныя стороны, на основаніи которыхъ можно назвать ихъ князьями - вотчинниками по преимуществу. Малочисленностью княжеской семьи и недолговѣчностью ея членовъ обусловливался преобладающій порядокъ наслѣдства отъ отца къ сыну; изъ этого порядка встрѣчаемъ только два исключенія, когда наслѣдство переходитъ къ младшимъ братьямъ (Ивану I и Ивану II); но и при этомъ случайно старшіе братья не оставили мужского потомства. Слѣдовательно, обстоятельства сложились такъ, что, когда княжеское семейство размножилось, власть великаго князя успѣла окрѣпнуть и усилиться, прямой переходъ наслѣдства отъ отца къ сыну уже пріобрѣлъ свойство преданія, привычки, и, что особенно важно, населеніе успѣло оцѣнить выгоды такого перехода и было рѣшительно на его сторонѣ.

Несомнѣнно, что и самое географическое положеніе вліяло на усиленіе и возрастаніе Москвы, на ея роль собирательницы Руси. Она лежала почти въ центрѣ русскихъ областей и со всѣхъ сторонъ была загорожена ими отъ внѣшнихъ враговъ; на нее не падали ихъ непосредственные разрушительные удары. Сѣверская и Рязанская области отдѣляли ее отъ Татарской Орды, и на эти украйны налегала главная тяжесть варварскаго сосѣдства. Однако Москва не настолько была отдалена отъ степныхъ варваровъ, чтобы одно географическое положеніе спасало ее отъ погромовъ. Вотъ тутъ и

сказалось политическое искусство московскихъ князей. Тверь лежала еще дальше отъ татаръ, имѣла географическое положеніе не менѣе, если не болѣе, выгодное, и вначалѣ явилась счастливою соперницею Москвы въ соисканіи великаго княженія владимірскаго. И все-таки ея князья не поддержали ни внутренняго согласія, ни расположенія хановъ и навлекли на свои области татарскіе погромы. Между тѣмъ московскіе князья сумѣли пріобрѣсти и упрочить за собою продолжительное благоволеніе и даже покровительство со стороны Золотой Орды, чѣмъ ловко пользовались для борьбы со своими соперниками, для нарушенія, такъ сказать, политическаго равновѣсія въ системѣ русскихъ княженій. Въ прежнее время каждое усилившееся княжество или, собственно, княжая вѣтвь обыкновенно вызывала противъ себя соединенныя силы (коалицію) другихъ князей. И въ данномъ періодѣ находимъ нѣкоторыя попытки подобныхъ коалицій противъ Москвы; но московскіе князья ловко умѣли разстраивать такія попытки, при чемъ особенно опирались на ханскіе ярлыки и даже на открытую татарскую помощь.

Соображая всѣ обстоятельства, нельзя не придти къ тому заключенію, что самымъ сильнымъ двигателемъ сравнительно быстраго возвышенія Москвы было внѣшнее давленіе, постоянная внѣшняя опасность отъ татаръ, ихъ варварское иго. Русскій народъ, конечно, не могъ примириться съ этимъ игомъ; народный инстинктъ постоянно искалъ выхода изъ такого унизительнаго, рабскаго положенія, постоянно искалъ надежнаго средоточія. И едва только семья

Данiила Александровича московскаго начала выдѣляться изъ среды русскихъ князей своей умной политикой и хозяйственной дѣятельностью, народъ какъ бы увидалъ лучъ свѣта въ той непроглядной тьмѣ, которая его окружала. Сюда устремились вниманiе и ожиданiе всѣхъ сословiй. Духовенство въ лицѣ своихъ митрополитовъ, поселившихся въ тѣсномъ сосѣдствѣ съ московскими князьями, наглядно и безповоротно отдало имъ свое сочувствiе и содѣйствiе для собиранiя Руси. Боярство стало покидать и сосѣднiя и отдаленныя области и переходить на болѣе почетную, болѣе обезпеченную московскую службу. Простонародье оставляло безпокойныя мѣста и переселялось въ сравнительно тихiе московскiе предѣлы. Нѣкоторое время народное сочувствiе колебалось еще между Москвою и Тверью въ виду отважныхъ, симпатичныхъ характеровъ Михаила Ярославича и его сына Александра Михайловича. Но когда ловкiе московскiе политики сумѣли привлечь на свою сторону самихъ татаръ, а съ ихъ помощью взяли верхъ надъ Тверью, народныя симпатiи восточной Руси съ неудержимою силою устремились на Москву: давно искомое средоточiе было найдено, а вмѣстѣ съ нимъ найдена возможность воротить утраченную самобытность, о которой вздыхало столько поколѣнiй.

(По соч. Забѣлина и Иловайскаго).

III. Возвышеніе Москвы.

Въ великое княженіе Димитрія Іоанновича Донского въ Москвѣ явился каменный Кремль и монастыри: Чудовъ, Андроніевъ, Симоновъ. Но княженіе Донского въ лѣтописяхъ Москвы отмѣчено и страшными бѣдствіями: жестокій моръ, голодъ, скотскій падежъ, нашествія литовцевъ и татаръ и пожаръ.

Пожары случались въ Москвѣ довольно часто, но „Всесвятскій“ пожаръ, происшедшій лѣтомъ 1365 года, былъ самый ужасный. Онъ названъ такъ потому, что начался около церкви Всѣхъ Святыхъ. Стояла очень сухая, знойная погода. Вдругъ поднялась буря съ сильнымъ вихремъ и разметала головни по всему городу; въ одномъ мѣстѣ гасили, а въ десяти загоралось, такъ что не успѣвали ничего спасти изъ имущества; погибло много людей. Въ два часа времени выгорѣлъ весь городъ, т.-е. всѣ три его части: Кремль, Посадъ и Зарѣчье. При возобновленіи Москвы Димитрій и его двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ рѣшили, вмѣсто прежнихъ дубовыхъ стѣнъ Кремля, построить каменныя, для чего въ теченіе зимы заготовленъ былъ камень, а весною начали ставить стѣны и башни.

Вскорѣ этимъ каменнымъ стѣнамъ пришлось сослужить свою службу.

Литовскій великій князь Ольгердъ вмѣстѣ съ своими союзниками предпринималъ три похода на Москву. По своему обычаю, онъ старался дѣйствовать быстротою и неожиданностью. Въ первый свой походъ, явясь внезапно въ московскихъ предѣлахъ, онъ разбилъ сторожевой полкъ на рѣкѣ Тростнѣ (Рузскаго уѣзда) и затѣмъ двинулся на самую Москву. Димитрій затворился въ Кремлѣ и предварительно велѣлъ сжечь посадъ, чтобы въ немъ не укрѣпился непріятель. Незадолго выстроенныя каменныя стѣны Кремля оказали надежную защиту, и Ольгердъ, постоявъ дня три подъ Москвою, ушелъ назадъ, ограничившись грабежомъ и разореніемъ окрестныхъ селъ и монастырей. Это было первое непріятельское нашествіе въ глубь Московской земли со времени вокняженія Ивана Калиты; уже болѣе сорока лѣтъ Москва пользовалась отдыхомъ отъ подобныхъ разореній. Спустя года два союзники опять осадили Москву, но не могли взять города, а только пожгли посады и опустошили окрестности. Еще неудачнѣе былъ третій походъ ихъ на Москву. На этотъ разъ имъ не удалось застать Димитрія врасплохъ. Молодой московскій князь, очевидно, уже пріобрѣлъ опытность и началъ обнаруживать свои военныя способности. Димитрій Ивановичъ вышелъ имъ навстрѣчу и разбилъ сторожевой литовскій полкъ. Ольгердъ поспѣшно отступилъ и остановился за однимъ крутымъ оврагомъ. Тутъ нѣсколько дней противники стояли въ виду другъ друга; потомъ снова помирились и разошлись (1372).

Еще страшнѣе и разорительнѣе для Москвы было нашествіе татаръ подъ начальствомъ Тохтамыша.

Въ 1380 году давно жданный Мамай пошелъ на Москву съ огромнымъ войскомъ. Димитрій былъ готовъ; множество подручныхъ князей явилось къ нему по первому зову. Биться и побѣждать татаръ была не новость, и московскіе полки пошли искать враговъ на границы степей, къ Дону. Они возвратились побѣдителями, хотя съ страшнымъ урономъ; Мамай былъ прогнанъ. Но татары еще не хотѣли отказываться отъ русскихъ денегъ. Тохтамышъ заступилъ мѣсто Мамая. Наученный примѣромъ послѣдняго, онъ видѣлъ, что московскаго князя трудно одолѣть силою въ чистомъ полѣ, и потому употребилъ хитрость: явленіе важное, показывающее великое значеніе Куликовской битвы! Татары отказываются бороться съ Москвою въ чистомъ полѣ и только въ хитрости видятъ средство одолѣть ее; но хитрость есть орудіе слабаго,—слѣдовательно татары явно признаютъ свою слабость предъ юнымъ Московскимъ государствомъ. Тохтамышъ самъ, очевидно, находился подъ общимъ впечатлѣніемъ Куликова поля и потому употребилъ всѣ мѣры, чтобы не дать Димитрію времени собрать полки, а застать его врасплохъ. Съ этою цѣлью онъ велѣлъ внезапно захватить русскихъ гостей, особенно въ Болгарахъ, и товары ихъ пограбить; гостей захватили главнымъ образомъ съ тою цѣлью, чтобы они не дали знать въ Москву о приготовленіяхъ хана къ походу. Потомъ Тохтамышъ внезапно переправилъ свою рать на правую сторону Волги и быстро пошелъ къ московскимъ границамъ. На этотъ разъ Димитрій не былъ готовъ. Онъ не думалъ, чтобы татары такъ скоро пошли по слѣдамъ Мамаевымъ.

Къ тому же Куликовская битва стоила дорого новорожденному государству: Русская земля, говоритъ лѣтописецъ, оскудѣла воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого великій страхъ былъ по всей землѣ Русской. Вотъ почему, когда великій князь узналъ о приближеніи Тохтамыша, то оставилъ Москву и удалился въ Переяславль, а оттуда, мимо Ростова, въ Кострому. Тохтамышъ перешелъ Оку, взялъ Серпуховъ и приблизился къ Москвѣ.

Въ покинутой великимъ княземъ столицѣ вѣсть о приближеніи татаръ произвела большое смятеніе. По выраженію лѣтописца, народъ въ эту минуту походилъ на овецъ безъ пастыря. Съ одной стороны изъ окрестностей многіе жители со своей рухлядью спѣшили укрыться въ Москву; съ другой—богатые граждане спѣшили съ имуществомъ и семьями выѣхать изъ города, чтобы бѣжать въ дальнія мѣста; но чернь подняла мятежъ и если отпускала ихъ, то предварительно ограбивши. Мятежники звонили въ колокола и собирались на шумныя вѣча; рѣшено было занять всѣ ворота стражею и не выпускать никого изъ города. Бояръ перестали слушаться. Не пустили сначала ни великой княгини Евдокіи, ни митрополита Кипріана; наконецъ, позволили выѣхать великой княгинѣ и митрополиту. Въ это время въ Москву прибылъ, вѣроятно назначенный отъ великаго князя воеводою, одинъ изъ православныхъ литовскихъ княжичей, внукъ Ольгерда, прозваніемъ Остей. Онъ принялъ начальство, возстановилъ нѣкоторый порядокъ въ городѣ и приготовилъ его къ осадѣ. Выстроенныя Димитріемъ каменныя стѣны

представляли надежную защиту; жители вооружились, въ томъ числѣ сурожане, суконники и другіе купцы, и вмѣстѣ съ множествомъ гражданъ и крестьянъ, сбѣжавшихся изъ ближнихъ городовъ и волостей, составили значительную рать. Скоро отъ страха и смятенія они перешли къ противоположной крайности, т.-е. къ излишней самоувѣренности и пренебреженію непріятелемъ.

23 августа 1381 года передовые татарскіе отряды появились подъ Москвою. Стража съ городскихъ воротъ, увидавъ ихъ, затрубила въ трубы. Татары остановились за два или за три перестрѣла отъ города. Толпа непріятелей подъѣхала къ стѣнамъ и спрашивала о великомъ князѣ. Имъ отвѣчали, что онъ отсутствуетъ. Татары начали ѣздить вокругъ города, осматривая его рвы, забрала, ворота, башни. Кругомъ все было чисто, такъ какъ граждане пожгли всѣ посады и даже загородные монастыри; не оставили ни одного тына или бревна изъ опасенія примета къ городу. Между тѣмъ какъ добрые люди молились, постились и причащались въ ожиданіи горькой смерти, буйная часть гражданъ предавалась пьянству и грабежу тѣхъ домовъ, хозяева которыхъ бѣжали изъ города; особенно опустошались запасы меда и вина, находимые въ ихъ погребахъ, при чемъ много было пограблено кубковъ серебряныхъ и стеклянныхъ. Разгулявшіеся буяны шатаясь ходили по городу и хвастались своею будущею побѣдою надъ врагами; нѣкоторые влѣзали на стѣны, оттуда сквернословили, плевали на татаръ и вообще дѣлали противъ нихъ разныя безстыдныя выходки. Въ отвѣтъ на это татары гро-

зили обнаженными саблями и знаками показывали, какъ они будутъ рубить головы. Граждане ошиблись, думая, что передъ ними вся татарская рать; на слѣдующее утро пришелъ самъ Тохтамышъ съ главными силами, и темныя тучи варваровъ облегли городъ со всѣхъ сторонъ. Осажденные первые начали бросать стрѣлы въ непріятеля; въ отвѣтъ на это татары открыли частую и мѣткую стрѣльбу; стрѣлы ихъ сыпались какъ сильный дождь и омрачали воздухъ; многіе граждане падали мертвыми на забралахъ. Были у татаръ и такіе искусные люди, которые стрѣляли безъ промаха съ коней на всемъ скаку, направо и налѣво, впередъ и назадъ. Во время этой перестрѣлки часть варваровъ приставила лѣстницы и полѣзла на стѣны. Москвичи обливали ихъ кипящею въ котлахъ водою и отразили приступъ. Онъ возобновлялся три дня сряду, но безуспѣшно: башни и забрала были снабжены самострѣлами и камнеметательными орудіями, каковы *пороки, тюфяки* и даже *пушки,* тутъ впервые упоминаемыя. Были и въ числѣ москвичей искусные стрѣлки; такъ нѣкій суконникъ, по имени Адамъ, съ башни надъ Фроловскими воротами поразилъ изъ самострѣла прямо въ сердце одного изъ первыхъ ордынскихъ князей, чѣмъ причинилъ большую печаль самому хану.

Видя, что городъ нельзя скоро взять открытою силою и опасаясь пришествія великокняжеской рати, варваръ употребилъ коварство.

На четвертый день къ стѣнамъ *по опасу* (парламентерами) подъѣхали знатные татарскіе вельможи съ такими рѣчами: „Царь васъ своихъ людей и

своего улуса хочетъ жаловать; вы не виноваты; не на васъ онъ гнѣвается, а на великаго князя Димитрія. Отъ васъ же онъ ничего другого не требуетъ, а только то, чтобы вышли къ нему съ честью и дарами купно съ вашимъ воеводою; царь хочетъ только видѣть вашъ городъ и побывать въ немъ“. Такое предложеніе, конечно, было сдѣлано слишкомъ неискусно и подозрительно, чтобы ввести въ заблужденіе сколько-нибудь осторожныхъ людей. Но въ числѣ ханскихъ посланцевъ находились два суздальскіе князя, Василій и Семенъ Дмитріевичи. Застращенные Тохтамышемъ или сами повѣрившіе его лживой клятвѣ, они на крестѣ присягнули, что ханъ говоритъ искренно и что онъ не сдѣлаетъ никакого зла гражданамъ, если тѣ послушаются его. Ихъ присяга показалась многимъ москвичамъ достаточнымъ основаніемъ для того, чтобы повѣрить хану и смириться передъ нимъ. Напрасно князь Остей и нѣкоторые воеводы пытались убѣждать гражданъ, чтобы они повременили еще немного, пока Димитрій и Владиміръ Андреевичъ соберутся съ силами и придутъ на помощь. Толпа зашумѣла и настояла на своемъ. Отворились кремлевскія ворота, и Остей въ сопровожденіи бояръ вынесъ дары хану; за нимъ слѣдовали архимандриты, игумены и священники со крестами, потомъ шли черные люди. Тутъ, по данному знаку, одни татары бросились на эту процессію и произвели избіеніе, другіе устремились въ отворенныя ворота и ворвались въ городъ, третьи влѣзли на стѣны по приставленнымъ лѣстницамъ. Начались страшныя сцены убійствъ и грабежа; граждане, застигнутые врасплохъ, ме-

тались во всѣ стороны и болѣе не думали о сопротивленіи. Избіеніе прекратилось тогда, когда руки татаръ утомились и сабли ихъ притупились. Многіе искали спасенія въ каменныхъ церквахъ; но татары разбивали ихъ двери и, посѣкши христіанъ, расхищали церковную утварь или обдирали дорогія украшенія съ иконъ и книгъ. Кромѣ храмовъ, варвары разграбили богатства, десятилѣтіями накопленныя въ боярскихъ дворахъ, и склады товаровъ въ домахъ сурожанъ, суконниковъ и другихъ купцовъ. Насытившись грабежомъ, убійствомъ и захвативъ огромный полонъ, состоявшій преимущественно изъ здоровыхъ мужчинъ, молодыхъ женщинъ и дѣвицъ, варвары зажгли городъ и тѣмъ произвели его окончательное разореніе. „Дотолѣ, — говоритъ лѣтописецъ,—городъ Москва былъ великъ и люденъ; онъ кипѣлъ многолюдствомъ и богатствомъ; славою и честію превзошелъ всѣ грады Русской земли; въ немъ обитали князья и святители. А въ сіе время отошла слава его, и вся честь въ единый часъ измѣнилась, когда онъ былъ взятъ и пожженъ“. Это бѣдствіе случилось 26 августа 1381 года. Въ особенности невозвратима была потеря сгорѣвшаго въ соборныхъ храмахъ великаго множества книгъ; кромѣ собственныхъ рукописей, въ нихъ снесены были на храненіе книги изъ всѣхъ окрестныхъ монастырей и посадскихъ церквей. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ пожарѣ погибли и многіе памятники отечественнаго бытописанія. Не одна Москва пострадала въ это нашествіе. Когда была взята столица, Тохтамышъ разослалъ отряды опустошать волости и другіе города Московскаго княженія. Татары раз-

грабили тогда и пожгли Владиміръ, Звенигородъ, Можайскъ, Юрьевъ, Дмитровъ, Боровскъ, Рузу и Переяславль-Залѣсскій.

Во время этого разоренія одинъ татарскій загонъ, подошедши къ Волоку, наткнулся на стоявшаго тамъ Владиміра Андреевича; послѣдній ударилъ на татаръ и поразилъ ихъ. Бѣглецы принесли о томъ вѣсть Тохтамышу. Этой небольшой побѣды было достаточно, чтобы напугать хана: таково было впечатлѣніе Куликовской битвы. Опасаясь прибытія великокняжеской рати, боясь потерять добычу и безчисленный полонъ, ханъ стянулъ свои загоны и сталъ поспѣшно уходить. На обратномъ пути однако Татары успѣли взять Коломну, а потомъ пограбить и поплѣнить землю Рязанскую.

Когда Димитрій Ивановичъ съ братомъ Владиміромъ и боярами воротился въ столицу, то проливалъ горькія слезы, смотря на московское пепелище. Вездѣ лежали кучи труповъ и стояли обгорѣлыя развалины. Онъ немедленно принялся созывать изъ лѣсовъ разбѣжавшихся жителей, возобновлять городъ и очищать его отъ труповъ, при чемъ велѣлъ давать по рублю за восемьдесятъ тѣлъ людямъ, занимавшимся погребеніемъ ихъ. Роздано было 300 рублей,—слѣдовательно, число погребенныхъ простиралось до 24000; да кромѣ того много народа сгорѣло во время пожара или потонуло въ рѣкѣ, куда бросались отъ страха передъ варварами. А если опредѣлимъ число уведенныхъ въ неволю Москвитянъ хотя въ двадцать или двадцать пять тысячъ, то городъ Москва и ея окрестности лишились въ

это нашествіе по меньшей мѣрѣ отъ 50 до 60 тысячъ своего населенія.

Димитрію наслѣдовалъ сынъ его Василій. Въ самый первый годъ его княженія москвичи были испуганы усобицею, которая грозила возгорѣться между молодымъ великимъ княземъ и дядею его Владиміромъ Андреевичемъ серпуховскимъ, но, къ счастію, размолвка не дошла до открытой войны. Безъ войны успѣлъ Василій примыслить къ Москвѣ и княжество Нижегородское съ Городцомъ, Мещерою и Тарусою; но скоро пришла въ Москву страшная вѣсть, что между татарами явился опять грозный ханъ, сильнѣе Батыя и Мамая, Темиръ-Аксакъ (или Желѣзный Хромецъ, какъ называютъ его наши лѣтописи), который покорилъ много царствъ, выгналъ Тохтамыша и сбирается идти на Русь плѣнить христіанство, какъ поплѣнилъ его въ старину ханъ Батый. Василій не сталъ дожидаться Тамерлана въ Москвѣ, но собралъ войско и повелъ его на берега Оки; здѣсь донесли ему, что Елецъ уже взятъ татарами, что Тамерланъ стоитъ уже въ Рязанской землѣ, положилъ пусты оба берега Дона и сбирается на Москву. Великій князь послалъ увѣдомить объ этомъ митрополита Кипріана и сказать ему свою мысль, чтобы перенести въ Москву изъ Владиміра чудотворную икону Богородицы, которую писалъ евангелистъ Лука. Митрополитъ немедленно предписалъ всеобщій постъ и послалъ во Владиміръ за иконою. Далеко за городомъ встрѣтили ее Кипріанъ со всѣмъ духовенствомъ, князь Владиміръ Андреевичъ съ другими князьями и боярами и множество народа отъ мала до велика; икону

проводили въ Успенскій соборъ, гдѣ она и осталась навсегда. Говорятъ, что въ тотъ самый день, когда происходила эта встрѣча, Тамерланъ вышелъ изъ Русской земли. Великій князь возвратился назадъ съ полками и въ память неожиданнаго избавленія отъ бѣды построилъ Срѣтенскій монастырь на Кучковѣ полѣ, гдѣ москвичи встрѣтили икону. И до сихъ поръ въ Москвѣ празднуется день избавленія (26-е августа) крестнымъ ходомъ: это самый старшій (1395 г.) по установленію изъ всѣхъ крестныхъ ходовъ московскихъ.

Въ 1408 году Москва подверглась новому нападенію татаръ. Въ Ордѣ тогда, именемъ хана Булатъ-Салтана, владѣлъ Едигей, старикъ хитрый и бодрый, которому очень не нравилось, что московскій князь самъ не ѣздитъ въ Орду и не шлетъ туда денегъ. Но Едигей, подобно Тохтамышу, не надѣялся силою управиться съ Москвою и потому также употребилъ хитрость: распустилъ слухъ, что идетъ на Витовта, литовскаго князя, а самъ двинулся на Василія, который вовсе не ждалъ его и не успѣлъ собрать войско. Оставя стеречь Москву дядей своихъ Владиміра Андреевича и Петра Дмитріевича, великій князь уѣхалъ въ Кострому съ княгинею и дѣтьми. Тогда въ городѣ произошло страшное смятеніе: многіе въ безпамятствѣ отъ страха побѣжали, сами не зная куда, бросивъ имѣніе, которое досталось ворамъ и разбойникамъ; посады были зажжены, и пожаръ увеличилъ смуту. Въ это время показались полки татарскіе.

Едигей пришелъ и сталъ въ селѣ Коломенскомъ. Не видя ни откуда сопротивленія, онъ распустилъ

войско по окрестнымъ областямъ и побралъ много городовъ, волостей и селъ. Множество христіанъ померло тогда и отъ холода, потому что зима стояла морозная, съ вѣтрами и метелями. Москву взять приступомъ Едигей не надѣялся, а хотѣлъ зимовать подъ ней и принудить голодомъ къ сдачѣ. Но скоро онъ долженъ былъ перемѣнить свое намѣреніе: изъ Орды пріѣхалъ гонецъ съ вѣстью, что какой-то царевичъ татарскій захотѣлъ воспользоваться отсутствіемъ Едигея и утвердиться въ Большой Ордѣ, изгнавъ или убивъ Булатъ-Салтана. Въ такихъ обстоятельствахъ медлить было нельзя: Едигей послалъ въ Москву съ мирными предложеніями, взялъ съ нея 3000 рублей окупа и поспѣшно отправился назадъ. Такъ потерпѣла Москва отъ татаръ и при наслѣдникѣ Донского.

Кромѣ этого бѣдствія, Москва терпѣла, какъ обыкновенно, отъ пожаровъ, въ 1389 году, въ 1395 и 1414. Въ оба первые раза, по словамъ лѣтописца, погорѣло по нѣскольку тысячъ дворовъ. Не одинъ разъ москвичи страдали и отъ голода: въ самый годъ Едигеева нашествія была дороговизна на хлѣбъ, и много людей померло отъ голода; потомъ съ 1419 года въ продолженіе трехъ лѣтъ свирѣпствовалъ страшный голодъ по всѣмъ областямъ русскимъ.

Москва мало измѣнилась при сынѣ Донского. Въ годъ вокняженія Василія умерла его тетка Марья, нареченная въ инокиняхъ Мароа, мать Владиміра Андреевича Храбраго. Памятникомъ ея доселѣ остается Рождественская женская обитель, которую она основала и въ которой была погребена

(на посадѣ или въ такъ называемомъ Бѣломъ городѣ, по лѣтописи „монастырь у Рождества на рвѣ“). Мать великаго князя Евдокія провела послѣдніе годы своей жизни ревностной монахиней-подвижницей и также основала свой собственный монастырь во имя Вознесенія въ Кремлѣ. Нареченная въ монашествѣ Евфросиніей, она скончалась въ 1407 году и погребена въ этомъ Вознесенскомъ монастырѣ, а не въ придворномъ Спасскомъ, гдѣ дотолѣ погребались московскія княгини и княжны.

При Василіи же расписанъ Благовѣщенскій соборъ русскими художниками, между которыми особенно отличался монахъ Андрей Рублевъ, котораго послѣ называли *пресловутымъ* и ставили въ образецъ.

„Въ 1404 году,— говоритъ лѣтописецъ,—великій князь замыслилъ *часникъ,* и поставилъ его на своемъ дворѣ, за церковью св. Благовѣщенія. Этотъ часникъ нарицается *часомѣрье;* на всякой часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитывая часы дневные и ночные; не было человѣка ударявшаго, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако створено есть человѣческою хитростью, преизмечтенно и преухищренно“. Такъ удивительны казались нашимъ предкамъ часы! Мастеромъ этого чуда былъ монахъ Аѳонской горы, именемъ Лазарь, родомъ изъ Сербіи.

Какъ обширна была Москва въ это время, видно изъ слѣдующаго извѣстія: въ 1394 году замыслили копать ровъ отъ Кучкова поля (Срѣтенки) въ Москву-рѣку; много было людямъ убытка, говоритъ лѣто-

писецъ: хоромы разметывали и много трудились, но ничего не сдѣлали.

Москва страдала отъ литвы, отъ татаръ, отъ пожаровъ, отъ бѣдствій физическихъ, но еще ни разу не страдала отъ усобицъ между собственными своими князьями. По смерти Василія Дмитріевича она испытала и эту бѣду. Новый великій князь, Василій Васильевичъ, былъ десятилѣтній младенецъ, которому дядя Юрій Дмитріевичъ не хотѣлъ уступить старшаго московскаго стола. Несмотря на всѣ старанія митрополита Фотія, соперники отправились въ Орду. Здѣсь, благодаря стараніямъ и ловкости главнаго боярина московскаго, Ивана Дмитріевича, ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу молодого Василія. Но ханское рѣшеніе не прекратило вражды между племянникомъ и дядею, а потомъ и его сыновьями— Василіемъ Косымъ и Дмитріемъ Шемякою. Юрій Дмитріевичъ отнялъ даже великое княженіе, но въ Москвѣ оставался недолго. Василій Васильевичъ возвратился въ Москву и помирился съ дядею на томъ условіи, чтобы Юрій не принималъ къ себѣ сыновей—Косого и Шемяку—и помощи имъ не давалъ. Но старикъ не исполнилъ обѣщанія и помогъ сыновьямъ въ войнѣ ихъ съ великимъ княземъ. Отъ этого завязалась новая война; въ Ростовской области Василій опять былъ разбитъ Юріемъ и бѣжалъ въ Новгородъ Великій, а оттуда въ Нижній. Юрій пришелъ къ Москвѣ. На этотъ разъ онъ не могъ войти въ нее безпрепятственно, но стоялъ цѣлую недѣлю подъ Кремлемъ, пока не взялъ его. Такимъ образомъ Кремль, котораго не могли взять силою ни Ольгердъ, ни Тохтамышъ, ни Едигей,

былъ взятъ впервые сыномъ строителя его, Димитрія Донского. Но Юрій недолго жилъ въ завоеванномъ Кремлѣ: когда сыновья его Димитрій Шемяка и Димитрій Красный, гонясь за великимъ княземъ Василіемъ, достигли Владиміра, то здѣсь получили вѣсть, что отецъ ихъ умеръ и на великомъ княженіи въ Москвѣ сидитъ старшій братъ ихъ, Василій Косой. Но братья не захотѣли имѣть его великимъ княземъ, и онъ выбѣжалъ изъ Москвы, которая опять досталась сыну Василія Димитріевича. Но споры князей этимъ еще не прекратились, и бѣды ждали Москву впереди.

Василій Косой не давалъ покоя Москвѣ до тѣхъ поръ, пока не попался въ плѣнъ и не былъ ослѣпленъ. Но оставался еще другой Юрьевичъ, Шемяка, который ждалъ удобнаго случая къ возстанію противъ великаго князя. Оставались еще враги внѣшніе, татары: въ 1445 году, узнавъ, что казанскіе татары идутъ къ Суздалю, великій князь выступилъ къ нимъ навстрѣчу. Въ Москвѣ привыкли уже къ побѣдамъ надъ ханами, которые были помогущественнѣе казанскихъ, какъ вдругъ пришла вѣсть, что великій князь не только разбитъ, но и взятъ въ плѣнъ. Такого несчастія Москва еще не испытывала: „былъ плачъ великій и рыданіе многое великимъ княгинямъ, но и всему христіанству“, говоритъ лѣтописецъ. Мало этого: ночью, 14 іюля сдѣлался пожаръ внутри города, и выгорѣло все, такъ что не только не осталось ни одного дерева, но и церкви каменныя распались, и стѣны каменныя рухнули во многихъ мѣстахъ; людей множество погорѣло, потому что съ одной стороны огонь,

а съ другой—боялись татаръ и потому не бѣжали. Сколько всякаго имѣнія сгорѣло—и счесть было нельзя, потому что въ это время изъ разныхъ городовъ прибѣжало множество народа въ Москву, спасаясь отъ татаръ. Двое великихъ княгинь, мать и жена Василія, выѣхали въ Ростовъ съ дѣтьми и боярами своими. Тогда жители стали волноваться: они хотѣли бѣжать; но простой народъ собрался, и прежде всего начали задѣлывать городскія ворота; бѣглецовъ ловили, били и ковали; этимъ утишили волненіе, и всѣ сообща начали укрѣплять городъ и строить дома. Москвичи, однако, не дождались татаръ; вмѣсто того 1 октября были напуганы землетрясеніемъ: многіе думали, что уже пришелъ послѣдній часъ. Впрочемъ скоро ободрились, узнавъ, что великій князь въ самый тотъ день, какъ было землетрясеніе въ Москвѣ, освободился изъ плѣна. Въ ноябрѣ Василій пріѣхалъ въ Москву, но не долго оставался въ ней: въ февралѣ 1446 года, по обычаю, отправился онъ на богомолье къ Троицѣ съ двумя малолѣтними сыновьями, Иваномъ и Юріемъ, въ сопровожденіи небольшого числа бояръ и слугъ. Вдругъ ночью 12 числа явился въ Москву Шемяка съ княземъ Иваномъ можайскимъ; соумышленники ихъ отворили имъ кремлевскія ворота. Мать великаго князя Софья и супруга его Марья были взяты въ плѣнъ; казна великокняжеская разграблена; вѣрные бояре также схвачены и ограблены; грабежу подверглись и многіе зажиточные граждане. Въ ту же ночь съ 12 на 13 февраля Шемяка отрядилъ Ивана можайскаго въ Троицкую лавру, чтобы захватить самого Василія. Великій

князь слушалъ обѣдню, когда къ нему прискакалъ рязанецъ Бунко съ извѣстіемъ о приближеніи враговъ. Василій не повѣрилъ ему, заподозривъ умыселъ поссорить его съ двоюродными братьями, съ которыми недавно заключилъ клятвенный договоръ. Онъ велѣлъ даже прогнать Бунка изъ монастыря и думалъ найти убѣжище въ каменномъ храмѣ Св. Троицы. Пономарь заперъ за нимъ церковныя двери, а самъ ушелъ и гдѣ-то спрятался.

По словамъ лѣтописи, передовые всадники какъ „свирѣпые волки" ворвались въ монастырь и подскакали къ Троицкому храму; начальникъ ихъ, бояринъ Никита Константиновичъ, вскочилъ на конѣ на лѣстницу къ самымъ церковнымъ дверямъ, но, слѣзая съ коня, упалъ и больно ушибся о камень. Потомъ подъѣхалъ Иванъ можайскій съ главнымъ отрядомъ и началъ спрашивать: „гдѣ великій князь?" Услыхавъ его голосъ, Василій самъ отперъ ему южныя двери и, взявъ въ руки икону съ гроба св. Сергія, началъ молить его о пощадѣ своего зрѣнія, обѣщая постричься въ томъ же Троицкомъ монастырѣ. (Стало-быть, враги уже прежде грозили ему ослѣпленіемъ). Онъ напомнилъ брату, какъ надъ гробомъ святого они вмѣстѣ цѣловали крестъ и эту самую икону и клялись не мыслить никакого лиха другъ на друга. Князь Иванъ въ смущеніи отвѣчалъ, что никакого лиха онъ не замышляетъ, а что все это дѣлается ради татаръ, пришедшихъ въ Москву: видя Василія въ бѣдѣ, они уменьшатъ его выкупъ и тѣмъ облегчатъ народъ. Поставивъ икону на мѣсто, Василій упалъ у гроба Сергія, рыдая и обливаясь слезами. Иванъ вышелъ изъ

церкви, сказавъ боярину Никитѣ: „возьми его“. Когда Василій приподнялся съ пола, Никита взялъ его за плечи со словами: „пойманъ еси великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ“. „Воля Божія да будетъ!“ — смиренно отвѣчалъ плѣнникъ. Его посадили въ простыя сани вмѣстѣ съ однимъ монахомъ и отвезли въ Москву; бывшихъ съ нимъ бояръ схватили, а прочихъ слугъ ограбили. Второпяхъ враги забыли о двухъ маленькихъ сыновьяхъ Василія, Иванѣ и Юріи, которые успѣли спрятаться. 14 февраля великаго князя привезли въ Москву и посадили на Шемякиномъ дворѣ. Спустя три дня враги ослѣпили его и сослали въ Угличъ. Шемяка сталъ княжить въ Москвѣ, но судъ его многимъ не понравился; начали стараться о возвращеніи Василія. Шемяка, видя, что множество людей отступаетъ отъ него, выпустилъ Василія, прося у него прощенія. Слѣпецъ показалъ при этомъ великое смиреніе, самъ обвинялъ себя и говорилъ что пострадалъ за собственные грѣхи. Шемяка отпустилъ Василія съ семьей на житье въ дальній городъ Вологду. Услышавши объ этомъ, бояре, дѣти боярскіе и всякіе люди побѣжали отъ Шемяки къ Василію; князь тверской заступился за него же; пришли къ нему на помощь и татары, помнившіе его прежнее добро, хлѣбъ и соль. Василій пришелъ въ Москву.

Война съ Шемякою продолжалась, но Москва не терпѣла отъ нея болѣе. Потерпѣла она еще разъ отъ татаръ лѣтомъ 1451 года: татары зажгли разомъ всѣ посады и бросились на приступъ къ Кремлю; погода была сухая, огонь со всѣхъ сторонъ

обнялъ городъ, церкви начали загораться, отъ дыма нельзя было ничего видѣть, а между тѣмъ татары ломились во всѣ ворота. Когда посады сгорѣли, то въ Кремлѣ стало полегче: не было уже такого зноя и дыма, и потому москвичи начали дѣлать вылазки. Въ сумерки татары отступили отъ Кремля, а граждане стали готовить городной пристрой, пушки, пищали, самострѣлы, чтобы на другой день биться съ безбожными. Блаженный Іона митрополитъ со всѣмъ священнымъ соборомъ, взявши честные кресты и святыя иконы, обошли по стѣнамъ города, со всенароднымъ множествомъ, отъ мала до велика, со слезами моля Бога и Пречистую Богородицу. Было же все это на праздникъ Положенія Ея честныя ризы. И вотъ, когда взошло солнце, то увидали москвичи, что биться не съ кѣмъ: татары ночью убѣжали въ степи. „Милосердый Богъ вложи въ татарскія сердца страхъ и трепетъ,—говоритъ лѣтописецъ,—яко не токмо наутрія не обрѣтошася у града поганіи, но скоро на бѣгъ устремишася, чающе по себѣ великаго воинства, гонимы невидимою силою Божіею и моленіемъ Пречистыя Его Матери“.

Великій князь, бывшій на Волгѣ во время осады, возвратился въ Москву, отслужилъ молебны по всѣмъ церквамъ и говорилъ народу: „Не унывайте, ставьте хоромы на прежнихъ мѣстахъ, а я васъ пожалую и льготу дамъ“.

Это была послѣдняя бѣда Москвы отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ въ княженіе Василія Темнаго. Но, кромѣ вражьихъ нашествій, Москва терпѣла не мало и отъ другихъ бѣдствій въ это

княженіе, отъ пожаровъ (1442, 1453 и 1458 гг.), мора (1425 г.) и бури. Въ іюнѣ 1460 года была въ Москвѣ буря страшная. О силѣ ея можно судить по ужасу, съ какимъ разсказываетъ о ней лѣтописецъ: по его словамъ, многія каменныя церкви были поколеблены въ своихъ основаніяхъ, а по селамъ многія церкви были сорваны и далеко отнесены отъ прежнихъ своихъ мѣстъ; люди прощались другъ съ другомъ, думая, что всѣмъ придется погибнуть.

Естественно, что въ такія безпокойныя времена Москва не могла много украшаться зданіями. Митрополитъ Іона заложилъ на своемъ дворѣ палату каменную и въ ней церковь Положенія Ризъ (въ память изгнанія татаръ). Великій князь поставилъ каменную церковь Рождества Предтечи у Боровицкихъ воротъ, гдѣ прежде была деревянная; по этому случаю читаемъ въ лѣтописи: „Говорятъ, что это была первая церковь на Москвѣ, на томъ мѣстѣ боръ былъ, и церковь срублена въ лѣсу; эта же церковь была и соборною при Петрѣ митрополитѣ, и дворъ митрополичій тутъ же былъ“. Частные люди также строили у себя каменныя церкви: такъ построилъ каменную церковь Воздвиженія у себя на дворѣ Владиміръ Ховринъ, на мѣсто прежней, каменной же, которая распалась въ пожаръ послѣ суздальщины, т.-е. разбитія и плѣна великаго князя при Суздалѣ.

III. Москва—столица царства.

Сынъ и преемникъ Василія Темнаго Тимоѳей-Иванъ родился въ 1440 году (22 января). Его рожденіе сопровождалось пророчествомъ юродиваго Михаила Клопскаго въ Новгородѣ: Михаилъ началъ звонить въ колокола и сошедшемуся народу, въ томъ числѣ владыкѣ Евѳимію II, объявилъ, что у великаго князя Василія родился сынъ, который страшенъ будетъ всѣмъ окрестнымъ странамъ и разрушитъ вольность новгородскую.

Будущій великій собиратель Руси провелъ свое дѣтство подъ тяжелыми впечатлѣніями московскихъ междоусобій, воздвигнутыхъ Димитріемъ Шемякою на Василія Васильевича, сопровождавшихся плѣненіемъ и ослѣпленіемъ сего послѣдняго. Утвердясь окончательно на московскомъ престолѣ, Темный поспѣшилъ упрочить престолонаслѣдіе за своимъ старшимъ сыномъ, сдѣлавъ его своимъ правителемъ съ титуломъ великаго князя. По всѣмъ признакамъ, Іоаннъ еще въ отроческихъ лѣтахъ принималъ дѣятельное участіе въ правительственныхъ дѣлахъ и былъ усерднымъ помощникомъ своему слѣпому отцу. Между прочимъ онъ неоднократно совершалъ походы противъ татаръ, спачала подъ руководствомъ опытныхъ воеводъ, а въ 1459 году, начальствуя большою ратью, онъ на бе-

регахъ Оки отбилъ нашествіе Сеидъ-Ахметовой орды. Эта побѣда считалась современниками настолько важной, что въ память ея митрополитъ Іона соорудилъ у соборнаго Успенскаго храма на южной сторонѣ придѣлъ во имя Похвалы Богородицы.

Такимъ образомъ, наслѣдуя послѣ своего отца великое княженіе, двадцатидвухлѣтній Іоаннъ обладалъ уже значительною гражданскою и воинскою опытностью. Замѣчательный государственный умъ и необычайная сила воли Ивана III немедленно дали себя знать во всѣхъ важныхъ дѣлахъ, внѣшнихъ и внутреннихъ. Онъ водворилъ единодержавіе въ сѣверо-восточной Руси, присоединивъ подъ власть московскаго великаго князя Великій Новгородъ со всѣми его обширными владѣніями, Тверь, часть Рязанской земли, княжества Ярославское и Ростовское, земли Вятскую и Пермскую, и даровалъ самостоятельность московскому государству, окончательно освободивъ его отъ татарскаго ига.

Усиливая и возвышая московскую державу, Иванъ III естественно хлопоталъ о возведеніи прочныхъ красивыхъ зданій въ своемъ стольномъ городѣ и объ его лучшемъ украшеніи. Начали съ соборнаго храма. Построенный Калитою Успенскій соборъ сдѣлался уже тѣсенъ для такого города, какъ Москва; притомъ онъ такъ успѣлъ обветшать, что грозилъ разрушеніемъ, и своды его пришлось подпирать толстыми деревянными столбами. Митрополитъ Филиппъ въ 1472 году призвалъ двухъ московскихъ мастеровъ, Кривцова и Мышкина, и поручилъ имъ, разрушивъ старый

храмъ, на его мѣстѣ соорудить новый, болѣе обширный и совершенно подобный Владимірскому Успенскому собору, который продолжалъ составлять красу и удивленіе сѣверной Руси. На построеніе новой церкви митрополитъ учредилъ обязательный денежный сборъ съ московскихъ священниковъ и монастырей, а бояре и купцы давали по своему усердію. Соборъ заложили еще бо́льшихъ размѣровъ, чѣмъ Владимірскій; а посреди его построили временную деревянную церковь, въ которой совершалось богослуженіе; въ ней же происходило брачное вѣнчаніе Ивана III съ Софьей Палеологъ. Спустя два года, при новомъ митрополитѣ Геронтіи, когда зданіе уже доведено было до сводовъ, вдругъ часть его обрушилась. Причиною этого несчастія было неискусство каменныхъ мастеровъ: внутрь стѣнъ они сыпали мелкій камень и заливали его известью, но послѣднюю растворяли съ пескомъ жидко, неклеевито, отчего и стѣны не получили надлежащей прочности. Тогда великій князь призвалъ было псковскихъ каменщиковъ, которые учились своему дѣлу у сосѣднихъ нѣмцевъ. Однако онъ не ограничился тѣмъ и, отправляя въ Венецію своего посла Семена Толбузина, поручилъ ему достать тамъ хорошаго зодчаго и механика. Толбузинъ удачно исполнилъ порученіе и привезъ съ собою нѣкоего болонскаго уроженца Аристотеля Фіоравенти, „мастера муроля кой ставитъ церкви и полаты“, какъ выражается русская лѣтопись. Лѣтописцы наши не преминули при семъ случаѣ восхвалить его, какъ знаменитаго художника, которому самое имя Аристотеля дано было за его искусство и

котораго тщетно звалъ къ себѣ на службу турецкій султанъ. Но, повидимому, похвалы эти преувеличены, и Аристотель не былъ особенно знаменитъ въ своемъ отечествѣ Онъ подрядился на московскую службу за десять рублей въ мѣсяцъ,— цѣна по тому времени высокая. Аристотель прибылъ въ Россію вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Андреемъ и еще однимъ ученикомъ, по имени Петромъ. Великій князь послалъ его предварительно посмотрѣть Успенскій соборъ во Владимірѣ, чтобы строить по его образцу. Итальянецъ похвалилъ этотъ соборъ, замѣтивъ: „нѣкіихъ нашихъ мастеровъ дѣло". Прежде всего онъ за Андроньевымъ монастыремъ устроилъ печь для обжиганія кирпича, приготовляемаго по своему способу: этотъ кирпичъ былъ уже и продолговатѣе прежняго русскаго, а также тверже. Разбивъ дубовымъ тараномъ остатки обвалившагося храма, онъ заложилъ его вновь и началъ строить, употребляя густую клеевитую известь. Спустя четыре года храмъ былъ оконченъ; новгородскіе мастера покрыли его сначала деревомъ, а по дереву „нѣмецкимъ желѣзомъ".

12 августа 1479 года митрополитъ Геронтій съ нѣсколькими епископами, съ московскими архимандритами, игуменами и протоіереями соборнѣ освятилъ Успенскій храмъ. А великій князь раздалъ при этомъ щедрую милостыню инокамъ и нищимъ и устроилъ большой пиръ для духовенства и бояръ. Послѣ того въ новый соборъ торжественно перенесли мощи митрополитовъ, сохранявшіяся во время стройки въ ближней церкви „св. Ивана подъ колоколы".

Хотя образцомъ для него долженъ былъ служить Владимірскій соборъ, однако сооруженіе Аристотеля получило нѣкоторыя существенныя отличія. Во-первыхъ, владимірскій храмъ почти квадратный, а московскій, по выраженію лѣтописи, продолговатъ и заложенъ „палатнымъ образомъ“ (т.-е. подобно дому); длина его почти на четверть болѣе его ширины. Во владимірскомъ четыре основныхъ столпа: два алтарныхъ и два посреди церкви; а въ московскомъ по его длинѣ понадобилось шесть столповъ; изъ нихъ два алтарныхъ сохранили свою четырехгранную форму, а четыре остальные получили форму круглую, дотолѣ въ русскихъ храмахъ необычную. Число главъ тоже пять, какъ и во Владимірѣ, но тамъ три алтарныхъ выступа, а въ Москвѣ пять. Въ алтарѣ за престоломъ, надъ митрополичьимъ мѣстомъ, Аристотель высѣкъ на камнѣ крестъ продолговатой латинской формы, но митрополитъ потомъ велѣлъ его стесать. Наружныя украшенія московскаго собора оказались гораздо проще и бѣднѣе владимірскаго (сохранились только слѣды пояса изъ небольшихъ колонокъ съ арками). Очевидно, Аристотель умѣлъ хорошо и прочно строить, но не былъ искусенъ въ орнаментаціи. О прочной постройкѣ храма свидѣтельствуетъ его болѣе чѣмъ четырехсотлѣтнее незыблемое существованіе. И онъ недаромъ получилъ значеніе главной святыни московской. Это значеніе укрѣплено нѣсколькими знаменитыми иконами, собранными сюда изъ разныхъ частей Руси. Между ними главное мѣсто занимаютъ: икона Всемилостиваго Спаса, по преданію написанная императоромъ Мануиломъ, перенесен-

ная изъ Новгорода Иваномъ III и помѣщенная по правую сторону царскихъ вратъ, а по лѣвую сторону—извѣстная икона Владимірской Богоматери, перенесенная изъ Владиміра во время Тамерланова нашествія при Василіи Дмитріевичѣ.

Скоро въ новомъ Успенскомъ соборѣ совершено было торжественное вѣнчаніе на великое княженіе внука Ивана III — Димитрія Ивановича.

По смерти своего старшаго сына — Ивана Молодого — великій князь избралъ себѣ наслѣдникомъ его сына Димитрія, а не своего второго сына Василія. Чтобы подкрѣпить свой выборъ всенароднымъ актомъ, Иванъ Васильевичъ велѣлъ торжественно вѣнчать внука. Обычай торжественнаго княжескаго вѣнчанія или „посаженія на столъ“ существовалъ на Руси издревле; съ теченіемъ времени, при несомнѣнномъ вліяніи Византіи, выработались сопровождавшіе его обряды, пышность которыхъ, конечно, увеличивалась въ Москвѣ по мѣрѣ ея усиленія. Въ данномъ случаѣ мы впервые имѣемъ лѣтописное извѣстіе о вѣнчаніи не самого великаго князя, а его соправителя, или собственно наслѣдника. Лѣтописи сохранили намъ любопытныя подробности этого обряда, подробности, которыя въ главныхъ чертахъ сдѣлались какъ бы обязательными для всѣхъ послѣдующихъ русскихъ коронацій. Торжество происходило 4 февраля 1498 г. въ новомъ Успенскомъ соборѣ. Среди церкви на высокомъ помостѣ поставили три стула: для великаго князя, его внука Димитрія и митрополита Симона. Великій князь и митрополитъ сѣли на свои

мѣста, а Димитрій сталъ передъ ними у верхней ступени помоста.

„Отче митрополитъ! — сказалъ великій князь:— Божіимъ повелѣніемъ отъ нашихъ прародитель великихъ князей старина наша, оттолѣ и до сихъ мѣстъ отци великіе князи сыномъ своимъ первымъ давали великое княженіе, и язъ былъ своего сына перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ. Божія паки воля сталася, сына моего Ивана въ животѣ не стало, и у него остася сынъ первой, Димитрій, и азъ его нынѣ благословляю при себѣ и послѣ себе великимъ княженіемъ владимірскимъ и московскимъ и новгородскимъ; и ты бы его отче на великое княженіе благословилъ“.

Димитрій приблизился и преклонилъ голову. Осѣнивъ его крестомъ, митрополитъ положилъ руку на его голову и произнесъ молитву. Потомъ великій князь возложилъ на внука бармы и шапку Мономаха при чтеніи соотвѣтствующихъ молитвъ. Затѣмъ архидіаконъ съ амвона возгласилъ многолѣтіе „великому князю“ Димитрію. Обоимъ великимъ князьямъ приносили поздравленія іерархи, родственники, князья, бояре и прочіе люди. Въ заключеніе митрополитъ и Иванъ Васильевичъ говорили Димитрію приличное поученіе. Потомъ совершена была литургія, послѣ чего Димитрій вышелъ изъ церкви въ бармахъ и шапкѣ. Въ дверяхъ Успенскаго собора сынъ Ивана Васильевича Юрій трижды осыпалъ его золотыми и серебряными деньгами; то же самое повторилъ онъ передъ соборами Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ.

Кромѣ Успенскаго собора, Иванъ III заново пере-

дѣлалъ придворный Благовѣщенскій соборъ, а въ концѣ своего княженія велѣлъ разобрать и вновь построить въ большемъ размѣрѣ Архангельскій, служившій усыпальницею московскихъ князей и сдѣлавшійся для того уже тѣснымъ.

Рядомъ съ этими соборами великій князь, по примѣру другихъ европейскихъ государей, озаботился и для собственнаго пребыванія воздвигнуть красивый каменный теремъ или дворецъ; онъ былъ заложенъ послѣ страшнаго пожара, испепелившаго большую часть Москвы (въ 1493 г.). Еще прежде того на своемъ княжемъ дворѣ онъ построилъ обширную, свѣтлую каменную палату, которая впослѣдствіи отъ своихъ граненыхъ снаружи стѣнъ получила названіе Грановитой. Она назначалась для торжественныхъ пріемовъ, особенно иноземныхъ пословъ, и сохранилась до нашего времени. Подражая государю, митрополитъ, нѣкоторые бояре и богатые люди построили себѣ также каменные дома.

Вмѣсто старыхъ дубовыхъ стѣнъ Московскаго кремля великій князь построилъ каменные зубчатыя, съ башнями или стрѣльницами; подъ нѣкоторыми башнями проведены изъ кремля подземные ходы или тайники къ Москвѣ-рѣкѣ для снабженія водою на случай осады. При постройкѣ этихъ стѣнъ старый кремль былъ расширенъ со стороны Неглинной, здѣсь великій князь приказалъ снести дворы и даже церкви, чтобы оставить свободное пространство между посадомъ и кремлемъ; на этомъ пространствѣ былъ разведенъ садъ. Такое распоряженіе великаго князя однако не обошлось безъ

ропота: нѣкоторыя духовныя лица были недовольны тѣмъ, что переставляли церкви и потревожили прахъ погребенныхъ при нихъ покойниковъ, которыхъ кости вынесены были за городъ, на Дорогомиловское кладбище.

Всѣ важнѣйшія каменныя сооруженія исполнены были подъ руководствомъ иноземныхъ мастеровъ, особенно итальянскихъ, каковы, кромѣ Аристотеля, Марко, Антонъ и Петръ, извѣстные подъ общимъ именемъ фрязиныхъ, т.-е. итальянцевъ, Алевизъ (строитель Кремлевскаго дворца) и др. Вмѣстѣ съ подобными художниками проникъ тогда въ Россію и самый стиль возрожденія; въ храмовомъ зодчествѣ онъ явился здѣсь въ соединеніи съ прежнимъ византійско-русскимъ стилемъ. Что же касается до церковной живописи, то она всецѣло оставалась въ рукахъ русскихъ инонныхъ мастеровъ; между послѣдними славились въ эту эпоху Діонисій *иконникъ* и его товарищи: попъ Тимоѳей, Ярецъ и Коня. Ими, вѣроятно, начато было внутреннее расписаніе Успенскаго собора; по крайней мѣрѣ извѣстно, что они написали на алтарной преградѣ „Деисусъ съ праздники и пророки". Окончено было это внутреннее расписаніе уже при сынѣ и преемникѣ Ивана III.

Кромѣ каменныхъ сооруженій, наемные итальянскіе мастера исполняли тогда и разныя другія работы, въ особенности лили пушки и чеканили монету. Такъ фрязинъ Павлинъ Дебосисъ слилъ большую пушку, о которой лѣтописецъ русскій счелъ нужнымъ упомянуть (подъ 1488 г.). А помянутый выше Иванъ фрязинъ прямо названъ въ

лѣтописи „денежникъ“, т.-е. чеканщикъ монеты. Извѣстный Аристотель былъ не только зодчій и инженеръ, но также лилъ пушки, колокола и чеканилъ монету.

Призываемые въ Москву мастера, конечно, помогли развитію здѣсь разнаго рода художественныхъ и ремесленныхъ издѣлій, къ которымъ такъ способно великорусское племя. Очевидно, въ эту эпоху еще болѣе стало развиваться въ Москвѣ и искусство выдѣлывать вещи изъ драгоцѣнныхъ металловъ, особенно изъ серебра подъ черныю. Чары и сосуды московскаго чекана уже славились у сосѣднихъ владѣтелей.

Василій Ивановичъ продолжалъ объединять Русь около Москвы, присоединивъ къ послѣдней Рязань и Сѣверскую землю. При немъ Москва подверглась нападенію крымскаго хана Магметъ-Гирея, но спасена заступленіемъ Богоматери и своихъ чудотворцевъ.

Въ 1521 году изъ Крыма къ великому князю пришла вѣсть, что Магметъ-Гирей собирается съ большими силами на Москву. Но эта вѣсть пришла слишкомъ поздно: татары уже подходили къ Окѣ. Василій наскоро выслалъ небольшую рать, чтобы загородить имъ дорогу при переправѣ. Но татары успѣли перейти рѣку и обратили въ бѣгство московскій отрядъ. Подъ Коломною къ Магмету присоединился его братъ Саипъ, который съ своими казанцами успѣлъ уже опустошить области Нижегородскую и Владимірскую. Соединенная Орда бросилась прямо къ Москвѣ. Возобновились времена

нашествій Тохтамыша и Едигея. Василій былъ застигнутъ врасплохъ и поступилъ такъ же, какъ его предки, т.-е. уѣхалъ на сѣверъ собирать войско. А столицу онъ поручилъ свояку, крещеному татарскому царевичу Петру, и боярамъ. Но здѣсь господствовала паника и страшный безпорядокъ. Населеніе окрестностей бросилось спасаться въ городъ, особенно въ Кремль, и произвело здѣсь такую тѣсноту, что воздухъ, пропитанный зловоніемъ, угрожалъ появленіемъ моровой язвы.

„Тогда,—говоритъ лѣтописецъ,—преосвященный Варлаамъ, митрополитъ всея Россіи, и прочіе святители, и весь освященный соборъ, и иноческій чинъ, и всенароднаго достоянія множество, отъ вельможъ и до простыхъ людей всякаго возраста мужска пола и женска, не только на Москвѣ, но и по всей Рустѣй земли, вси зазрѣша себѣ коійждо о своихъ согрѣшеніяхъ и вси возскорбѣша и на покаяніе обратишася, и въ святыхъ церквахъ обще и по домамъ и по келіямъ особь непрестанно Бога моляху и Пречистую Богородицу и великихъ русскихъ чудотворцевъ и всѣхъ святыхъ, и надежды спасенія не отпадаху“. Но въ одинъ таинственный часъ, истосковавшись нечестіемъ Москвы, цѣлый сонмъ ея святителей всталъ изъ гробовъ своихъ и думалъ удалиться изъ города. Необыкновенный шумъ сопровождалъ это таинственное, лучезарное шествіе почившихъ, двигавшихся неслышною поступью въ своихъ великолѣпныхъ священныхъ одѣяніяхъ изъ Кремля во Флоровскія (Спасскія) ворота. Возставшіе изъ гробовъ святые митрополиты Петръ, Алексій, Іона, Леонтій ростовскій и мно-

гіе другіе уносили съ собою чудотворный образъ Божіей Матери. Они уже покинули Кремль и направились по Ильинской улицѣ, когда неожиданно повстрѣчали св. Сергія и Варлаама хутынскаго. Сонмъ усопшихъ остановился. Спросивъ святителей, почему они уходятъ, и получивъ отвѣтъ, что уходятъ они изъ Москвы за ея нечестіе и по волѣ Божіей, Сергій и Варлаамъ уговорили ихъ остаться, сохранить городу его святыню и умилостивить Бога. Тутъ же совершено было всѣмъ сонмомъ почивающихъ молитвословіе, и возставшіе возвратились во свои гробы, полегли въ нихъ и вновь стерегутъ нашу православную матушку Москву. Тогда же Москва спаслась отъ погрома татарскаго: ханъ ушелъ назадъ.

Въ дѣлѣ украшенія и укрѣпленія столицы съ помощью иноземныхъ мастеровъ Василій III усердно продолжалъ начатое его отцомъ. Такъ, по его приказанію, извѣстный мастеръ Алевизъ фрязинъ обложилъ кирпичомъ и камнемъ ровъ, шедшій вокругъ городской стѣны, и привелъ въ лучшій порядокъ прилегавшіе пруды. Около того же времени была окончена постройка великокняжескаго двора, смежныхъ съ нимъ Архангельскаго и Благовѣщенскаго соборовъ. Послѣдній покрытъ позолоченною кровлей и внутри расписанъ иконами на золотомъ полѣ (1508 годъ). Тогда же мастеръ Бонъ фрязинъ окончилъ церковь Іоанна „подъ колоколами“ (гдѣ Ивановская колокольня). Вѣроятно, для этой колокольни, въ концѣ Васильева царствованія, мастеръ Николай Нѣмчинъ слилъ колоколъ „большой благовѣстникъ“ въ тысячу пудовъ, но помѣщенъ онъ былъ

на особой „деревянной колокольницѣ". Вновь перестроенъ каменный придворный храмъ Спаса Преображенія. Кромѣ того, при Василіи воздвигнуто въ Москвѣ болѣе десяти каменныхъ церквей (Введенская на Большомъ Посадѣ или въ Китай-городѣ, Рождественская за Неглинкой, Благовѣщенская на Ваганьковѣ, Алексѣевская въ Дѣвичьемъ монастырѣ за Черторыей и пр.), и всѣ онѣ построены тѣмъ же архитекторомъ Алевизомъ фрязиномъ. Тотъ же Алевизъ повидимому былъ и пушечнымъ мастеромъ. Лѣтопись сообщаетъ, что на Алевизовомъ дворѣ, гдѣ приготовляли пушечное зеліе (порохъ), на Успенскомъ врагѣ, однажды произошелъ пожаръ, при чемъ погибло болѣе 200 рабочихъ (1531 годъ). Великій князь строилъ каменные храмы въ подгородныхъ своихъ селахъ, напримѣръ въ Воронцовѣ—Благовѣщенія, а въ Коломенскомъ—Вознесенія. При Василіи же основанъ подъ Москвой извѣстный Новодѣвичій монастырь.

Межъ тѣмъ какъ каменное храмовое зодчество находилось пока въ рукахъ иноземцевъ, внутреннее храмовое украшеніе или иконопись продолжало развиваться какъ художество вполнѣ русское. При Василіи было окончено фресковое расписаніе знаменитаго Успенскаго собора. А помянутое выше расписаніе Благовѣщенскаго было совершено мастеромъ Ѳеодосіемъ Денисьевымъ съ братіей (кажется, сыномъ Діонисія, извѣстнаго иконника временъ Ивана III). Очищенныя недавно отъ позднѣйшихъ наслоеній, фрески этого собора свидѣтельствуютъ о значительномъ процвѣтаніи иконописнаго искусства въ то время. Любопытны, между прочимъ, извѣстія лѣто-

писей о поновленіи нѣкоторыхъ наиболѣе чтимыхъ иконъ стараніями митрополита Варлаама, который самъ не былъ чуждъ иконописному художеству. Во-первыхъ, по его совѣту и благословенію, государь разрѣшилъ поновить знаменитый образъ Владимірской Божіей Матери и велѣлъ устроить для него новый кіотъ, украшенный золотомъ и серебромъ (1514 годъ). Затѣмъ великій князь велѣлъ принести изъ Владиміра древнія иконы Спаса и Богородицы, отъ времени обветшавшія. Митрополитъ съ духовенствомъ и народомъ встрѣтилъ ихъ на Посадѣ и съ молебствіемъ проводилъ въ Успенскій Соборъ (государь тогда отсутствовалъ изъ Москвы). Потомъ Варлаамъ велѣлъ поставить ихъ въ своихъ палатахъ и поновлять, при чемъ помогалъ иконникамъ собственными руками (1518 г.). Для сихъ иконъ также устроили новыя драгоцѣнныя ризы, пелены и кіоты. Въ слѣдующемъ году св. иконы были отпущены обратно во Владиміръ съ такою же торжественностью, какъ и встрѣчены. Государь съ боярами самъ проводилъ ихъ за Андрониковъ монастырь.

При Василіи встрѣчаемъ въ столицѣ начало полицейскихъ порядковъ. Такъ ночью, послѣ урочнаго часа, воспрещалось безъ особой нужды ходить по извѣстнымъ улицамъ, для чего онѣ заграждались рогатками, при которыхъ стояла стража. Василій подтвердилъ запрещеніе отца относительно пьянства и вольной продажи меда, пива и вина; но такъ какъ запрещеніе это не распространялось на великокняжескихъ тѣлохранителей, то онъ выстроилъ

для нихъ за рѣкой особую часть города, которая названа Наливки.

Большіе успѣхи сдѣлало при Василіи III развитіе московскаго придворнаго строя, то-есть умноженіе чиновъ, должностей и обрядности, въ чемъ, кромѣ установившагося единодержавія и самодержавія, не малую долю вліянія имѣли византійскія преданія, подкрѣпленныя матерью великаго князя и пріѣхавшими съ нею греками. Встрѣчаемъ нѣкоторыя придворныя званія, о которыхъ прежде не упоминалось, напримѣръ: *стряпчихъ*, вѣдавшихъ царскую одежду, *рындъ*, или нарядныхъ тѣлохранителей, *крайчихъ, оружничихъ, ясельничихъ* (вѣдавшихъ конскій приборъ), *постельниковъ, шатерниковъ* и пр. Своеобразная роскошь и строгая обрядность московскаго двора въ ту эпоху стали обращать на себя вниманіе иноземцевъ, въ особенности западноевропейскихъ пословъ, которымъ приходилось близко наблюдать и на самихъ себѣ испытывать наши придворные порядки и обычаи. Любопытное описаніе нѣкоторыхъ таковыхъ обычаевъ находимъ въ сочиненіи о Московскомъ государствѣ извѣстнаго германскаго посла Герберштейна, дважды посѣтившаго наше отечество.

Навстрѣчу послу предъ его первымъ прибытіемъ въ Москву выѣхалъ знатный бояринъ. Послѣдній при семъ строго соблюдалъ достоинство своего государя и, напримѣръ, не выходилъ первый изъ саней или не слѣзалъ съ лошади, а ждалъ пока это сдѣлаетъ прибывшій посолъ. Герберштейнъ, замѣтивъ, какую цѣну москвитяне придаютъ всѣмъ подробностямъ встрѣчи, также захотѣлъ поддер-

жать достоинство своего государя, началъ спорить, а потомъ прибѣгъ къ хитрости: онъ вынулъ ногу изъ стремени, дѣлая видъ, что слѣзаетъ съ лошади. Бояринъ тотчасъ сошелъ на землю, но тутъ съ досадой замѣтилъ обманъ противника. Скрывъ досаду, онъ подошелъ съ непокрытою головой и отъ имени своего государя спросилъ посла, по добру ли по здорову пріѣхалъ, произнеся предварительно полный царскій титулъ (великій государь Василій, Божіею милостію государь всея Руси и великій князь владимірскій, московскій, новгородскій, псковскій, смоленскій и пр.).

Во время второго пріѣзда барона Герберштейна, онъ, какъ извѣстно, имѣлъ товарищемъ своимъ графа Леонарда Нугароля. За полъ-мили отъ Москвы ихъ встрѣтилъ старый дьякъ, ѣздившій съ посольствомъ въ Испанію, объявилъ, что для почетнаго пріема имъ назначены отъ государя *большіе люди*, и предупредилъ, что при свиданіи съ ними надобно сойти съ лошадей и стоя слушать государевы слова. Старикъ былъ покрытъ потомъ и казался въ большихъ хлопотахъ; на вопросъ Герберштейна о причинѣ сего, онъ отвѣчалъ: „Сигизмундъ, у насъ государю служатъ иначе, чѣмъ у васъ“. Въ Москвѣ баронъ и графъ получали содержаніе, назначенное для германскихъ пословъ; имъ и ихъ свитѣ ежедневно доставлялись пища и напитки; послѣдніе состояли изъ разныхъ сортовъ меда и пива. Когда назначенъ былъ день торжественнаго пріема, за послами явилось нѣсколько важнѣйшихъ сановниковъ въ сопровожденіи большой свиты изъ дворянъ. По тѣмъ улицамъ, гдѣ проѣзжали послы,

стояли толпы народа, которыя становились гуще по мѣрѣ приближенія къ Кремлю, такъ что за тѣснотою поѣздъ едва пробрался въ кремлевскія ворота. Дѣло въ томъ, что, по распоряженію правительства, въ такой день народъ сгонялся сюда со всѣхъ сторонъ, запирались лавки и мастерскія, чтобъ удивить иностранцевъ своимъ многолюдствомъ, а слѣдовательно и могуществомъ. Посольство прошло посреди воиновъ, туземныхъ и наемныхъ, наполнявшихъ Кремлевскую площадь, и должно было сойти съ коней, еще не доѣзжая до дворцовой лѣстницы, ибо сходить съ лошади подлѣ нея могъ только одинъ великій князь. На лѣстницѣ и въ первыхъ комнатахъ дворца пословъ встрѣчали бояре, чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе знатные; они подавали правую руку и здоровались. Въ пріемномъ покоѣ находился великій князь съ братьями и думными боярами. Онъ сидѣлъ съ открытою головой на возвышеніи подлѣ стѣны, на которой висѣлъ образъ въ богатомъ окладѣ; справа на скамьѣ лежала мѣховая шапка или *колпакъ*, а слѣва—посохъ съ крестомъ и тазъ съ двумя рукомойниками и положеннымъ на нихъ полотенцемъ (для омовенія руки послѣ прикосновенія къ иновѣрцамъ). Послѣ установленныхъ привѣтствій пословъ посадили на скамью противъ великаго князя; при посредствѣ толмача они сказали свою рѣчь. Государь вставалъ и спрашивалъ: „Братъ нашъ Карлъ, избранный императоръ Римскій и наивысшій король, здоровъ ли?“ Графъ Нугароль отвѣтилъ: „Здоровъ“. Тотъ же вопросъ повторился о Фердинандѣ, на что отвѣчалъ Герберштейнъ. Потомъ Василій да-

валъ руку посламъ и спрашивалъ объ ихъ собственномъ здоровьѣ.

По окончаніи сей аудіенціи государь пригласилъ пословъ къ своему столу. Когда ихъ ввели въ обѣденную залу, великій князь и бояре уже сидѣли за столами, которые были разставлены вокругъ залы; посрединѣ находился поставецъ, обремененный золотыми и серебряными чашами и кубками. Государь сидѣлъ за особымъ столомъ, ближе къ нему помѣщались его братья, за ними слѣдовали бояре и другіе придворные люди, по степени своей знатности и милости государевой. Пословъ посадили также за особымъ столомъ, насупротивъ великаго князя. На столахъ были разставлены солонки, уксусницы и перечницы. Предъ началомъ обѣда великій князь, если хотѣлъ оказать кому почетъ, посылалъ хлѣбъ, а еще высшій почетъ означала посылка отъ него соли. Во время обѣда онъ посылалъ со своего стола нѣкоторымъ лицамъ, въ томъ числѣ посламъ, блюда съ кушаньями, при чемъ надобно было каждый разъ вставать и кланяться на всѣ стороны, что не мало утомляло пословъ. За обѣдомъ первымъ блюдомъ въ мясоѣдъ подавались жареные лебеди и журавли. Приправою къ кушаньямъ служили сметана, соленые огурцы и моченыя груши, которыя не снимались со стола во время обѣда. Въ началѣ обѣда пили водку, а потомъ подавали мальвазію, греческое вино и разные меды. Государь пилъ за здоровье пословъ и, такъ же какъ кушанья, посылалъ отъ себя напитки. Кубки и вообще посуда, которую здѣсь видѣли послы, казались сдѣланными изъ дорогихъ металловъ и

даже изъ чистаго золота. Служители, разносившіе кушанья и напитки, одѣты были въ нарядные кафтаны, или такъ называемые „терлики“, украшенные жемчугомъ и дорогими камнями; а прежде (до Василія) они одѣвались проще, наподобіе церковныхъ прислужниковъ. Обѣдъ продолжался нѣсколько часовъ. По окончаніи его, однако, не окончилась попойка. Тѣ же чины, которые провели пословъ во дворецъ, проводили ихъ домой и тутъ принялись снова угощать ихъ напитками, стараясь напоить допьяна. Въ этомъ отношеніи, по замѣчанію иноземцевъ, русскіе были большіе мастера: когда истощены всѣ другіе способы убѣжденія, то они начинаютъ пить здоровье великаго князя, его брата и другихъ почетныхъ лицъ, полагая, что при ихъ имени никто не можетъ отказаться отъ чаши. При семъ приглашающій пить чье-либо здоровье выходитъ на средину комнаты съ чашей въ рукѣ и говоритъ веселую рѣчь съ разными ему пожеланіями, опорожнивъ чашу, перевертываетъ ее и касается своей макушки, чтобы всѣ видѣли, что онъ выпилъ до дна. Затѣмъ точно такимъ же образомъ долженъ каждый опорожнить чашу. Единственное средство избавиться отъ дальнѣйшихъ тостовъ, это— притвориться сильно пьянымъ или заснувшимъ.

Послы приглашены были также на великокняжую заячью охоту, которая производилась близъ Москвы, на одной покрытой кустарниками заповѣдной полянѣ, гдѣ въ изобиліи водились зайцы. Кромѣ того, сюда заранѣе приносили много зайцевъ изъ другихъ мѣстъ и во время охоты по мѣрѣ надобности выпускали ихъ изъ мѣшковъ. Вели-

кій князь сидѣлъ на богато убранномъ аргамакѣ (какъ москвитяне называли коней турецкой породы); голова князя была покрыта колпакомъ съ поднятыми на лбу и на затылкѣ козырьками, на которыхъ качались золотыя пластинки наподобіе перьевъ; на немъ былъ родъ терлика, вышитаго золотомъ; на поясѣ висѣли спереди кинжалъ и два ножа, а назади—изукрашенная золотомъ палица съ привѣшеннымъ къ ней на ремнѣ мѣднымъ или желѣзнымъ кускомъ, — оружіе, употребляемое москвитянами на войнѣ (кистень?). Съ праваго боку у него ѣхалъ пользовавшійся особымъ почетомъ бывшій казанскій царь Шигъ-Али съ колчаномъ и налучникомъ за плечами, а съ лѣваго—два молодыхъ князя, изъ которыхъ одинъ держалъ сѣкиру или топоръ съ рукоятью изъ слоновой кости, а другой—булаву, называемую „шестоперомъ". Число всѣхъ всадниковъ простиралось до 300. Когда прибыли на мѣсто и началась охота, то всѣ, не исключая и великаго князя и знатныхъ лицъ, начали сами спускать каждый свою собаку; первому позволено было спустить ее Шигъ-Али, а затѣмъ и всѣмъ другимъ охотникамъ. Въ этотъ разъ было затравлено до трехсотъ зайцевъ. По окончаніи охоты великій князь со своей свитой и послами отправился къ какой то деревянной башнѣ, подлѣ которой были приготовлены шатры; онъ расположился въ самомъ просторномъ изъ нихъ, и тутъ угощалъ всѣхъ охотниковъ разными вареньями и печеньями, а также миндалемъ, орѣхами, сахаромъ и напитками. Въ иной разъ великій князь охотился съ кречетами или большими соколами на

лебедей, журавлей и т. п. птицъ. Кромѣ того, онъ забавлялся иногда борьбою людей съ медвѣдями, которыхъ содержалъ въ особо устроенномъ для нихъ дворѣ. Борцы (обыкновенно простолюдины) выходятъ противъ нихъ, вооруженные деревянными вилами (рогатиной?). Получившихъ при семъ раны государь приказываетъ лѣчить и, кромѣ того, награждаетъ ихъ платьемъ и хлѣбомъ.

Герберштейнъ, между прочимъ, видѣлъ торжественное богослуженіе въ Успенскомъ соборѣ въ самый день Успенія, 15 августа, и говоритъ, что великій князь стоялъ у стѣны, съ правой стороны, у боковой двери; онъ опирался на посохъ и въ одной рукѣ держалъ свой колпакъ; его бояре стояли у колоннъ храма. Тотъ же наблюдательный иноземецъ замѣтилъ чрезвычайное развитіе московскаго самодержавія въ то время. По его словамъ, своею властью надъ подданными, равно свѣтскими и духовными, Василій превосходилъ всѣхъ другихъ монарховъ; никто изъ его совѣтниковъ не осмѣливается противорѣчить ему или быть другого мнѣнія. Подданные считаютъ его исполнителемъ воли Божіей и на вопросъ о какомъ-либо сомнительномъ дѣлѣ отвѣчаютъ: „знаетъ Богъ и великій государь“.

По смерти Василія III столица и области Московскаго государства безпрекословно присягнули на вѣрность его трехлѣтнему сыну и преемнику Ивану, будущему Грозному царю. За малолѣтствомъ великаго князя государствомъ управляли его мать Елена и бояре. Въ это время Москва была свидѣтельницей ожесточенной борьбы за власть, всякаго

рода своеволій и грабительства, насилій и казней. Хищенія и насилія внутреннія сопровождались и внѣшними бѣдствіями. Лѣтомъ 1541 года Москва подвергалась большой опасности отъ крымскаго хана Саипъ-Гирея. Онъ поднялъ почти всю Орду, имѣлъ у себя турецкую помощь съ пушками и пищалями, также ногаевъ, астраханцевъ, азовцевъ и др., и пошелъ на Москву. Тогда изъ Москвы двинули къ берегамъ Оки главную рать подъ начальствомъ Дмитрія Бѣльскаго съ товарищами, а на помощь Шуйскому противъ казанцевъ послали костромскихъ воеводъ и Шихъ-Алея съ касимовскими татарами. Юный великій князь съ братомъ своимъ Юріемъ торжественно молился въ Успенскомъ соборѣ передъ иконою Владимірской Богоматери и передъ гробомъ Петра митрополита. Потомъ вмѣстѣ съ митрополитомъ Іоасафомъ онъ отправился въ боярскую думу и здѣсь предложилъ на обсужденіе вопросъ: оставаться ли ему въ столицѣ, или ѣхать въ другіе (сѣверные) города? Большинство бояръ говорило противъ отъѣзда великаго князя, который по своему малолѣтству не могъ бы перенести большихъ трудовъ, промышлять о себѣ и о всей землѣ. Митрополитъ былъ того же мнѣнія и указывалъ на примѣръ Димитрія Донского, какъ при немъ была разорена Москва, покинутая княземъ. Рѣшено было, чтобы великій князь остался въ столицѣ, подъ покровомъ Богородицы и московскихъ чудотворцевъ. Столицу дѣятельно приготовляли къ оборонѣ, разставляли пушки и пищали, расписывали людей по воротамъ, стрѣльницамъ и по стѣнамъ; посадъ укрѣпляли еще надолбами. Но ханъ, встрѣ-

тивъ многочисленную московскую рать, не отважился на бой и ушелъ назадъ.

Въ связи съ внѣшними опасностями въ управленіе Елены въ Москвѣ былъ построенъ Китай-городъ. Уже Василій Ивановичъ задумалъ усилить укрѣпленіе столицы и поставить другую крѣпость рядомъ съ Кремлемъ, въ томъ же пространствѣ между Москвой-рѣкой и ея притокомъ Неглинной. Елена и бояре поспѣшили выполнить его намѣреніе въ виду грозившей тогда литовской войны, и лѣтомъ 1534 года приступлено было къ работамъ. Сначала вырыли глубокій ровъ отъ Неглинной къ Москвѣ-рѣкѣ чрезъ Троицкую площадь, гдѣ происходили судные поединки, и такъ называвшійся Васильевскій лугъ, чѣмъ отдѣлили отъ Большого посада часть его, примыкавшую къ Кремлю и заключавшую въ себѣ по преимуществу торговыя мѣста. Потомъ вдоль этого рва въ слѣдующемъ 1535 году, при торжественномъ освященіи митрополитомъ Даніиломъ, заложена каменная стѣна съ башнями и воротами (Срѣтенскія, Ильинскія, Варварскія и Козмодемьянскія). Потомъ выведены двѣ боковыя стѣны, примкнувшія къ Кремлю. Строителемъ былъ одинъ изъ иноземныхъ (итальянскихъ) архитекторовъ, Петръ Малый фрязинъ. Издержки на это сооруженіе разложены были на бояръ, духовенство и торговыхъ людей. Пространство, заключенное между новыми стѣнами, получило названіе Китай-города.

Въ 1547 году молодой великій князь Иванъ Васильевичъ объявилъ митрополиту и боярамъ, что онъ намѣренъ жениться и еще прежде женитьбы

хочетъ вѣнчаться на царство по примѣру своихъ прародителей, начиная отъ великаго князя Владиміра Мономаха. Это торжественное вѣнчаніе совершено было 16 января митрополитомъ Макаріемъ въ Успенскомъ соборѣ по тому же чину и почти съ тѣми же обрядами, какъ помянутое выше вѣнчаніе Димитрія, внука Ивана III. Оно замѣчательно особенно въ томъ отношеніи, что къ прежнему титулу „великаго князя“ Іоаннъ присоединилъ теперь титулъ „царя“. Послѣдній уже встрѣчался иногда при его дѣдѣ; уже отецъ его Василій приказывалъ именовать себя царемъ. Но съ сего времени, т.-е. со времени Іоаннова коронованія, употребленіе сего титула сдѣлалось постояннымъ во всѣхъ государственныхъ актахъ. Книжные люди не преминули обратить вниманіе на эту перемѣну и придавали новому титулу большое значеніе. По ихъ понятіямъ, московскій царь является прямымъ преемникомъ православныхъ царей греческихъ, отъ которыхъ происходитъ и по бабкѣ своей Софьѣ, и по прародительницѣ Аннѣ, супругѣ Владиміра Святого. А царство Россійское, какъ они толковали, есть третій Римъ, наслѣдникъ двухъ прежнихъ („два убо Рима падоша, а третій стоитъ, а четвертому не быть“). Какъ бы въ подтвержденіе сихъ толкованій единственный авторитетъ, къ которому Іоаннъ потомъ обратился за подтвержденіемъ своего новаго титула или собственно за благословеніемъ, былъ цареградскій патріархъ; отъ него и была получена утвердительная грамота.

Невѣстою себѣ Иванъ Васильевичъ выбралъ Анастасію Романовну Захарьину-Юрьеву. Свадьба ихъ

совершилась 3 февраля въ Успенскомъ соборѣ. Вѣнчалъ митрополитъ Макарій. По окончаніи свадебныхъ празднествъ, черезъ двѣ недѣли послѣ вѣнчанія, царственная новобрачная чета, исполняя благочестивые обычаи предковъ, отправилась въ Троице-Сергіеву обитель, при чемъ царь совершилъ этотъ путь пѣшкомъ, несмотря на зимнее время.

Въ самомъ началѣ царствованія Ивана Васильевича Москву поразили сильные и опустошительные пожары весною и лѣтомъ 1547 года. 12 апрѣля выгорѣла часть Китай-города, примыкавшая къ Москвѣ-рѣкѣ, съ торговыми лавками, гостинными дворами и нѣкоторыми церквами, при чемъ одна башня, заключавшая складъ пороха, взлетѣла на воздухъ съ частью стѣны. 20 апрѣля сгорѣла часть посада около устья Яузы, на Болвановкѣ, гдѣ жили гончары и кожевники. Іоаннъ повидимому не особенно скорбѣлъ объ этихъ народныхъ бѣдствіяхъ. Въ то время псковичи, утѣсняемые намѣстникомъ княземъ Турунтаемъ-Пронскимъ, отправили 70 человѣкъ съ жалобами на него государю. 3 іюня Іоаннъ принялъ ихъ въ подгородномъ сельцѣ Островкѣ, но жалобы ихъ встрѣтилъ съ гнѣвомъ, началъ надъ ними издѣваться, велѣлъ раздѣть ихъ до нага, подпаливалъ имъ бороды зажженною свѣчою, потомъ приказалъ положить ихъ на землю. Жалобщики уже ожидали казни, какъ вдругъ изъ города прискакали съ извѣстіемъ, что упалъ большой колоколъ Благовѣстникъ (висѣвшій въ Кремлѣ на деревянной колокольницѣ): когда начали звонить въ него къ вечернѣ, уши у него отломились. Царь встревожился такимъ недобрымъ знаменіемъ и

тотчасъ ускакалъ въ городъ, чѣмъ прекратились дальнѣйшія истязанія несчастныхъ псковскихъ жалобщиковъ. Упавшій колоколъ оказался цѣлымъ и неповрежденнымъ; Іоаннъ велѣлъ придѣлать къ нему желѣзныя уши, а потомъ вновь повѣсить на ту же колокольницу. Но вотъ 21 іюня вспыхнулъ новый и самый страшный пожаръ. Онъ начался съ церкви Воздвиженья на Арбатѣ, за рѣчкой Неглинной, и спалилъ все Занеглинье. Поднялась буря, которая погнала огонь на Кремль; тутъ загорѣлись верхъ Успенскаго собора, кровли царскихъ палатъ, казенный дворъ съ царскою казною, придворный Благовѣщенскій соборъ съ его драгоцѣнными, украшенными золотомъ и бисеромъ, иконами письма стараго греческаго и Андрея Рублева. Сгорѣла Оружейная палата съ воинскимъ оружіемъ, постельная палата и погреба съ царскою дорогою утварью, царская конюшня, митрополичій дворъ. Погорѣли богатые кремлевскіе монастыри Чудовъ и Вознесенскій съ нѣсколькими старцами и старицами. Почти всѣ кремлевскіе дворы боярскіе выгорѣли. Одна башня съ порохомъ также взлетѣла на воздухъ съ частью стѣны. Отсюда огонь распространился на сосѣдній Китай-городъ и истребилъ едва не все, что осталось отъ предыдущаго пожара. На Большомъ посадѣ онъ опустошилъ еще улицы Рождественку и Мясницкую, Покровку, Варварку, Тверскую, Дмитровку и нѣкоторыя другія мѣста, со многими храмами и монастырями, въ которыхъ погорѣло множество старыхъ книгъ, иконъ и дорогой церковной утвари. При семъ пожарѣ погибло до 1.700 мужчинъ, женщинъ и дѣтей. Лѣтописцы

замѣчаютъ, что такого страшнаго пожара не бывало въ Москвѣ отъ самаго ея начала.

Митрополитъ Макарій едва не задохся отъ дыма въ Успенскомъ соборѣ, откуда онъ собственноручно вынесъ образъ Богородицы письма св. Петра митрополита. Въ сопровожденіи протопопа Гурія, который несъ за нимъ Кормчую книгу, Макарій взошелъ на Тайницскую башню, но отъ дыма не могъ тутъ долго оставаться; его на канатѣ стали спускать на набережную Москвы-рѣки; канатъ вдругъ оборвался, и митрополитъ такъ ушибся, что едва пришелъ въ себя. Его отвезли въ Новоспасскій монастырь. Царь съ семьей своей и боярами уѣхалъ изъ города за Москву-рѣку, въ свое село Воробьево. На слѣдующій день онъ съ боярами навѣстилъ больного митрополита въ Новоспасскомъ монастырѣ. Тутъ нѣкоторые, въ томъ числѣ и духовникъ царскій, протопопъ Благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Барминъ, начали говорить царю, будто Москва сгорѣла отъ какого-то волшебства, посредствомъ котораго вынимали сердца человѣческія, мочили ихъ водою и тою водою кропили городъ. Царь какъ бы внялъ такому грубому суевѣрію и неосторожно поручилъ боярамъ произвести розыскъ. Спустя нѣсколько дней бояре пріѣхали на Кремлевскую соборную площадь, собрали черныхъ людей и начали ихъ спрашивать: кто зажигалъ Москву? Черные люди, очевидно заранѣе подготовленные, закричали, что это княгиня Анна Глинская съ своими дѣтьми волхвовала помянутымъ выше способомъ. На ту пору княгиня Анна съ сыномъ Михаиломъ находилась въ своихъ ржевскихъ помѣстьяхъ, а другой

ея сынъ Юрій стоялъ тутъ же, среди бояръ. Услыхавъ страшныя слова, онъ поспѣшилъ укрыться въ Успенскій соборъ. Но толпа, наущаемая боярами, бросилась за нимъ, вытащила его изъ храма и, убивъ на мѣстѣ, бросила его тѣло на торгу, гдѣ казнили преступниковъ. Убійство Глинскаго было началомъ народнаго мятежа. Чернь бросилась послѣ того на его дворъ, принялась грабить и бить насмерть его людей, при чемъ погибло много дѣтей боярскихъ изъ Сѣверской области, которыхъ сочли за людей Глинскихъ. На третій день послѣ убійства мятежная толпа явилась въ Воробьево и требовала отъ царя выдачи его бабки княгини Анны Глинской, съ сыномъ Михаиломъ, которыхъ онъ будто хоронитъ въ своихъ покояхъ. Іоаннъ велѣлъ своимъ дворянамъ схватить нѣсколькихъ мятежниковъ и немедленно ихъ казнить. Толпа въ страхѣ разбѣжалась. Мятежъ былъ усмиренъ. Глинскіе были свержены, и самыми приближенными къ государю и самыми вліятельными людьми выступили два незнатные мужа: Сильвестръ и Адашевъ.

Съ этого времени открывается краткая, но блестящая эпоха Іоаннова царствованія, ознаменованная успѣхами во внутреннихъ дѣлахъ и во внѣшней политикѣ.

Москва быстро обновилась и украсилась, благодаря усерднымъ заботамъ царя, бояръ и духовенства о возстановленіи московскихъ храмовъ и своихъ обгорѣлыхъ палатъ.

Въ 1550 году въ Москвѣ былъ созванъ первый Земскій соборъ, или Великая земская дума, для умиротворенія государства, все еще глубоко воз-

мущеннаго крамолами и неправдами боярскаго управленія. Судя по послѣдующимъ примѣрамъ, кромѣ столичныхъ чиновъ, изъ областей созваны были представители отъ духовенства, бояръ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, а также нѣкоторые гости и купцы.

Въ одинъ воскресный день, послѣ обѣдни, государь и митрополитъ съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи Земской думы, вышли на площадь, гдѣ находился возвышенный помостъ или такъ называемое Лобное мѣсто, окруженное густыми толпами народа. Послѣ молебна Іоаннъ, стоя на этомъ помостѣ, обратился сначала къ митрополиту и, прося быть ему помощникомъ и поборникомъ, сказалъ:

— Самъ ты вѣдаешь, святой владыка, какъ я остался отъ отца своего четырехъ лѣтъ, а отъ матери осьми лѣтъ. Бояре и вельможи о мнѣ не радѣли и стали самовластны; именемъ моимъ сами похищали себѣ саны и почести, никто не возбранялъ имъ упражняться во многихъ корыстяхъ, хищеніяхъ и обидахъ. Они властвовали, а я былъ глухъ и нѣмъ по своей юности и неразумію. О лихоимцы, хищники и неправедные судіи! Какой отвѣтъ нынѣ дадите намъ за многія слезы, изъ-за васъ пролитыя? Я чистъ отъ крови сей, а вы ожидайте своего воздаянія.

Затѣмъ царь поклонился народу на всѣ стороны и продолжалъ:

— Люди Божіи и намъ дарованные Богомъ! Молю вашу вѣру къ Нему и любовь къ намъ. Нынѣ уже невозможно исправить вашихъ прошлыхъ обидъ и

разореній отъ неправосудія и лихоимства, попущенныхъ неправедными моими боярами и властями. Молю васъ, забудьте вражды другъ на друга и тяготы свои, кромѣ тѣхъ, какія бы еще можно облегчить. Отнынѣ я самъ буду вамъ судья и оборона, буду отмѣнять неправды и возвращать хищенія.

Впрочемъ, съ разрѣшенія митрополита и епископовъ Иванъ IV простилъ боярамъ ихъ прежнія вины и взялъ у владыки благословеніе „исправить по старинѣ и утвердити Судебникъ“.

Въ 1551 году былъ созванъ и знаменитый духовный соборъ, извѣстный въ исторіи подъ именемъ Стоглаваго и имѣвшій своею задачею общее исправленіе церковныхъ дѣлъ, такъ какъ въ предыдущую буйную эпоху боярскаго самовластія многіе старые обычаи „поисшатались“ и преданія „нарушились“.

Кромѣ важныхъ законодательныхъ мѣръ, въ лучшую эпоху Іоаннова царствованія совершилось и самое блистательное дѣло его внѣшней политики, т.-е. завоеваніе царства Казанскаго, а потомъ покореніе Астрахани и завоеваніе Нарвы и Юрьева.

Послѣ взятія Казани Іоаннъ торжественно возвращался въ Москву. Прежде нежели вступить въ столицу, онъ не преминулъ заѣхать въ Троицкую лавру и поклониться угоднику Сергію. Когда государь приблизился къ Москвѣ, навстрѣчу ему вышло такое множество народа, что все поле отъ рѣки Яузы до посада едва вмѣщало людей. Слышались только крики: „Многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варварскому, избавителю христіанскому!“ У монастыря Срѣтенскаго, гдѣ нѣкогда приняли

жители Москвы образъ Владимірской Божіей Матери, встрѣтили теперь духовенство и бояре съ сею иконою и хоругвями покорителя Казани. Здѣсь Іоаннъ, снявъ бранную одежду, возложилъ на себя порфиру, Животворящій Крестъ и вѣнецъ Мономаховъ и пошелъ въ Кремль къ Успенскому собору, гдѣ, отслужа молебенъ и поклонясь гробамъ святителей и предковъ своихъ, поспѣшилъ къ ожидающей его супругѣ Анастасіи, лежавшей еще въ постели, и къ новорожденному сыну своему Димитрію.

Ноября 8 въ Грановитой палатѣ царь пышно угощалъ духовенство, воеводъ и знатнѣйшихъ граждан. Пиръ сей продолжался три дня, и во всѣ эти дни щедрою рукою награждалъ царь храбрыхъ своихъ сподвижниковъ и вѣрныхъ сыновъ отечества, отличныхъ заслугами. Шубы, златые кубки, ковши, одежды, бархаты, соболи, кони, доспѣхи и деньги составили дары сіи, стоившіе по счету казначейства сорокъ восемь тысячъ рублей, или около милліона нынѣшнихъ, кромѣ вотчинъ, помѣстій и кормленій, которыми государь жаловалъ особо.

Увѣнчанный славою, среди пировъ и радости государь не забылъ изъявить признательность и къ Творцу, всѣхъ благъ Подателю: желая передать позднѣйшему потомству память милости Божіей и сего счастливаго событія, заложилъ онъ у воротъ Фроловскихъ (Спасскихъ) храмъ Покрова Богоматери о девяти куполахъ, существующій донынѣ и извѣстный подъ именемъ Василія Блаженнаго.

Въ 1560 году, августа 17, прекратилась жизнь благодушной супруги Іоанновой Анастасіи, а съ нею

прекратилось и вожделѣнное спокойствіе Москвы и Россіи. Москва болѣе другихъ мѣстъ испытала бѣдствія сего времени и болѣе другихъ оказала великодушной и безмолвной преданности царю.

Къ печальному внутреннему положенію присоединились внѣшнія бѣдствія и жестокія пораженія отъ сосѣдей. Такъ весною 1571 года крымскій ханъ Девлетъ-Гирей внезапно ворвался въ Московское государство. Нашлись измѣнники между нѣкоторыми дѣтьми боярскими, ожесточенными противъ тирана; они перебѣжали къ хану и разсказали ему о томъ, что большая часть русскаго войска находится въ Ливоніи, что въ Московской землѣ множество людей погибло отъ голода и мороваго повѣтрія. Тѣ же измѣнники вмѣстѣ съ нѣкоторыми новокрещеными и бѣжавшими отъ насъ татарами провели крымцевъ черезъ Оку такъ, что воеводы не успѣли помѣшать переправѣ. Вслѣдствіе тревожныхъ слуховъ самъ царь съ своею опричиною выѣхалъ къ войску на Оку. Онъ находился въ Серпуховѣ, когда узналъ о переправѣ татаръ, которые отрѣзали его отъ главнаго войска. Тогда онъ поспѣшно бѣжалъ въ Александровскую слободу, а оттуда въ Ростовъ, оставивъ Москву на произволъ судьбы. Однако Бѣльскій, Мстиславскій и другіе воеводы успѣли съ береговъ Оки прибыть къ Москвѣ и заняли ея посады, готовясь оборонять столицу. На слѣдующій день, 24 мая, въ праздникъ Вознесенія, явились татары и подожгли окраины города. Гонимый сильнымъ вѣтромъ огонь началъ свирѣпствовать съ страшною силою и въ нѣсколько часовъ обратилъ въ пепелъ большую часть поса-

довъ. При семъ множество народа, собравшагося въ городъ изъ окрестныхъ мѣстъ, погибло въ пламени или задохлось отъ дыма. Самъ главный воевода Иванъ Дмитріевичъ Бѣльскій задохся у себя на дворѣ, въ каменномъ погребѣ. Москва-рѣка до того наполнилась трупами, что нѣкоторое время не могла ихъ пронести внизъ по теченію. Ханъ однако не рѣшился осаждать уцѣлѣвшій Московскій кремль и, услыхавъ о приближеніи другой русской рати, ушелъ назадъ, уводя громадный полонъ (говорятъ, до 150.000).

Ивану Грозному наслѣдовалъ сынъ его Ѳедоръ Ивановичъ. Москва не успѣла еще оправиться отъ прежнихъ разореній, какъ ей угрожало новое бѣдствіе отъ крымскаго хана Казы-Гирея. Въ іюнѣ 1591 года получилось извѣстіе, что ханъ съ полуторастатысячною ордою идетъ прямо на Москву. 1 іюля московскіе полки пришли съ Оки къ селу Коломенскому; на слѣдующій день ихъ поставили въ подвижномъ лагерѣ, укрѣпленномъ телѣгами, или въ такъ называемомъ „обозѣ“, близъ Данилова монастыря. Самъ царь прибылъ въ лагерь, смотрѣлъ полки, жаловалъ бояръ, дворянъ и дѣтей боярскихъ. 4 іюля утромъ появилась татарская орда у Коломенскаго и начала тотчасъ жечь окрестныя села и хватать въ плѣнъ людей. Русскія войска не выходили изъ своего обоза, а татары не рѣшились всею массою напасть на нихъ, опасаясь ихъ большого наряда, т.-е. пушекъ. Въ обозѣ же, между прочимъ, была поставлена полотняная церковь во имя св. Сергія, и въ ней во все время битвы стоялъ образъ Донской Божіей Матери, бывшій съ вели-

кимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ на битвѣ Куликовской. Весь день до самой ночи прошелъ въ стычкахъ непріятелей съ мелкими партіями, которыя выѣзжали на нихъ изъ русскаго стана. Вѣрный своему характеру, царь Ѳедоръ Ивановичъ въ это время усердно молился въ своемъ теремѣ и сказалъ стоявшему подлѣ и плакавшему боярину Григорію Годунову, чтобы онъ утѣшился, ибо завтра поганыхъ уже не будетъ. Дѣйствительно, въ ту же ночь въ русскомъ лагерѣ произошелъ почему-то большой шумъ, сопровождаемый громомъ пушекъ. Ханъ, расположившійся уже въ селѣ Воробьевѣ, откуда смотрѣлъ на разстилавшуюся у его ногъ столицу, встревожился этимъ шумомъ и велѣлъ разспросить русскихъ плѣнниковъ; тѣ отвѣчали, что на помощь московской силѣ пришли многія войска изъ Новгорода и другихъ мѣстъ. Не дожидаясь утра, ханъ побѣжалъ назадъ, побросавъ свои обозы. Въ благодарность за избавленіе отъ непріятеля на томъ мѣстѣ, гдѣ въ „обозѣ“ была церковь св. Сергія съ иконою Донской Богоматери, построенъ былъ Донской монастырь.

Изъ внутреннихъ мѣръ сего царствованія самое видное мѣсто принадлежитъ учрежденію въ Москвѣ патріаршества.

Торжественное посвященіе митрополита Іова въ патріарха происходило 26 января 1589 года въ Успенскомъ соборѣ; оно совершено было цареградскимъ патріархомъ Іереміей въ сослуженіи съ русскими архіереями. По окончаніи обряда царь говорилъ новому патріарху рѣчь; сей послѣдній отвѣчалъ ему также обычнымъ словомъ. Послѣ того

происходилъ пиръ въ государевомъ дворцѣ. Во время обѣда Іовъ всталъ изъ-за стола и въ сопровожденіи большой свиты и хора пѣвчихъ отправился на осляти вокругъ „Стараго города“ (Кремля), при чемъ осѣнялъ крестомъ и кропилъ святой водой городскія стѣны; послѣ того воротился во дворецъ и опять занялъ свое мѣсто за столомъ. На другой день была торжественная трапеза у патріарха Іова. Тутъ снова при подачѣ третьей яствы онъ вышелъ изъ-за стола и, сѣвъ на осля, объѣхалъ вокругъ города „Большого каменнаго“ (или Бѣлаго города, только-что построеннаго), при чемъ часть пути его осля велъ за поводъ Борисъ Ѳедоровичъ Годуновъ.

Въ царствованіе Бориса Ѳедоровича Годунова Москва пережила великія бѣдствія отъ голода и моровой язвы. При немъ же она украсилась колокольней Ивана Великаго, новыми каменными палатами въ Кремлѣ, на мѣстѣ деревяннаго дворца Грознаго.

IV. Московское самодержавіе.

Со второй половины XV вѣка положеніе и значеніе верховной власти въ Восточной Руси поднялись на невѣдомую у насъ дотолѣ высоту и получили вполнѣ государственный характеръ. Вмѣстѣ съ постепеннымъ внутреннимъ объединеніемъ этой Руси и пріобрѣтеніемъ внѣшней независимости, естественно въ той же постепенности возрастали народное сочувствіе и уваженіе къ своимъ высшимъ вождямъ, т.-е. къ великимъ князьямъ московскимъ,—уваженіе, тѣсно связанное съ ихъ наружнымъ почитаніемъ и покорностью ихъ власти. Прежнее господствовавшее въ эпоху удѣльную и объединяющее всѣ области понятіе „Русской земли" постепенно замѣнилось понятіемъ государя, какъ воплощеніемъ идеи Русскаго государства. Эта идея, издревле присущая великорусскому племени, нашла, наконецъ, свое широкое и прочное осуществленіе въ лицѣ московскихъ собирателей Руси и въ формѣ московскаго самодержавія. Сплоченный въ одинъ крѣпкій государственный организмъ, продолжая вести энергичную борьбу съ враждебными сосѣдями на западѣ и на востокѣ, русскій народъ отнынѣ неуклонно сталъ занимать принадлежащее ему мѣсто въ ряду европейскихъ народовъ, идущихъ

во главѣ новой міровой исторіи. Отсюда само собой вытекаетъ важное всемірно-историческое значеніе московскаго самодержавія.

Съ расширеніемъ внѣшнихъ предѣловъ государства и развитіемъ самодержавной власти явилась потребность въ соотвѣтственномъ измѣненіи какъ ея обстановки, такъ и самаго ея титула. Эта потребность удовлетворялась развитіемъ обрядности и пышности при московскомъ дворѣ и принятіемъ царскаго титула.

Московскій Кремль, какъ главная резиденція государя, быстро преобразился и украсился подъ руководствомъ вызванныхъ имъ итальянскихъ мастеровъ. Извнѣ его опоясали каменныя зубчатыя стѣны съ красивыми воротами, стрѣльницами и башнями, а внутри воздвиглись каменные церкви, соборы и палаты. Деревянный великокняжескій дворецъ Иванъ III велѣлъ разобрать и на его мѣстѣ началъ строить каменный, поручивъ сію постройку фрязину Алевизу, миланскому уроженцу. Дворецъ этотъ былъ оконченъ и украшенъ уже при Василіи Ивановичѣ. Онъ представлялъ группу разныхъ пріемныхъ или парадныхъ палатъ и постельныхъ или жилыхъ хоромъ великаго князя и великой княгини, съ высокими теремами или чердаками. Дворцовыя зданія возвышались надъ нижними или подклѣтными этажами, которые въ свою очередь мѣстами были выстроены на бѣлокаменныхъ погребахъ. Они соединялись красивыми открытыми сѣнями или переходами и крыльцами съ лѣстницами. Пріемныя палаты шли по фасаду, обращенному къ площади, занятой соборами Благовѣщенскимъ, Архангельскимъ и

Успенскимъ. Тутъ были палаты Большая или Грановитая и Середняя или Золотая, богато украшенныя позолотою и стѣннымъ расписаніемъ; на Москву-рѣку выходили палаты набережныя, Большая и Малая. Внутрь дворца были обращены Столовая изба, Постельная изба, жилые терема и т. д. А посреди государева двора стоялъ заново перестроенный каменный Спасопреображенскій соборъ. Благовѣщенскій соборъ примыкалъ къ самому дворцу и былъ соединенъ съ нимъ крыльцомъ или папертью, а между соборами Благовѣщенскимъ и Архангельскимъ построена особая кирпичная палата, назначенная для храненія государевыхъ сокровищъ или казны и получившая потомъ названіе Казеннаго двора. Была во дворцѣ и особая палата Оружничья, т.-е. наполненная разнаго рода оружіемъ. Кремлевскій дворецъ вообще изобиловалъ дорогою утварью и всякаго рода сокровищами. Онъ былъ оберегаемъ многочисленною стражею, состоявшею изъ стрѣльцовъ и московскихъ дворянъ.

Обрядовая сторона придворнаго быта также получила большое развитіе подъ вліяніемъ преимущественно византійскимъ, которое оживилось съ прибытіемъ въ Москву Софьи Палеологъ и окружавшихъ ее грековъ. Эта сторона, повидимому, наиболѣе была обработана именно при сынѣ Софьи, Василіи III. Доступъ къ особѣ государя затрудненъ теперь разными церемоніями и цѣлою лѣстницею придворныхъ чиновъ. Вѣнчаніе на царство получило характеръ сложнаго и величественнаго обряда, основаннаго главнымъ образомъ также на византійскихъ преданіяхъ. Государевы выходы въ дни

праздниковъ и вообще торжествъ пріобрѣли невиданную дотолѣ пышность. Особенною роскошью и великолѣпіемъ отличались пріемы иноземныхъ пословъ и ихъ угощеніе за царскимъ столомъ. Въ этихъ обычаяхъ, какъ и вообще при сношеніяхъ съ иноземцами, московскій дворъ отличался замѣчательною устойчивостью, а московская дипломатія строго наблюдала достоинство и честь своего государя, преимущественно когда дѣло касалось его полнаго титула, который она не позволяла умалять ни подъ какимъ предлогомъ.

Въ эту же эпоху Москва расширилась и украсилась. Изъ новыхъ монастырей этого времени заслуживаютъ упоминанія: Новоспасскій, куда Иванъ III перевелъ придворный Спасскій монастырь, Николаевскій на Угрѣшѣ, Новодѣвичій, созданный Василіемъ Ивановичемъ въ память взятія Смоленска.

Во время большого московскаго пожара 1547 года погорѣли кремлевскія церкви и самый царскій дворецъ. Тогда погибли въ Благовѣщенскомъ соборѣ и образцовыя произведенія кисти знаменитаго Андрея Рублева. Когда пожары кончились и утихло связанное съ ними народное возстаніе, правительство принялось обновлять храмы и погибшую въ нихъ иконопись. Москва уже имѣла свою школу иконописцевъ. Стоглавый соборъ между прочимъ старался упорядочить это дѣло: онъ опредѣлилъ поставить надъ иконниками четырехъ старостъ, которые бы смотрѣли, чтобы иконы писались вѣрно съ установленныхъ образцовъ, чтобы неискусные въ этомъ дѣлѣ перестали имъ заниматься и чтобы

молодые ученики были отдаваемы къ добрымъ мастерамъ. Но, очевидно, московская школа была еще не велика и въ данную минуту не отличалась выдающимися художниками, такъ что не могла справиться съ явившимся вдругъ и такимъ большимъ спросомъ на иконы, достойныя главныхъ храмовъ столицы. Митрополитъ Макарій, подобно митрополиту Петру самъ искусный въ иконописаніи, и главный царскій совѣтникъ протопопъ Сильвестръ, оба связанные своею прежней дѣятельностью съ Новгородомъ, посовѣтовали царю, жившему тогда въ селѣ Воробьевѣ, призвать иконописцевъ изъ Новгорода и Пскова.

Одновременно съ писаніемъ новыхъ иконъ призванные въ Москву новгородско-псковскіе мастера расписывали своды и стѣны царскихъ палатъ.

Въ память взятія Казани Иванъ Васильевичъ уже въ 1553 году приказалъ поставить деревянную церковь Св. Троицы на краю рва, который шелъ отъ Кремля къ Китай-городу, вблизи Фроловскихъ воротъ (нынѣ Спасскихъ). Къ нему же былъ пристроенъ храмъ Покрова Богородицы съ нѣсколькими придѣлами. А въ 1555 году, послѣ взятія Астрахани, благодарный государь, желая ознаменовать завоеваніе татарскихъ царствъ, повелѣлъ разобрать эти деревянные храмы и на мѣстѣ ихъ воздвигнуть каменные, съ церковью Покрова Богородицы какъ главной въ срединѣ и съ восемью вокругъ нея придѣлами, каковы: Живоначальныя Троицы, Александра Свирскаго, Варлаама Хутынскаго, Николы Вятскаго, Кипріана и Устиньи, Входа въ Іерусалимъ и др. Очевидно, главный храмъ и его придѣлы пріурочены къ событіямъ Казанской осады: 1 октября,

въ праздникъ Покрова, рѣшенъ приступъ, а 2 октября, въ день Кипріана и Устиньи, взятъ самый городъ, и т. д. Такимъ образомъ воздвигнутъ храмъ *о девяти верхахъ.* Постройка всего зданія продолжалась около пяти лѣтъ. Храмъ сталъ называться соборомъ Покрова, „что на рву“. На томъ же мѣстѣ, при прежней церкви, былъ похороненъ въ 1552 году весьма любимый народомъ московскій юродивый Василій Блаженный, котораго лѣтопись называетъ „нагоходецъ“, по его обычаю лѣто и зиму ходить безъ одежды. При царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, въ 1588 году по случаю молвы о чудесахъ, совершавшихся на гробѣ юродиваго, къ Покровскому собору пристроена еще небольшая церковь во имя Василія Блаженнаго, и впослѣдствіи весь соборъ сталъ извѣстенъ въ народѣ преимущественно подъ симъ именемъ.

Соборъ этотъ признается лучшимъ представителемъ столпового и шатрового стиля храмовъ.

Со смертью царевича Димитрія, когда пресѣкся царскій родъ и наступило время владычества надъ Россіею поляковъ и самозванцевъ, Москва понесла тогда невознаградимыя утраты. Вѣковыя ея сокровища были расхищены, многіе памятники древняго искусства разрушены огнемъ или руками враговъ. Разграбивъ царскую казну, несчетныя богатства въ церквахъ, монастыряхъ, домахъ, лавкахъ и погребахъ, враги дѣлили между собою золото и серебро, драгоцѣнные каменья и ткани, такъ что, по словамъ нѣкоторыхъ лѣтописцевъ, инымъ ляхамъ доставалось отъ 10 до 20 фунтовъ серебра, и они стрѣляли въ русскихъ изъ самопаловъ жемчужи-

нами, потому что одного жемчуга найдено ими въ царскихъ кладовыхъ болѣе 40 четвериковъ. Поляки, захвативъ утварь русскихъ государей, ихъ короны и одежды, все это отправили въ Польшу къ королю Сигизмунду III. Но ближайшій стольникъ Никифоръ Траханіотовъ въ 1610 году, сентября 21, узнавъ, что боярская дума рѣшилась впустить поляковъ въ Московскій кремль и избрала польскаго королевича Владислава царемъ всея Руси, скрылъ первый царскій нарядъ и нѣсколько драгоцѣнныхъ по древности и по веществу сосудовъ и вещей въ подземную кладовую, никому неизвѣстную. Священные остатки сихъ древнихъ памятниковъ украшаютъ теперь Оружейную палату.

Съ избраніемъ на царство Михаила Θедоровича Романова началось возрожденіе царственнаго града Москвы. Царь Михаилъ Θедоровичъ обратилъ особенное вниманіе на укрѣпленія города, частью разрушенныя, частью поврежденныя во время осаднаго сидѣнья поляко-литовцевъ. Городскія стѣны, башни и ворота были исправлены и частью перестроены Въ 1635 и 1636 годахъ построены въ Кремлѣ новые каменные хоромы государевы, а въ 1636 году для царевичей Ивана и Алексѣя Михайловичей построенъ верхній теремъ, названный хоромами и покрытый вызолоченною мѣдью. Онъ возвышается надъ такъ называемымъ Теремнымъ дворцомъ.

Благочестивое попеченіе царя Михаила Θедоровича обращено было на возобновленіе и устроеніе храмовъ Господнихъ. Этими священными памятниками, т.-е. церквами Божіими, увѣковѣчивались

важнѣйшія событія, или свидѣтельствовалась благодарность Богу за исполненіе прошеній. Такъ, въ воспоминаніе двукратнаго изгнанія поляко-литовцевъ изъ Москвы созданы княземъ Дмитріемъ Пожарскимъ въ Китаѣ-городѣ церковь Казанской Богоматери, княземъ Дмитріемъ Трубецкимъ на Арбатѣ церковь Знаменія Божіей Матери, а въ дворцовомъ селѣ Рубцовѣ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ храмъ въ честь Покрова Богородицы, отъ коего и село это получило названіе Покровскаго. Уничтоженная послѣ 1612 года на Тверской церковь св. Пророка Елисея сооружена царемъ на память возвращенія изъ Польши въ Москву родителя его, митрополита Филарета, 14 іюня 1619 года. Старый дворъ Романовыхъ обращенъ былъ въ Знаменскій монастырь.

Царь Алексѣй Михайловичъ, подобно родителю своему, заботился объ украшеніи столицы и распространеніи въ ней храмовъ Божіихъ. Вступленіе свое на престолъ, 29 сентября 1645 года, царь Алексѣй Михайловичъ ознаменовалъ сооруженіемъ въ загородной слободѣ церкви св. Харитонія, а бракосочетаніе свое съ Маріей Ильиничною Милославскою—храмомъ св. Петра веригъ на Покровкѣ. Война и миръ, завоеваніе и присоединеніе къ Московскому государству новыхъ городовъ и областей, голодъ, моръ и пожары, рожденіе и бракосочетаніе особъ царствующаго дома, принесеніе св. иконъ и мощей въ столицу—служили благочестивыми побужденіями къ созиданію обѣтныхъ церквей. Сколько ни упразднено и ни перестроено по новой архитектурѣ

церквей того вѣка, но еще уцѣлѣли до нашего столѣтія многіе изъ древнихъ храмовъ временъ царя Алексѣя Михайловича, каковы: Спаса за золотою рѣшеткою, въ Китаѣ—Грузинской Божіей Матери, въ Бѣломъ городѣ—св. Николая въ Столпахъ или на Столпѣ и другіе.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Кремлѣ возведены были: Крестовая палата патріаршаго дома 1655 года, набережныя хоромы иконнаго терема, потѣшный дворецъ, гдѣ были первые опыты театральнаго искусства и гдѣ находился домъ тестя царя, боярина Ильи Милославскаго, съ церковью Похвалы Богородицы; тогда же построена царская Оружейная палата, Аргамачьи конюшни, Сытный и Хлѣбенный дворцы.

Со вступленіемъ на русскій престолъ сына царя Алексѣя Михайловича Петра I Москва не долго оставалась царской резиденціей, такъ какъ Петръ I, построивъ Петербургъ, избралъ его своимъ мѣстопребываніемъ и назвалъ столицею. Однако и самъ Петръ I и всѣ его преемники заботились объ украшеніи и благоустройствѣ первопрестольной столицы Русскаго царства. Но, несомнѣнно, достопамятнѣйшимъ годомъ изъ этого времени исторіи Москвы навсегда останется 1812 годъ, когда Москва снова ввержена была въ развалины и снова поднялась могучею и великолѣпною.

Москва.

Столица древняя родная,
Ея ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать—и Русь святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа.
У ней съ землей одна невзгода,
Одно веселье, общій трудъ.
Ея дѣла—любовь народа,
Ей права первенства даютъ.
За Русь не разъ она горѣла,
Встрѣчая полчища племенъ,
За Русь не разъ она терпѣла
И поношеніе и плѣнъ.
Въ напастяхъ вмѣстѣ съ нею крѣпла,
Мужалась, Господа моля,
И возникала вновь изъ пепла—
И съ нею Русская земля.
Ея удѣлъ—всегда тревожить
Враговъ Россіи заклятыхъ.
Ее унизить, уничтожить
Не разъ пыталась злоба ихъ.
Но, въ страхъ врагамъ, но, въ радость краю,
Она, великая, сильна,—
И старый кличъ я подымаю:
Да вѣчно здравствуетъ Москва!

К. Аксаковъ.

Кремль.

Москва.

Москва—древняя столица Россіи, колыбель русской народности и самодержавія. Она называется „матерью“ и „сердцемъ“ Россіи, градомъ богоспасаемымъ и царелюбивымъ.

Ни одинъ другой городъ не вмѣщаетъ въ себѣ столько священныхъ предметовъ: храмовъ Божіихъ, обителей иноковъ и нетлѣнныхъ мощей святыхъ угодниковъ.

Широко раскинулась она на семи холмахъ, опоясанная зеленью пригородныхъ рощъ, садовъ и полей. Всякій дивится красотѣ древняго города. Кто видитъ Москву въ первый разъ, изумляется этому морю домовъ и церквей съ сверкающими, какъ свѣчи, куполами и крестами, когда вдругъ вся предстанетъ она его взорамъ съ какой-нибудь окрестной высоты, отъ одного края до другого, на пространствѣ 10 верстъ.

А если путешественникъ подъѣзжаетъ къ великому городу въ часъ обѣденъ, когда всѣ 400 храмовъ его оглашаютъ воздухъ звономъ своихъ колоколовъ, то сразу пойметъ онъ, въ чемъ сила этого города, и въ чемъ сила того народа, который въ теченіе семисотъ лѣтъ созидалъ, охранялъ и украшалъ его.

Москва — городъ промышленный и торговый. Какъ и въ другихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ, русскихъ и чужеземныхъ, не мало въ ней фабрикъ, заводовъ, торговыхъ складовъ, лавокъ и магазиновъ, но всѣ они уступаютъ здѣсь первое мѣсто храму Божію. Неизмѣнно памятуетъ Москва,

а съ нею и весь русскій народъ, что всѣ успѣхи изобрѣтательнаго ума и всѣ усилія искусныхъ рукъ и доставляемыя ими удобства и богатство— не составляютъ главнаго въ жизни человѣка, и что эта жизнь съ ея довольствомъ и богатствомъ потеряетъ всю свою цѣну безъ постояннаго помысла о святынѣ, безъ служенія Богу, безъ памяти о святой старинѣ. Эта старина избрала Москву на вѣчныя времена хранительницею всего, чѣмъ силенъ русскій народъ и Русское государство.

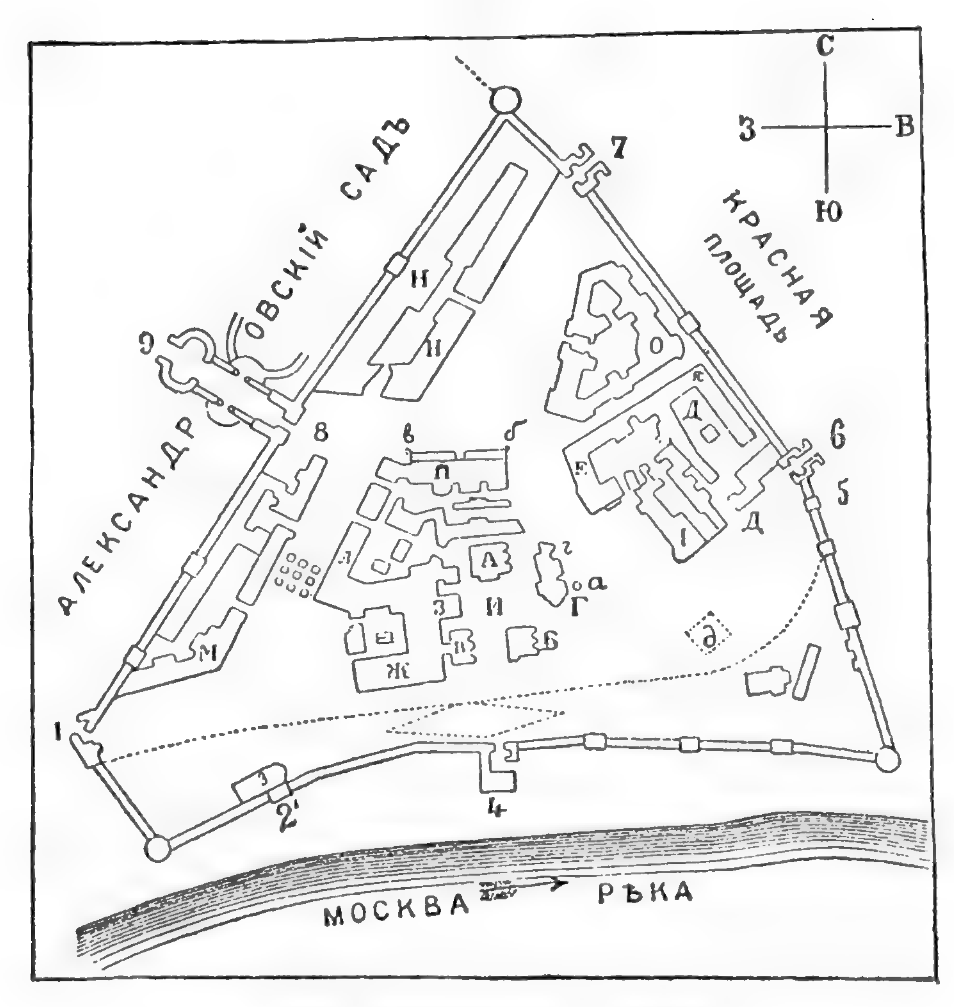
Что для всей Россіи Москва, то для Москвы— ея Кремль, возвышающійся посрединѣ ея, на лѣвомъ берегу Москвы-рѣки. Здѣсь средоточіе всей древности и святыни.

(„Вторая Пчелка“).

Стѣны и башни московскаго Кремля.

Огибая весь Кремль на протяженіи 2 верстъ 40 саж., стѣны кремлевскія образуютъ неправильную многоугольную фигуру. Въ общемъ эта фигура по своему очертанію напоминаетъ треугольникъ, отъ 300 до 400 саженъ въ каждой сторонѣ. Сверху стѣны эти уставлены рядомъ зубцовъ; между этими зубцами по стѣнамъ сдѣланъ ходъ, въ 4 аршина шириною, устланный плитами, и внутри стѣнъ мѣстами проведены ходы.

По угламъ и сторонамъ многоугольника стоятъ пять большихъ башенъ съ проѣздными воротами.



Планъ московскаго Кремля.

1. Боровицкія ворота.
2. Благовѣщенская башня.
3. ЦБ.лаговѣщ. на Житн. дворѣ.
4. Тайницкія ворота.
5. Набатная башня.
6. Спасскія ворота.
7. Никольскія ворота.
8. Троицкія ворота.
9. Башня Кутафья.

А. Успенскій соборъ.
Б. Архангельскій соборъ.
В. Благовѣщенскій соборъ.
Г. Иванъ Великій.
Д. Вознесенскій монастырь.
Е. Чудовъ монастырь.
Ж. Николаевскій кремл. дворецъ.
З. Грановитая палата.
И. Ивановская площадь.
І. Малый Николаевскій дворецъ.
К. Синодальный домъ.
Л. Кавалерскій корпусъ.
М. Оружейная палата.
Н. Арсеналъ.
О. Судебныя учрежденія.
П. Кремлевскія казармы.

а. Царь-колоколъ.
б. Царь-пушка.
в. Единорогъ-пушка.
г. Филаретовская пристройка при Иванѣ Великомъ.
д. Мѣсто памятника Императору Александру II.
е. Соборъ Спаса на Бору.

У юго-западной стороны кремлевской стѣны возвышается *Боровицкая* башня (1). Внутри ея лѣстница ведетъ во второй ярусъ, куда переведена церковь Іоанна Предтечи, прежде стоявшая противъ нынѣшняго дворца. Теперь въ ней служба происходитъ только въ храмовый праздникъ. Колокола помѣщаются въ 3-мъ ярусѣ.

Слѣдующая четырехугольная башня — *Благовѣщенская* (2) служитъ колокольней для покосившейся въ сторону небольшой церкви Благовѣщенія на Житномъ дворѣ (3), прилѣпившейся къ ней. По преданію, здѣсь явилась чудотворная икона Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, въ память чего и построена эта церковь.

Одна изъ древнѣйшихъ башенъ, слѣдующая за нею,—*Тайницкая* (4), съ воротами, нынѣ открытыми лишь для пѣшеходовъ. Названіе свое получила она отъ тайнаго колодца, при осадахъ Кремля въ старое время снабжавшаго осажденныхъ водою, которой нѣтъ выше нигдѣ на кремлевскомъ холмѣ. Съ большого выступа этой башни, выдвинувшагося къ рѣкѣ, обстрѣливали всю южную стѣну Кремля въ обѣ стороны, и потому никогда враги съ этой стороны къ Кремлю не подступали. Нынѣ съ этого выступа производится стрѣльба въ высоторжественные дни; потому на немъ стоятъ пушки. 6 января и 1 августа сквозь Тайницкія ворота проходитъ крестный ходъ изъ соборовъ на Іорданскую сѣнь для водосвятія.

Не доходя Спасской башни, видимъ башню *Набатную* (5), гдѣ по повелѣнію Петра Великаго былъ повѣшенъ набатный колоколъ. Въ чуму 1771 г.

Боровицкія врота.

мятежники звонили въ него. Императрица Екатерина II приказала его снять, языкъ отвязать и колоколъ помѣстить въ складъ. Нынѣ онъ находится въ Оружейной палатѣ.

Въ старину на всѣхъ башняхъ съ проѣздными воротами висѣли набатные колокола на случаи пожаровъ. Каждой части Москвы соотвѣтствовалъ набатъ на извѣстной башнѣ и особая манера звона.

Вотъ и красивая *Спасская башня* съ часами (6). Она построена по повелѣнію Іоанна Грознаго и тогда же была увѣнчана орломъ. Но первоначально она имѣла другой видъ. При царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ она была перестроена англичаниномъ Галовеемъ. Онъ устроилъ въ ней новые часы вмѣсто старыхъ. Часы показывали время только отъ восхода до захода солнца (по лѣтнему счету 17 часовъ). Петръ Великій приказалъ передѣлать ихъ на 12-часовые. Испорченные пожаромъ 1737 года, они были замѣнены новыми. Теперешніе часы поставлены часовымъ мастеромъ Бутенопомъ. Въ нихъ 33 колокола; они играютъ въ 12 и 6 часовъ „Преображенскій маршъ", а въ 3 и 9 часовъ гимнъ: „Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ".

Девять ярусовъ Спасской башни различны по своему характеру. До конца шпиля она имѣетъ высоты 23½ сажени. На наружной сторонѣ башни помѣщена неугасимая лампада передъ иконою Спасителя.

Проходя въ Спасскія ворота, всѣ снимаютъ шапки. Это установлено царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Въ эти ворота направляются всѣ крестные ходы, торжественные въѣзды, начиная со

Спасскія ворота.

встрѣчи новоизбраннаго царя Михаила Ѳеодоровича; здѣсь же встрѣчались мощи св. царевича Димитрія изъ Углича, св. Филиппа митрополита и св. Іоны, икона Владимірскія Божіей Матери, Новгородскаго Спаса-Вседержителя и т. п.

Въ 1812 году эту башню спасли донскіе казаки, затушивъ зажженный фитиль, посредствомъ котораго французы приготовились взорвать ее порохомъ.

Въ старину къ Спасскимъ воротамъ велъ каменный мостъ черезъ ровъ, нынѣ засыпанный. На этомъ мосту происходила торговля. Тутъ же стаивало духовенство, не имѣющее мѣстъ, дожидаясь приглашенія совершить гдѣ-нибудь богослуженіе слѣпцы-нищіе сидѣли здѣсь, распѣвая духовные стихи.

Отъ Спасской башни стѣна прямою линіею идетъ до башни Никольской. Съ внутренней стороны Кремля за нею находится женскій Вознесенскій монастырь, а далѣе—сенатскія зданія, въ которыхъ нынѣ помѣщаются судебныя учрежденія (О).

Никольская башня (7) съ воротами—другая красивѣйшая изъ кремлевскихъ башенъ.

Въ 1812 году французы взорвали ее. Уцѣлѣлъ лишь первый ярусъ съ иконой Николая чудотворца, при чемъ самое стекло иконы осталось цѣло. Вскорѣ башня была возобновлена въ прежнемъ видѣ. Внутри этой башни помѣщается архивъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Западная стѣна кремля прорѣзана *Троицкими воротами* (8). Къ этимъ воротамъ устроенъ проѣздъ чрезъ Александровскій садъ, который проведенъ

вдоль стѣны надъ рѣчкою Неглинною. Троицкая башня сходна со Спасскою. Высота ея около 30 саженъ.

На мѣстѣ проѣзда, ведущаго къ Троицкой башнѣ, прежде былъ мостъ черезъ Неглинную, называвшійся „Старымъ Каменнымъ“. Проѣздъ оканчивается стрѣльницею (круглою зубчатою башнею безъ свода и потолка)—*Кутафьей* (9).

На Троицкой башнѣ прежде были устроены куранты, которые приводилъ въ движеніе колокольный музыкантъ руками и ногами. Когда чрезъ эти ворота провозили гробы вельможъ, на курантахъ игралось „Святый Боже“.

Чрезъ Троицкія ворота въ 1812 году вступили въ Кремль 2 сентября наполеоновы войска и чрезъ нихъ же 11 октября выступили.

Таковы нынѣ стѣны Кремля и главныя его башни. Когда Москва стала столицею при в. к. Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ, стѣны Кремля были еще деревянныя дубовыя. Первыя каменныя стѣны построены внукомъ его Дмитріемъ Донскимъ, послѣ пожара, по чертѣ старыхъ деревянныхъ стѣнъ. Онѣ занимали пространство менѣе, нежели нынѣшнія стѣны.

Пожаръ въ 1445 году повредилъ каменныя стѣны кремлевскія, а черезъ годъ еще болѣе повредило ихъ землетрясеніе.

Іоаннъ III вызвалъ изъ Италіи зодчихъ для украшенія столицы своей. Италіанецъ Аристотель Фіоравенти научилъ русскихъ мастеровъ дѣлать прочный кирпичъ, и съ 1485 года началось сооруженіе новыхъ стѣнъ.

По восшествіи на престолъ Михаила Θеодоровича, укрѣпленія кремлевскія были возстановлены, потому что при нашествіи поляковъ въ смутное время многія башни и стѣны были повреждены пушечными выстрѣлами. Починка ихъ продолжалась и при царѣ Алексіи Михаиловичѣ. Во время царствованія императора Александра I стѣны и башни пришли снова въ ветхость и были возобновлены.

Наполеонъ, вступивъ въ Кремль, началъ вооружать его стѣны пушками, завалилъ всѣ ворота наглухо бревнами и землею. Но когда онъ увидалъ, что въ Москвѣ ему не удержаться, то обрекъ Кремль на разрушеніе. Онъ подвелъ подъ него подкопы; но поспѣшность, съ которою наполеоновы инженеры производили это, и проливной дождь помѣшали успѣху дѣла. Наполеонъ успѣлъ взорвать только часть стѣны и нѣсколько строеній. Вскорѣ всѣ эти поврежденія вновь были исправлены.

(По „Второй Пчелкѣ“).

Москва.

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!

Опоясанъ лентой пашенъ,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ
На семи твоихъ холмахъ!

Исполинскою рукою
Ты, какъ хартія, развитъ,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ.

На твоихъ церквахъ старинныхъ
Выростаютъ дерева;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это—матушка Москва!

Кто, силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Ивана-звонаря?

Кто царь-колоколъ подыметъ?
Кто царь-пушку повернетъ?

Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?

Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ,—
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ?

Ты, какъ мученикъ, горѣла,
Бѣлокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною.

Процвѣтай же славой вѣчной,
Городъ храмовъ и палатъ,
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

Ѳед. Глинка.

Кремль при лунномъ свѣтѣ.

Какъ прекрасенъ, какъ великолѣпенъ нашъ Кремль въ такую лѣтнюю ночь, когда вечерняя заря тухнетъ на западѣ, и ночная красавица, полная луна, выплывая изъ облаковъ, обливаетъ своимъ кроткимъ свѣтомъ и небеса и всю землю! Если вы хотите провести нѣсколько минутъ истинно блаженныхъ, если хотите испытать этотъ неизъяснимо-сладостный покой души, который выше всѣхъ земныхъ наслажденій, ступайте въ лунную лѣтнюю ночь полюбоваться нашимъ Кремлемъ; сядьте на одну изъ скамеекъ тротуара, который идетъ по самой закраинѣ холма, забудьте на нѣсколько времени и шумный свѣтъ съ его безуміемъ, и всѣ ваши житейскія заботы и дѣла, и дайте хоть разъ вздохнуть свободно бѣдной душѣ вашей, измученной и усталой отъ всѣхъ земныхъ тревогъ. Поздно вечеромъ вы никого не встрѣтите въ Кремлѣ; часу въ одиннадцатомъ ночи въ немъ раздаются одни только рѣдкіе оклики и мѣрные шаги часовыхъ. Внизу, подъ вашими ногами, гремятъ проѣзжающія кареты, кричатъ извозчики, раздаются громкія рѣчи гуляющихъ по набережной; съ противоположнаго берега долетаютъ до васъ веселыя пѣсни фабричныхъ, и глухой, невнятный говоръ всего Замоскворѣчья какъ будто шепчетъ вамъ

на ухо о радостяхъ, забавахъ и суетѣ земной жизни Но все это отъ васъ далеко,—вы выше всего этого. Вотъ набѣжали тучки, свѣтлый мѣсяцъ прикрылся облакомъ; внизу густая тѣнь легла на все Замоскворѣчье, потухли сверкающія волны рѣки, и всѣ дома подернулись туманомъ. Но здѣсь, на кремлевскомъ холмѣ, облитыя свѣтомъ главы соборовъ блестятъ попрежнему, и позлащенный крестъ Ивана Великаго горитъ яркою звѣздою въ вышинѣ. Поглядите вокругъ себя,—какъ стройно и величаво подымаются передъ вами эти древніе соборы, въ которыхъ почиваютъ нетлѣнныя тѣла святыхъ угодниковъ московскихъ. О, какъ эта торжественная тишина, это безмолвіе, это чувство близкой святыни, эти изукрашенные терема царей русскихъ и въ двухъ шагахъ ихъ скромныя гробницы,—какъ это отрываетъ васъ отъ земли, тушитъ ваши страсти, умиляетъ сердце и наполняетъ его какимъ-то неизъяснимымъ спокойствіемъ и миромъ! Внизу все еще движенье и суета; люди или хлопочутъ о дѣлахъ своихъ, или помогаютъ другъ другу убивать время; а здѣсь все тихо, все спокойно и все также живетъ, но только другою жизнію. Эти высокія стѣны, древнія башни и царскіе терема не безмолвны,— они говорятъ вамъ о быломъ; они воскрешаютъ въ душѣ вашей память о вѣкахъ, давно прошедшихъ. Здѣсь все напоминаетъ вамъ: и бѣдствія, и славу вашихъ предковъ, ихъ страданія, ихъ частыя смуты и всегдашнюю вѣру въ Провидѣніе, которое, такъ быстро и такъ дивно возвеличивъ Россію, хранитъ ее, какъ избранное орудіе, для совершенія неисповѣдимыхъ судебъ Своихъ. Здѣсь вы окружены древ-

не-русскою святынею, вы бесѣдуете съ нею о небесной вашей родинѣ. Какъ прилипшій прахъ, душа ваша отрясаетъ съ себя всѣ земные помыслы.

Мысль о безконечномъ даетъ ей крылья, и она возносится туда, гдѣ не станутъ уже дѣлить людей на поколѣнія и народы, гдѣ не будетъ уже ни вѣковъ, ни времени, ни плача, ни страданій... Испытайте это сами, придите въ Кремль попозже вечеромъ, и если вы еще не вовсе отвыкли бесѣдовать съ самимъ собою, если можете нѣсколько минутъ прожить безъ людей, то вы, вѣрно, скажете мнѣ спасибо за этотъ совѣтъ. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, вы не станете досадовать, если послушаетесь меня и побываете въ Кремлѣ, потому что онъ при лунномъ свѣтѣ такъ прекрасенъ, что вы должны непремѣнно это сдѣлать, хотя изъ любви къ прекрасному.

(Загоскинъ).

Москва.

Близко... Сердце встрепенулось;
Ближе... ближе... вотъ видна!
Вотъ открылась, развернулась,
Храмы блещутъ; вотъ она!
Хоть старушка, хоть сѣдая,
        А все пламенная,
Свѣтозарная, святая,
Златоглавая, родная,
        Бѣлокаменная!
Вотъ она!—Давно ль изъ пепла?
А взгляните, какова!
Встала, выросла, окрѣпла—
И попрежнему жива;
И пожаромъ тѣмъ жестокимъ
Сладко память шевеля,
Вьется поясомъ широкимъ
Вкругъ высокаго Кремля;
И спокойный, величавый,
Бодрый сторожъ русской славы—
Кремль и красенъ, и ве́ликъ;
И свѣтла, златовѣнчанна,
Колокольня Іоанна
Движетъ звучный свой языкъ,
Только съ бурей поборолась,

Глядь—опять въ лучахъ горитъ
И во весь свой мѣдный голосъ
Съ Божьимъ небомъ говоритъ;
И кресты церквей далече,
Въ радость сердцу и очамъ,
Идутъ въ золотѣ, навстрѣчу
Золотымъ небесъ лучамъ;
И за гранями твердыни,
За щитомъ крутой стѣны,
Живы таинства святыни
И святыня старины.

Городъ—досыта простору!
Городъ—есть на что взглянуть!
Городъ—подъ гору да въ гору!
Такъ и этакъ повернуть!
Онъ не въ вытяжку, нестройно,
Но широко, но спокойно
На холмахъ по-барски легъ,
Далъ разгулъ своимъ палатамъ,
И разсыпался по скатамъ,
И раскинулся какъ могъ;
Старымъ навыкамъ послушный,
Онъ съ улыбкой радушной
Сквозь растворъ своихъ воротъ
Всѣхъ въ объятія зоветъ.
Много прожилъ онъ на свѣтѣ,
Помнитъ предковъ времена,
И въ живомъ его привѣтѣ
Нараспашку Русь видна.

Русь... блестящій въ чинномъ строѣ
Ей Петрополь голова;
Ты—ей сердце ретивое,

Православная Москва!
Хладный, стройный, многодумный,
Онъ, воспитанникъ Петра,
Полнъ заботою разумной
О стяжаніи добра;
Онъ—питомецъ полуночи,
Къ морю Финскому приникъ;
У него Россіи очи,
Слухъ, и дума, и языкъ.
А она, Москва родная,
Въ грудь Россіи залегла
И къ себѣ родного края
Типы жаркіе сплела,
И богата русской кровью
И кипучею любовью
Къ славѣ царской горяча,
Исполиновъ коронуетъ,
И трезвонитъ, и ликуетъ,
Бьетъ по всѣмъ струнамъ съ плеча.
Но когда ей угрожаетъ
Силы вражеской напоръ,
Для себя сама слагаетъ
Славный жертвенный костеръ.
И, враговъ завидя знамя,
Къ древней близкое стѣнѣ,
Повергается во пламя
И красуется въ огнѣ,
И, какъ фениксъ, вылетая
Изъ трескучаго огня,
Снова блещетъ золотая,
Съ кликомъ: Русь! цѣлуй меня.

Вл. Бенедиктовъ.

Спасъ на Бору.

Кто изъ русскихъ не находилъ наслажденія посвятить нѣсколько часовъ времени возвышеннымъ мечтаніямъ въ Кремлѣ, въ семъ святилищѣ, гдѣ каждый предметъ краснорѣчиво говоритъ сердцу русскому, гдѣ каждымъ шагомъ касаемся священныхъ останковъ древности, пробуждаемъ отзывъ временъ минувшихъ, соединенныхъ съ судьбами отечества?

Взглянуть ли съ Краснаго крыльца царскаго на прелестное Замоскворѣчье, ввести ли любопытнаго прежде въ сокровища палаты Оружейной или ризницы Патріаршей, войти ли съ нимъ въ древніе соборы и монастыри, или показать ему необозримость и красу Бѣлокаменной столицы русской съ поднебесья, на высотѣ Ивановской колокольни? Всѣ пути одинаково любопытны, одинаково достопамятны; но поспѣшимъ туда, гдѣ всего явственнѣе еще остаются слѣды первоначальнаго устройства Москвы.

Подлѣ высокаго царскаго терема, въ тѣни Императорскаго дворца, взоръ любопытнаго открываетъ низенькую церковь, глубоко вросшую въ землю, отъ бремени вѣковъ, ее тяготящихъ, подобно старцу, склоняющемуся къ землѣ отъ удрученія лѣтъ. Это—соборный храмъ Спаса на Бору. Одно сіе имя переноситъ воображеніе за предѣлы 10 столѣтій,

когда мѣсто сіе, теперь средоточіе многолюдной столицы, покрыто было густымъ чернымъ боромъ.

Исторія этого храма, въ началѣ дубоваго, среди бора, потомъ каменнаго на дворѣ, нераздѣльна отъ исторіи Москвы. Когда еще холмы и овраги кремлевскіе покрывалъ, большею частію, дремучій боръ, когда о Москвѣ едва было слышно на святой Руси, тогда, на мѣстѣ хижины какого-то пустынника Букола, или Вукола, срублена деревянная церковь въ честь боголѣпнаго Преображенія. Великій князь Іоаннъ Калита перевелъ сюда архимандрію изъ загороднаго Данилова монастыря. Въ 1330 году здѣсь на холмѣ Калита, соорудивъ вмѣсто деревянной каменную *чудную* церковь въ честь Преображенія Господня, украсилъ ее св. иконами, сосудами, пеленами, книгами и всякими узорочьями. Ее освятилъ всероссійскій митрополитъ Ѳеогностъ, благословившій ея начало и видѣвшій совершеніе. На иждивеніе великой княгини Анастасіи Литовской старѣйшина иконниковъ Гойтанъ съ греческими и русскими учениками расписалъ внутреннія стѣны вновь сооруженной церкви. Благочестивый храмоздатель, часто посѣщая любимую свою обитель въ часы богослуженія, соединялъ въ ней молитву съ дѣлами христіанскаго милосердія; такъ онъ самъ кормилъ и одѣвалъ нищихъ и убогихъ, находившихъ себѣ въ Спасскомъ монастырѣ такой же пріютъ, какой давалъ имъ Кіевскій Печерскій и другіе русскіе монастыри, потому что тогда, кромѣ монастырей, не было еще другихъ пристанищъ для безпріютной старости и убожества. Вызванный таинственнымъ видѣніемъ святителя Петра отъ времен-

ной жизни къ вѣчной, Іоаннъ Калита предъ кончиною своей отошелъ въ Спасскую обитель и, по обычаю своего вѣка, тамъ облекся въ иноческій санъ. Сынъ и наслѣдникъ Калиты Симеонъ, присвоившій себѣ по примѣру митрополита титло всероссійскаго, въ 1350 году пристроилъ къ родительской церкви придѣлъ и притворъ, который служилъ княжеской усыпальницей. Въ этой же обители заключила себя оставленная Симеономъ супруга Марія, гдѣ и онъ, предъ раннею кончиною своей, принялъ монашескій санъ подъ именемъ Созонта.

Когда же Іоаннъ III призвалъ въ свою столицу фряжскихъ зодчихъ для устроенія въ ней соборовъ, крѣпости и дворца, тогда и Спасскій монастырь, при всероссійскомъ митрополитѣ Геронтіи, переставленъ на новое мѣсто за городомъ, въ Васильцовѣ станѣ, и названъ *Новоспасскимъ*, а дворцовый этотъ монастырь обращенъ въ придворный соборъ съ протопопствомъ и іереями. Никоновская лѣтопись упоминаетъ о сооруженіи въ 1527 году новой каменной церкви въ честь боголѣпнаго Преображенія Господня и объ освященіи ея всероссійскимъ митрополитомъ Даніиломъ въ присутствіи великаго князя. По примѣру новгородскаго Софійскаго собора, къ южной части Спасскаго пристроенъ храмъ во имя трехъ исповѣдниковъ: свв. мучениковъ Гурія, Самона и Авива,—вѣроятно, обѣтный памятникъ приведенія Великаго Новгорода на всю волю московскаго государя.

Когда императорскій дворъ изъ Москвы переселился въ С.-Петербургъ, тогда эта соборная церковь пришла въ запустѣніе; по свидѣтельству

И. Кириллова въ 1727 году „пятая соборная церковь Спасъ на Бору, самая старинная, крытая мѣдью, сквозь которой кровли лѣсъ поросъ".

Въ Троицкій пожаръ 1737 года, испепелившій почти всю Москву, у Спасской церкви сгорѣли кровля и окна, частію и внутренность. Хотя она повелѣніемъ императрицы Анна Ивановны и была возобновлена, но въ 1767 году оказались въ ней многія ветхости, которыя поручено было исправить архитектору Яковлеву. По упраздненіи Срѣтенскаго собора на Сѣняхъ 1801 года и крестовой церкви Похвалы Богородицы на Потѣшномъ дворѣ, нѣкоторыя иконы и утварь перенесены оттуда въ Спасоборскій храмъ. Хотя въ нашествіе враговъ 1812 года алтарный иконостасъ и уцѣлѣлъ, но съ престоловъ и жертвенниковъ были сорваны одежды, со святыхъ иконъ содраны серебряныя украшенія; въ алтарѣ навалены кули съ овсомъ, въ храмѣ мѣшки сь хлѣбомъ, а въ трапезѣ стояли лошади; южный верхній придѣлъ обращенъ былъ въ жилой покой. Тогда содержался въ главномъ храмѣ нѣсколько дней захваченный обманомъ въ плѣнъ графъ В. А. Перовскій; принятый за поджигателя, онъ чудесно спасся отъ разстрѣлянія, на которое уже былъ осужденъ маршаломъ Даву.

Этотъ древній храмъ, ровесникъ городу Москвѣ, первый ея великокняжескій монастырь и первая великокняжеская усыпальница, первый пріютъ убогихъ, обратилъ на себя любознательное и благоговѣйное вниманіе вѣнценоснаго чтителя отечественной святыни и древности, императора Николая I. Начатое имъ довершено въ царствованіе импера-

тора Александра II. Древнѣйшій храмъ кремлевскій возстановленъ въ первобытномъ видѣ: каменная наружная и внутренняя работа штукатурная, столярная и рѣзьба произведены въ 1856 году; позднѣйшія пристройки уничтожены, притворы южнаго и сѣвернаго верхнихъ придѣловъ обращены въ колокольницы. Предпринятая въ 1857 году, окончена въ 1863 году Рогожкинымъ съ товарищами церковная живопись, въ византійскомъ пошибѣ, на стѣнахъ и сводахъ самого храма и въ его придѣлѣ и трапезѣ; тамъ, между прочимъ, изображены дѣянія изъ жизни святителя Стефана пермскаго. На его св. мощи устроена новая серебряная вызолоченная рака и надъ нею металлическій балдахинъ. Въ главномъ храмѣ и въ придѣльномъ нижнемъ св. трехъ исповѣдниковъ алтарные иконостасы замѣнены новыми, въ старинномъ вкусѣ, съ искусною рѣзьбою и богатою позолотою, гдѣ поставлены очищенныя прежнія иконы. Возобновленный храмъ освященъ 4 августа 1863 года московскимъ митрополитомъ Филаретомъ. Два верхніе придѣла устроены: южный—во имя св. архангела Михаила и сѣверный—въ честь святителя Стефана.

Въ западномъ притворѣ собора погребены великія княгини, принявшія иноческій санъ: Елена, супруга Іоанна Калиты, 1332 г., Анастасія Литовская, вторая супруга великаго князя Симеона, 1345 г., Александра Іоанновна, вдова великаго князя Іоанна Іоанновича, 1364 г., и Марія, первая супруга Симеона Гордаго, 1396 г., также сынъ Донского Іоаннъ, въ иночествѣ Іоасафъ, 1392 г. При передѣлкѣ церкви въ 1473 году, какъ свидѣтельству-

етъ Софійскій лѣтописецъ, „обрѣтено было тѣло великой княгини Маріи, въ иночествѣ Ѳеотиніи, повреждено ничѣмъ, толико риза истлѣ“. Великій князь Іоаннъ III повелѣлъ Алексѣевской игуменьѣ „облечь ее во всѣ новыя ризы монашескія“.

Безъ сомнѣнія, надъ княжескими гробами, въ притворѣ, были прежде каменныя надгробницы съ покровами и поставными иконами, передъ которыми не угасали свѣчи, ибо въ грамотахъ XIV вѣка встрѣчаемъ завѣтъ рускихъ князей своимъ потомкамъ: *чтобы не перестала память родителей и свѣча надъ ними не угасала.* Во вселенскія или родительскія субботы, на память кончины и тезоименитства погребенныхъ здѣсь князей и княгинь, на гробы ставили кануны и пѣли соборомъ панихиды. Боковая храмина на правой сторонѣ служила трапезой, гдѣ, по древнему обычаю, даваемы были инокамъ кормы, т.-е. государевы панихидные столы, отъ коихъ удѣлялась часть нищимъ и убогимъ, сбиравшимся у притвора церкви. На Сырной недѣлѣ въ субботу и передъ походами великіе князья приходили сюда прощаться съ родичами своими, а на Святой недѣлѣ—христосоваться. Отправляясь на битву съ Мамаевыми полчищами, Димитрій Донской не преминулъ здѣсь проститься съ предками своими.

Но теперь нѣтъ и слѣда такихъ надгробницъ; онѣ, вѣроятно, уничтожены были или поляками въ началѣ XVII вѣка, или въ XVIII вѣкѣ, при возобновленіи сего храма, для того, чтобы дать болѣе ему простора. При копаніи рвовъ для новаго дворца, около Спасоборской церкви найдено большое

количество пней отъ сада, бывшаго у собора, и множество человѣческихъ костей—слѣды прежняго кладбища, которое было огорожено дубовыми надолбами.

Въ срединномъ соборномъ храмѣ, несмотря на многосложность частей его, соединена простота и строгая соотвѣтственность съ древнимъ величіемъ святилища. Въ самомъ стилѣ храма замѣтно византійское зодчество, подчиненное русскому быту и вкусу.

Предъ алтарнымъ иконостасомъ виситъ старинное мѣдное паникадило о четырехъ ярусахъ; увѣнчивающій его матицу двуглавый орелъ означаетъ, что это царскій вкладъ XVII вѣка.

Въ трехпоясномъ алтарномъ иконостасѣ, который не старѣе XVII вѣка, сохранились отъ прежняго одни древнія Царскія врата. Образа въ иконостасѣ разныхъ стилей и вѣковъ. Изъ шести мѣстныхъ иконъ храмовая Преображенія Господня древнѣе прочихъ; Боголюбскія Богоматери въ греческомъ стилѣ, примрачнаго колорита, какъ и Соборъ свв. Архангеловъ; икону Божіей Матери, написанной въ моленіи, принимаютъ за снимокъ съ подлинника, находящагося въ Боголюбскомъ монастырѣ. Достопамятенъ историческимъ значеніемъ и русскимъ пошибомъ образъ св. Стефана пермскаго съ дѣяньями, писанный въ началѣ XVII вѣка. Изъ Срѣтенскаго собора здѣсь образъ Срѣтенія Господня, фряжскаго пошиба, замѣчательный отчетливостью рисунка и достоинствомъ колорита, какъ и образъ Похвалы Богородицы, взятый изъ соименной церкви на Потѣшномъ дворцѣ; онъ писанъ по

золоту искусною кистью царскихъ иконописцевъ. Вокругъ лика Пресвятой Дѣвы изображено Родословіе Іисуса Христа, или жезлъ изъ корени Іессеева и акаѳистъ Богоматери въ лицахъ. Въ алтарѣ одного изъ придѣловъ замѣчателенъ древній храмовый образъ св. Спиридона тримифунтскаго, названный въ старыхъ описяхъ чудотворнымъ.

Изъ св. утвари здѣсь не сохранилось ни одной, которая бы напоминала времена Калиты, Донского и его дѣтей, внуковъ и правнуковъ, столь усердныхъ къ этому храму, вмѣщающему въ нѣдрахъ своихъ останки ихъ предковъ и бывшему свидѣтелемъ ихъ моленій и обѣдовъ. Старинный серебряный потиръ съ чернью и самоцвѣтными каменьями, серебряная водосвятная чаша и напрестольный крестъ XVII вѣка—вклады бояръ Милославскихъ въ Срѣтенскій соборъ, откуда оные поступили въ Спасопреображенскій.

Цари Михаилъ, Алексій и Ѳеодоръ въ день Преображенія слушали здѣсь литургію, а наканунѣ его—вечерню и всенощную съ патріархомъ и властями. Послѣ обѣдни, тамъ, по чиноположенію, ставились на блюдахъ яблоки, которыя, по освященіи ихъ, подносимы были царю и царицѣ и отпускались въ комнаты къ царевичамъ и царевнамъ.

Св. Стефанъ, епископъ пермскій. У сѣверной стѣны съ 1396 года опочиваютъ подъ спудомъ св. мощи пермскаго апостола, епископа Стефана, современника и друга преподобнаго Сергія.

Св. Стефанъ, епископъ пермскій, родился въ Великомъ Устюгѣ, происходилъ изъ духовнаго званія. Съ раннихъ лѣтъ онъ началъ подвизаться въ

духовной жизни и изучать священное писаніе. Когда онъ достигъ совершеннолѣтія, то постриженъ былъ въ монашество въ ростовскомъ Григоріе-Богословскомъ монастырѣ. Имѣя случай выучиться пермскому языку, св. Стефанъ возымѣлъ намѣреніе отправиться въ Пермь для просвѣщенія тамошнихъ народовъ, извѣстныхъ подъ именемъ зырянъ, свѣтомъ христіанскаго ученія. Воодушевленный благодатію Божіею, онъ преуспѣвалъ въ проповѣди христіанскаго ученія пермскимъ народамъ, поклонявшимся въ то время кумирамъ. Проповѣдь божественнаго ученія, подкрѣпленная кротостію и смиреніемъ св. Стефана, явила самую благотворную силу. Язычники сначала со вниманіемъ слушали проповѣдь христіанскаго ученія и съ любопытствомъ смотрѣли на обрядъ христіанскаго богослуженія, потомъ, плѣненные силою ученія Христова и убѣжденные въ истинѣ христіанской вѣры, они цѣлыми толпами стекались къ св. Стефану для принятія св. крещенія. Видя успѣхи своей проповѣди, св. Стефанъ началъ строить церкви, заводить школы, переводить богослужебныя книги на пермскій языкъ и на немъ отправлять богослуженіе православной церкви. Митрополитъ Пименъ, узнавши объ успѣхахъ св. Стефана, поставилъ его епископомъ Пермской епархіи. Въ 1396 году Стефанъ, по дѣламъ Церкви, прибылъ въ Москву, гдѣ въ скоромъ времени и скончался и погребенъ былъ въ церкви Спаса, что на Бору. Память св. Стефана церковь празднуетъ 26 апрѣля.

По преданію, до нашествія поляковъ мощи св. Стефана лежали на вскрытіи, на мѣстѣ мощей бла-

говѣрнаго князя Михаила Ярославича тверского. По просьбѣ ростовскаго епископа Прохора, св. останки сего мученика, перевезенные въ Тверь, положены тамъ въ соборной церкви Преображенія Господня 1320 года, сентября 6.

Церковь Спасо-Преображенія, или обитель, была прежде усыпальницею великихъ князей и княгинь, когда еще не были сооружены Архангельскій соборъ и Вознесенскій монастырь. Въ этой церкви совершались крещеніе и постриженіе князей, и она была свидѣтельницею обѣтовъ, даваемыхъ великими князьями, и ихъ молельнею.

(По соч. Свиньина и Снегирева).

Успенскій соборъ.

Въ Успенскій соборъ нельзя войти безъ особеннаго сердечнаго умиленія; нельзя не почувствовать, что вступаешь въ первопрестольный храмъ первопрестольной столицы русской.

Успенскій соборъ заключаетъ въ себѣ четыре престола. Главный—во имя Успенія Богоматери, почему соборъ и называется Успенскимъ, съ тремя придѣлами: а) апостоловъ Петра и Павла, б) Похвалы Богородицы и в) св. великомученика Димитрія солунскаго.

Всѣ иконы, находящіяся въ Успенскомъ соборѣ, болѣе или менѣе замѣчательны по святынѣ, древности и богатству украшеній. Изъ нихъ особенно замѣчательны:

а) По правую сторону Царскихъ вратъ—икона Всемилостиваго Спаса, сидящаго на престолѣ съ Евангеліемъ и съ указующею долу десницею. Эта икона Спасителя писана была, по преданію, греческимъ императоромъ Мануиломъ, съ указующею десницею на Евангеліе. Однажды, когда царь Мануилъ наказалъ одного іерея и, такимъ образомъ, восхитилъ себѣ судъ святительскій, Спаситель явился ему въ сонномъ видѣніи и повелѣлъ ангеламъ Своимъ наказать его. Пробудившись отъ сна, царь дѣйстви-

тельно ощутилъ на себѣ язвы и увидѣлъ на иконѣ перстъ Спасителя, указующій долу. Эта икона, древняго греческаго письма, взята была, по преданію, изъ Корсуня въ Новгородъ, откуда потомъ перенесена была въ Москву въ 1476 году, при великомъ князѣ Іоаннѣ Васильевичѣ III.

б) По лѣвую сторону Царскихъ вратъ находится Владимірская чудотворная икона Богоматери, писанная, по преданію, святымъ евангелистомъ Лукою. Она принесена была изъ Царьграда въ Россію въ XII столѣтіи сначала въ Кіевъ и Владиміръ, а потомъ въ Москву.

Когда въ 1395 году сильный завоеватель Востока, Тамерланъ, съ многочисленными полчищами татаръ вторгнулся въ предѣлы Россіи и приближался къ Москвѣ, тогда великій князь Василій Дмитріевичъ съ воинствомъ и весь народъ обратился съ молитвой къ Богу объ избавленіи отъ враговъ. Онъ положилъ въ сердцѣ своемъ мысль послать во Владиміръ за чудотворною иконою Владимірской Богоматери, отъ которой этотъ городъ получалъ неоднократную помощь и избавленіе отъ бѣдствій и подъ сѣнію которой онъ возвысился и процвѣлъ. Немедленно снаряжено было посольство за иконою. Въ день самаго праздника Успенія Богоматери во Владимірскомъ соборѣ совершено было молебствіе передъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери. Послѣ литургіи началось священное шествіе. Въ Москвѣ съ нетерпѣніемъ ожидали Небесную Посѣтительницу и Покровительницу рода христіанскаго. Когда святая икона приближалась къ столицѣ, митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ, ве-

Успенскій соборъ.

ликій князь со своимъ семействомъ и бояре—всѣ вышли крестнымъ ходомъ за Москву для срѣтенія Владимірской иконы Богоматери. Народъ, собравшійся со всѣхъ сторонъ, всѣхъ возрастовъ, обоего пола, отъ мала до велика,—всѣ съ великою радостію встрѣтили Царицу Небесную, съ умиленіемъ взывая: „Матерь Божія, спаси землю Русскую!“ Тамерланъ при вторженіи въ землю Русскую, когда находился въ шатрѣ, задремалъ, и, во время сна, ему представилась высокая гора, по которой шли святители, а надъ ними въ лучезарномъ сіяніи явилась, окруженная тьмами воиновъ, Благолѣпная Жена, которая повелѣвала Тамерлану оставить предѣлы русскіе. Когда онъ проснулся, то спросилъ своихъ вельможъ: „Что значитъ это видѣніе“? Тѣ отвѣчали: „Сія величественная Жена есть Богоматерь, защитница христіанъ“. Послѣ этого Тамерланъ сказалъ: „Мы не одолѣемъ ихъ“, и велѣлъ войскамъ своимъ идти обратно. И такъ помощію и заступленіемъ Божіей Матери Москва сохранилась отъ нашествія татаръ. Въ память сего событія, на мѣстѣ, гдѣ встрѣченъ былъ чудотворный образъ Богоматери, воздвигнутъ Срѣтенскій монастырь и установлено было каждогодно, 26 августа, праздновать срѣтенію сей чудотворной иконы и совершать крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь.

Владимірская чудотворная икона Богоматери служила нѣкогда свидѣтельницею при избраніи первосвятителей на всероссійскую каѳедру, которое совершалось въ Успенскомъ соборѣ. Предъ сею же иконою нѣкоторые святители возносили молитву Бо-

жіей Матери о своей паствѣ, при сверженіи ихъ съ святительскаго престола. Такъ, когда патріархъ Іовъ, сверженный самозванцемъ, выводимъ былъ изъ Успенскаго собора, то предъ сею иконою снялъ съ себя святительскія облаченіи и панагію, положилъ ихъ предъ образомъ Богоматери и сказалъ: „Доселѣ я хранилъ цѣлость вѣры, теперь вижу торжество ереси и обмана. Матерь Божія, спаси православіе!“ Эту чудотворную икону Богоматери всегда чтили съ особеннымъ усердіемъ всѣ великіе князья и цари и весь народъ и благодатную помощь отъ нея всегда считали своимъ высочайшимъ утѣшеніемъ.

в) Далѣе, на лѣвой же сторонѣ Царскихъ вратъ, находится Смоленская икона Божіей Матери. Она взята была великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ изъ покореннаго имъ Смоленска въ 1514 году, но граждане онаго испросили обратно свою отечественную икону, а въ Успенскомъ соборѣ поставили точный съ нея снимокъ.

г) На той же сторонѣ иконостаса находится икона Всемилостиваго Спаса, сидящаго на престолѣ. Эта икона принесена была изъ Владиміра въ Москву, при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, въ 1518 году.

д) На правой сторонѣ иконостаса—икона Успенія Божіей Матери, писанная, по преданію, св. Петромъ митрополитомъ.

е) Икона именуемая „Предста Царица“ или „Царь Царемъ“, писанная, по преданію, св. Алимпіемъ, первымъ русскимъ иконописцемъ.

ж) Икона Благовѣщенія Божіей Матери, именуемая Устюжскою, принесенная въ Москву изъ Устюга

Великаго, при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ IV и митрополитѣ Филиппѣ II. Предъ сею иконою молился св. Прокопій устюжскій о спасеніи града Устюга отъ погибели, въ 1290 году.

з) Икона св. великомученика Димитрія солунскаго, писанная на гробовой доскѣ его.

Въ придѣлѣ свв. апостоловъ Петра и Павла находятся:

и) Влахернская икона Божіей Матери, изъ воскомастики, присланная царю Алексѣю Михайловичу, въ 1654 году, отъ протосингела іерусалимскаго патріаршаго престола Гавріила. Эта икона была нѣкогда покровительницею Константинополя и греческихъ государей и находилась съ греческимъ царемъ Иракліемъ въ походѣ противъ персовъ, какъ видно изъ грамоты, присланной съ сею иконою царю Алексѣю Михайловичу.

і) Каменный барельефъ, на коемъ изображенъ св. Георгій великомученикъ, поражающій копіемъ дракона. По преданію, эта икона привезена была изъ Рима.

к) Въ главномъ алтарѣ, за престоломъ, находятся кресты, такъ называемые Корсунскіе, которые, по преданію, перенесены были при великомъ князѣ Владимірѣ изъ Константинополя въ Корсунь, а оттуда въ Кіевъ, изъ котораго впослѣдствіи принесены были въ Москву.

л) За престоломъ же стоятъ два образа Всемилостиваго Спаса и Божіей Матери. Эти иконы, по преданію, взяты были также изъ Херсона великимъ княземъ Владиміромъ и принесены сперва въ

Новгородъ, а оттуда въ Москву при царѣ Іоаннѣ Васильевичѣ.

м) Позади престола стоитъ золотой ковчегъ, изображающій Синайскую гору и Моисея со скрижалями завѣта. Во внутренности его помѣщена дарохранительница.

Въ придѣлѣ апостоловъ Петра и Павла въ особыхъ ковчегахъ хранятся:

1) **Части св. мощей:** Андрея Первозваннаго, Григорія Богослова, Іоанна Златоуста, Василія Великаго, князя Владиміра и другихъ.

2) **Часть ризы Божіей Матери.** Риза Богоматери была обрѣтена въ V в. въ Палестинѣ двумя набожными путешественниками, свв. братьями Галвіемъ и Кондитомъ, въ домѣ благочестивой евреянки-дѣвицы, въ родѣ которой она хранилась преемственно по наслѣдству со времени блаженнаго Успенія Богоматери. Удостовѣрившись въ подлинности святыни, благочестивые путешественники пріобрѣли ее, хранили сначала въ своей домовой церкви въ Константинополѣ, но потомъ, явленная многими знаменіями и чудесами, риза Богоматери торжественно была положена во Влахернскомъ храмѣ и свято хранилась здѣсь, какъ „державное граду обложеніе". Между прочимъ, когда въ VII в. скиѳы, авары и сарацины и послѣ нихъ русскіе витязи Аскольдъ и Диръ пытались взять Константинополь съ моря (866 г.), то чудотворная риза Богоматери, при молитвахъ многочисленнаго народа, была погружена въ тихія воды Босфора, и буря, при этомъ случаѣ всякій разъ подымавшаяся, сокрушала флотъ непріятельскій. Аскольдъ и Диръ, стремившіеся покорить

Византію, промысломъ Божіимъ были покорены Христу: приняли изъ Греціи христіанскую вѣру и христіанами окончили земную жизнь свою.

3) **Часть ризы или хитона Спасителя**, принесенная изъ Персіи въ Москву въ 1625 г., въ царствованіе Михаила Θеодоровича и въ патріаршество Филарета Никитича.

Персидскій шахъ Аббасъ, имѣя дружественныя сношенія съ русскимъ царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ, прислалъ къ нему въ Москву, въ февралѣ 1625 г., между прочими дарами, самый драгоцѣнный даръ—часть ризы Спасителя, въ золотомъ драгоцѣнномъ ковчегѣ. По поводу этой присылки въ письмѣ шаха къ царю было сказано, а русскими послами въ Персіи дознано, что шахъ, покоривъ Грузію, обрѣлъ ризу Спасителя, сокрытую въ ризницѣ митрополіи, въ городѣ Цхетѣ. Въ день полученія дара, 11 марта, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ со всѣмъ священнымъ соборомъ стали осматривать ковчегъ. „И по досмотру въ томъ ковчежцѣ оказалась часть нѣкая полотняна, кабы красновата, походила на шелкъ или будетъ отъ давнихъ лѣтъ лице измѣнила, а ткана волну", „а въ длину и поперегъ пяди". Такъ какъ риза прислана была отъ иновѣрнаго царя, а невѣрныхъ слово безъ испытанія во свидѣтельство не пріемлется, то стали искать удостовѣреній въ подлинности присланной святыни. Прежде всего стали разспрашивать греческихъ и іерусалимскихъ архіереевъ и архимандритовъ, бывшихъ въ Москѣ. Тѣ единогласно отвѣчали, что въ ихъ церквахъ есть преданіе о томъ, что риза Спасителя хранится въ Грузіи,

куда она была принесена воиномъ, бывшимъ при распятіи Господа Іисуса Христа. А одинъ изъ нихъ, греческій архіепископъ Нектарій, сказалъ, что, бывши однажды въ Грузіи, онъ самъ тамъ видѣлъ ризу Господню и слышалъ о бывающихъ отъ нея чудесахъ. Но патріархъ не удовольствовался этими показаніями, а пожелалъ имѣть о святынѣ свидѣтельство Божіе. Соборомъ 22 марта 1625 г. было опредѣлено: во всѣхъ монастыряхъ держать седьмидневный постъ и во всѣхъ храмахъ молить Господа Бога, чтобы Онъ Самъ явилъ Свою волю о той святынѣ, а самую святыню съ пѣніемъ молебновъ въ крестныхъ ходахъ носить по городу и возлагать на больныхъ. И Господь явилъ славу той одежды, которою облеклась животворящая плоть Его. Какъ нѣкогда женщина, страдавшая 12 лѣтъ, исцѣлилась однимъ прикосновеніемъ къ одеждѣ Спасителя, такъ и теперь многіе больные получали исцѣленія отъ возложенія на нихъ части той одежды; слѣпые прозирали, глухіе получали слухъ, страдавшіе огневицею, многолѣтніе разслабленные и прочіе становились совершенно здоровы. Въ то же время, для храненія того „пребогатаго сокровища“, устроенъ былъ мѣдный шатеръ, который видимъ и теперь въ юго-западномъ углу собора.

По соборному опредѣленію 1681 г. устроены были два ковчега съ частями ризы Господней: одинъ для постояннаго храненія въ соборѣ въ твердомъ и надежномъ мѣстѣ и для воздвиганія его въ Великій пятокъ вмѣстѣ съ частію животворящаго древа; другой — на просвѣщеніе православнымъ христіанамъ, приходящимъ въ соборную церковь и въ домы же-

лающимъ. Первый изъ нихъ взятъ въ С.-Петербургъ императоромъ Павломъ I и находится въ Большомъ соборѣ Зимняго Дворца, а часть отъ него — въ Петропавловскомъ соборѣ; второй ковчегъ хранится въ Успенскомъ соборѣ.

4) **Гвоздь Господень.** Святая равноапостольная царица Елена обрѣла вмѣстѣ съ животворящимъ крестомъ четыре гвоздя Господнихъ. На пути въ Царьградъ одинъ гвоздь былъ брошенъ ею въ море для утишенія бури, а три остальные вручены императору Константину Великому. Послѣднимъ одинъ гвоздь былъ посланъ грузинскому царю Миріаму, незадолго предъ тѣмъ принявшему христіанство, по благовѣстію св. равноапостольной Нины. Въ Грузіи гвоздь Господень въ продолженіе многихъ вѣковъ свято хранился въ родѣ царей грузинскихъ.

Въ 1686 г. грузинскій царь Аргитъ Вахтангѣевичъ, переселившись на жительство въ Москву, привезъ съ собою сюда и гвоздь Господень. Когда послѣдній въ 1715 г. былъ посланъ обратно въ Грузію, то, по указу императора Петра I, его велѣно возвратить въ Москву и отдать на храненіе въ Успенскій соборъ. Въ соборѣ гвоздь Господень былъ полученъ въ драгоцѣнномъ золотомъ ковчегѣ съ грузинскою надписью объ устроеніи его царемъ всея Грузіи Давидомъ, сыномъ Русуданы, который царствовалъ съ 1237 г. Ковчегъ этотъ хранится въ ризницѣ, въ придѣлѣ же гвоздь Господень хранится въ недавно устроенномъ серебряномъ ковчегѣ со створчатою крышкою, откуда онъ свободно вынимается. Самый гвоздь Господень четырехсторонній, длиною около 3 верш., шляпка неправильной формы, конецъ—

очень тупой, потому что отъ него отпилена была небольшая часть, которая нынѣ хранится устроенною на образѣ въ одномъ изъ грузинскихъ храмовъ.

Праздникъ Положенія честныя ризы Спасителя нашего Бога торжественно совершается нынѣ 10 іюля, при чемъ вмѣстѣ съ ризою Спасителя чествуется и гвоздь Господень. Всенощное бдѣніе и литургія отправляются архіерейскимъ служеніемъ. Предъ началомъ всенощнаго бдѣнія гвоздь Господень въ драгоцѣнномъ грузинскомъ ковчегѣ на главѣ протопресвитера переносится съ престола на средину храма и полагается на аналой; затѣмъ бываетъ шествіе въ шатеръ къ гробницѣ Господней, оттуда ковчегъ съ ризою на главѣ преосвященнаго архіерея переносится также на средину храма и полагается рядомъ съ гвоздемъ. Обѣ святыни украшаются живыми цвѣтами. Въ службѣ на этотъ день, составленной крутицкимъ митрополитомъ Кипріаномъ, риза Господня воспѣвается купно съ животворящимъ крестомъ.

Примѣчаніе 1. При пѣніи водосвятныхъ молебновъ предъ ризою Спасителя и гвоздемъ Господнимъ, при пѣніи тропаря „Спаси Господи люди Твоя“, въ первый разъ погружается въ воду св. крестъ, во 2-й разъ погружается въ воду гвоздь Господень, въ 3-й разъ, при пѣніи тропаря Крещенію, ковчежецъ съ ризою Спасителя посредствомъ полотенца орошается водою, которая стекаетъ въ водосвятную чашу.

Примѣчаніе 2. Риза Спасителя и гвоздь Господень пользуются великимъ почитаніемъ богомольцевъ. Они вмѣстѣ съ Воздвизальнымъ и Влахернскою иконою Богоматери часто бываютъ принимаемы въ домахъ; предъ ними служатъ много молебновъ въ соборѣ. И милостію Божіею чрезъ нихъ бываютъ знаменія небесной помощи страждущимъ различными недугами; о томъ нерѣдко приходится слышать отъ богомольцевъ и наблюдать на нихъ. Почитаемъ приличнымъ разсказать здѣсь со словъ свидѣтелей-старожиловъ объ одномъ разительномъ случаѣ исцѣленія отъ ризы Спасителя, о которомъ въ свое время было, говорятъ, напечатано въ од-

номъ изъ періодическихъ изданій. Въ сороковыхъ годахъ прошлаго столѣтія зашли въ Москву три крестьянина Нижегородской губ., державшіе путь въ Кіевъ, изъ коихъ одинъ былъ глухо-нѣмой. Придя помолиться въ Успенскій соборъ, они, по обычаю, стали прикладываться къ святынямъ. Когда глухо-нѣмой приложился къ ризѣ Спасителя, внезапно слухъ его отверзся, и языкъ развязался: онъ сталъ громко говорить, благодаря Бога и вѣщая окружающимъ о своемъ чудесномъ исцѣленіи. Обстоятельство это привлекло въ Петропавловскій придѣлъ всѣхъ бывшихъ въ соборѣ. По отпѣтіи благодарственнаго молебствія, исцѣленнаго съ товарищами пригласили въ соборную палатку, куда стали стекаться уже цѣлыя толпы народа. Дѣло дошло до свѣдѣнія московскаго генералъ-губернатора графа Закревскаго, который распорядился отобрать паспорты отъ нижегородскихъ богомольцевъ и самихъ ихъ имѣть подъ особымъ наблюденіемъ впредь до полученія о нихъ справочныхъ свѣдѣній съ мѣста жительства. Оттуда вскорѣ получены были свѣдѣнія, согласныя съ означенными на паспортахъ, при чемъ въ числѣ особыхъ примѣтъ его, виновника происшествія, не только сказано было, что онъ глухъ и нѣмъ, но даже прибавлено: и ничего не глаголетъ. Послѣ того богомольцы были отпущены въ путь свой, снабженные щедрыми милостынями со стороны внимательныхъ къ явленіямъ милости Божіей доброхотныхъ дателей.

Каждый россіянинъ, вступающій въ соборъ, спѣшитъ почтить благоговѣйнымъ поклоненіемъ святыя мощи, здѣсь почивающія, и съ умиленіемъ обозрѣть гробницы священныхъ патріарховъ, митрополитовъ и архіереевъ, изъ коихъ многіе были образцами добродѣтелей и заслугъ отечеству.

Съ восторгомъ благоговѣнія лобзаетъ онъ святыя мощи великаго изъ святителей митрополита Филиппа. Вызванный Провидѣніемъ изъ мирной обители Соловецкой быть главою Церкви россійской, онъ принялъ важный санъ первосвятителя не для блеска мірского, не для суетной славы или возвышенія, но чтобы быть отцомъ, заступникомъ, утѣшителемъ обширной паствы своей въ тѣ дни горести, когда самоуправство и насилія терзали Рос-

сію, когда все трепетало отъ взоровъ раздраженнаго Іоанна. Святый Филиппъ въ семъ храмѣ, при многочисленномъ собраніи народа, не убоялся повѣдать строгую истину грозному властелину и дерзнулъ напомнить Іоанну: „Аще и образомъ Божіимъ почтенъ ты, но персти земной, яко человѣкъ, причастенъ!“ Смерть увѣнчала праведника, подвизавшагося за благоденствіе паствы и за спасеніе души царя. Онъ кончилъ жизнь въ Отрочѣ монастырѣ, но при царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ, по просьбѣ иноковъ Соловецкаго монастыря, святыя мощи его были перевезены въ обитель сію, а впослѣдствіи царь Алексѣй Михаиловичъ, по ревности усердія къ святителю Филиппу, поручилъ архіепископу новгородскому Никону, не менѣе славному въ иноческомъ смиреніи, какъ и въ блескѣ патріарха, перенесть ихъ въ царствующій градъ Москву и поставить въ первопрестольномъ храмѣ Успенскомъ. И тогда же, въ 1655 г., устроена, по царскому повелѣнію, для святыхъ мощей Филиппа серебряная позлащенная рака.

По правую руку отъ сѣверныхъ дверей, въ углу церкви, возвышаются св. мощи Іоны митрополита, въ той же самой драгоцѣнной ракѣ, которая устроена для нихъ усердіемъ царя Θеодора Іоанновича. Въ 1812 г., когда грабители, вторгшись въ святой храмъ, расхищали всѣ драгоцѣнности, богатѣйшая рака митрополита Іоны чудесно осталась неприкосновенною отъ хищниковъ.

Въ алтарѣ, на лѣвой сторонѣ отъ сѣверныхъ дверей — мощи чудотворца Петра, перваго митрополита московскаго. Онъ почіетъ въ каменной гроб-

ницѣ, сооруженной собственными его руками. „Если ты,—говорилъ святитель князю Іоанну Даниловичу Калитѣ въ духѣ пророчества,—если ты успокоишь мою старость и воздвигнешь здѣсь храмъ, достойный Богоматери, то будешь славнѣе всѣхъ иныхъ князей, и родъ твой возвеличится; кости мои останутся въ семъ градѣ, святители захотятъ обитать въономъ, и руки его взыдутъ на плеща враговъ нашихъ“. Іоаннъ исполнилъ желаніе старца и въ 1326 г., 4-го августа, заложилъ въ Москвѣ, на площади, первую церковь каменную во имя Успенія Божіей Матери, при великомъ стеченіи народа. Такимъ образомъ Петръ митрополитъ, перенеся и утвердивъ свой престолъ въ едва возникающей Москвѣ, провидѣлъ государственное возрожденіе Россіи.

А тамъ, за царскимъ мѣстомъ, является цѣлый рядъ гробницъ знаменитыхъ святителей. Сердце невольно влечетъ къ подножію Гермогеновой и Филаретовой, великихъ страдальцевъ за спасеніе и славу Россіи.

Вспомнимъ, что во время смутъ Россіи, въ то самое время, когда Гермогенъ возвышалъ голосъ свой въ защиту законнаго царя и православія, Филаретъ, находившійся въ числѣ пословъ, отправленныхъ къ польскому королю, вѣрный долгу своему, не внимая никакимъ обольщеніямъ, отвѣчалъ на угрозы поляковъ: „Умру, но не измѣню“. Гермогенъ благословлялъ россіянъ на смерть за вѣру и на защиту отечества, Филаретъ, не видя Гермогеновой подписи на присланной къ нему грамотѣ, не колебался предпочесть страданія льстивымъ пред-

ложеніямъ враговъ Россіи. Гермогенъ, угрожаемый мученическою смертію, если не повелитъ разойтись войску Пожарскаго, смѣло отвѣчалъ: „Бога боюсь и болѣе никого; благословляю воиновъ, ополчившихся за Москву: да поразитъ гнѣвъ Божій измѣнниковъ отечества“.

Великій страдалецъ, истомленный гладомъ, кончилъ жизнь въ Чудовомъ монастырѣ, 17-го февраля 1612 г., и тамъ же погребенъ, а оттуда, черезъ нѣсколько лѣтъ, перенесенъ въ Успенскій соборъ. Память его безсмертна, прославлена Церковью и отечествомъ.

Филаретъ, томясь 9 лѣтъ въ литовской землѣ, сохраненъ Промысломъ для преподанія юному сыну своему великой науки царствованія, благополучно возвратился въ Россію въ 1619 году, возведенъ былъ совѣтомъ бояръ и духовныхъ на патріаршій всероссійскій престолъ и, правя Церковью болѣе 14 лѣтъ, 1633 года окончилъ дни свои въ славѣ, мирѣ и тишинѣ.

Подлѣ гробницы Филарета покоятся останки патріарховъ: перваго изъ нихъ, Іова, поставившаго Годунова на царство, потомъ Іоасафа и Іосифа, а подлѣ Гермогеновой—Іоасафа II, Питирима, Іоакима и Адріана, послѣдняго изъ патріарховъ. Къ полному числу россійскихъ патріарховъ здѣсь недостаетъ одного Никона, погребеннаго въ Воскресенскомъ монастырѣ.

За гробницами патріаршими находятся гробницы митрополитовъ московскихъ. Здѣсь почіетъ Макарій, краснорѣчивѣйшій, просвѣщеннѣйшій изъ великихъ пастырей Церкви россійской. Здѣсь—Ки-

пріанъ, Фотій, Өеогностъ и другіе, коихъ имена соединены съ бытописаніями отечества.

У входа въ южныя двери представляется достопамятное *царское мѣсто*, извѣстное подъ именемъ Мономахова, носящее на себѣ отпечатокъ византійскаго искусства, который можно отнести къ XIV столѣтію или еще ранѣе. Оно изъ дерева и рѣзьба, изображающая съ трехъ сторонъ историческія происшествія и кругомъ надписи, заслуживаетъ вниманія отечественныхъ изыскателей древности.

На той же сторонѣ устроено, у перваго столба, мѣсто патріаршее, каменное, съ шатромъ, осѣненное животворящимъ крестомъ. Внутри, на стѣнѣ, написанъ образъ Спасителя, а вверху — Знаменія Богоматери. При немъ сохраняется жезлъ патріарха Никона.

Мѣсто для императорской фамиліи находится у лѣваго столба, то-есть при входѣ въ сѣверныя двери.

Внутреннія стѣны собора расписаны стѣнною живописью по золотому полю, въ старинномъ вкусѣ, который сохраненъ былъ съ величайшею тщательностію при возобновленіи живописи собора, бывшемъ въ 1773 г., по указу императрицы Екатерины II. Разныхъ священныхъ предметовъ, здѣсь представленныхъ, считается 240, а лицъ—до 2066.

Вступающій въ соборную *ризницу*, устроенную надъ однимъ изъ придѣловъ, спѣшитъ съ нетерпѣніемъ благоговѣйно приложиться къ священному кресту, принадлежавшему царю Константину. Не злато, не дорогіе каменья, коими онъ обложенъ, дѣлаютъ его для всякаго русскаго первою здѣсь

драгоцѣнностію — нѣтъ! Онъ болѣе блистаетъ священными воспоминаніями, памятію о первомъ его обладателѣ и о сохраненіи жизни Петра Великаго. Крестъ сей былъ на персяхъ нашего вѣнценоснаго героя въ Полтавской битвѣ, когда тысяча смертей носилась надъ главою его. Пуля стремилась пробить грудь его, но святый крестъ удержалъ смертный ударъ ея. На краю лѣваго затвора весьма явственно видно мѣсто, куда она попала: оно согнуто и нѣсколько серебра вкругъ него надломлено. Крестъ сей четвероконечный, длиною въ пять вершковъ, а шириною немного менѣе. Онъ присланъ царю Θеодору Іоанновичу въ даръ отъ обители святой Аθонской горы. На одной сторонѣ его начертанъ тропарь: „Спаси, Господи, люди Твоя и благослови достояніе Твое“, а на другой: „Имѣяй вѣру непостыдну и исполняяй заповѣди Божія, побѣдитъ враги своя“.

Въ ризницѣ также находится крестъ кипарисный, съ золотымъ окладомъ и съ мощами святыхъ, принесенный въ даръ бояриномъ Борисомъ Годуновымъ, въ 1594 году.

Два древнія евангелія писаны на пергаментѣ, на эллинскомъ языкѣ; третье же писано благочестивою царевною Ириною Михайловною. Кромѣ необыкновенной красоты почерка, блеска и живости красокъ въ замысловатыхъ изображеніяхъ, искусно нарисованныхъ по золоту, сіи письмена напоминаютъ, что многія изъ великихъ княженъ и царицъ нашихъ поставляли себѣ въ число христіанскихъ подвиговъ предпринимать подобные труды, а потому они любопытны, какъ свидѣтельства ихъ благочестія и

усердія къ Церкви и какъ памятники искусства и вкуса тѣхъ вѣковъ.

По великолѣпію украшеній и по огромности напрестольное евангеліе, принесенное въ даръ царицею Наталіею Кирилловною, въ 1693 г., есть, конечно, единственное въ своемъ родѣ. Оно напечатано на большой александрійской бумагѣ, въ листъ, обложено съ обѣихъ сторонъ золотыми чеканными досками, которыя унизаны алмазами, яхонтами и изумрудами. Сіи послѣднія необыкновенной величины и красоты; на нихъ съ большимъ искусствомъ вырѣзаны изображенія святыхъ евангелистовъ и нѣкоторые церковные праздники. При Екатеринѣ II украшенія сего евангелія были оцѣнены въ 200 тысячъ рублей.

Евангеліе царя Ѳеодора Іоанновича также великой цѣны, по красотѣ и богатству.

Изъ множества драгоцѣнныхъ церковныхъ сосудовъ должно особенно замѣтить слѣдующее:

Потиръ и дискосъ золотые—царя Іоанна Васильевича, вѣсомъ въ 7 фунтовъ 78 золотниковъ.

Сосуды, состоящіе изъ потира, дискоса, двухъ блюдъ со звѣздою, лжицы и копія, вѣсомъ въ 30 фун. 58 золотн. чистаго золота, принесены въ даръ царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ.

Два прекраснѣйшіе золотые сосуда Екатерины II, украшенные превосходною рѣзьбою на драгоцѣнныхъ камняхъ. Екатерина II собственноручно поставила ихъ на жертвенникъ, 1775 г. 9 іюля, въ возблагодареніе за славный миръ, заключенный съ Портою.

Золотые сосоды, удивительные по изяществу от-

дѣлки, присланные Благословеннымъ Александромъ изъ Парижа, употребляются при церковномъ служеніи въ празничные дни.

Не менѣе драгоцѣнные янтарные сосуды—трудовъ императрицы Маріи Ѳеодоровны.

Наконецъ, два потира Антонія римлянина, привезенные царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ въ числѣ сокровищъ, взятыхъ изъ Новгорода. Одинъ изъ низъ, выдѣланный изъ восточнаго оникса, есть ѳдна изъ такихъ рѣдкостей, коей нельзя назначить цѣны, другой сдѣланъ изъ восточной яшмы и осыпанъ яхонтами.

Въ ящикѣ за стекломъ хранится яшмовый сосудъ съ таковою же покрышкою. Онъ употребляется при мѵропомазаніи государей и, какъ дошло по преданію, есть римской древней работы, тотъ самый, который присланъ отъ императора Константина Владиміру Мономаху съ прочими регаліями; къ крышкѣ онаго прикрѣплена финифтяная змѣйка—символическое знаменіе вѣчности. По этому же преданію, крабійца сія принадлежала Августу кесарю.

Нельзя еще не упомянуть о золотыхъ вѣнцахъ для царскаго бракосочетанія, объ огромномъ золотомъ блюдѣ, посвященномъ княземъ Потемкинымъ, и простой костяной ложкѣ Петра митрополита; напослѣдокъ,—о финиковыхъ вѣтвяхъ, доставляемыхъ изъ Палестины для царской фамиліи. Съ ними стояли государи наши въ церкви въ Вербное воскресеніе и хаживали на лобное мѣсто, сопровождая шествіе патріарха. Вѣтви сіи разной величины; рукоятки ихъ обложены бархатомъ и парчею, а листья сплетены на подобіе косъ.

Къ каждому изъ исчисленныхъ нами сосудовъ принадлежатъ особыя воздухи, или покровы, одни другихъ богатѣе и великолѣпнѣе; но все превосходитъ пелена, вклада Бориса Годунова. Крестъ посреди ея съ рѣдкимъ по величинѣ изумрудомъ и унизанъ отмѣнно крупнымъ жемчугомъ.

Ризы для священнослужителей соотвѣтствуютъ великолѣпіемъ своимъ прочему богатству и знаменитости первопрестольнаго россійскаго собора. Скажемъ коротко, что пять полныхъ разрядовъ облаченій унизаны жемчугомъ и по мѣстамъ украшены драгоцѣнными каменьями. Они устроены отъ щедротъ и усердія почти всѣхъ россійскихъ монарховъ, со временъ Михаила Романова; но достопамятнѣйшія изъ нихъ суть ризы, шитыя золотомъ собственными руками императрицы Екатерины Великой, въ продолженіе 2 лѣтъ и 3 мѣс., и присланныя сюда въ 1796 г., къ празднику Святыя Пасхи. Онѣ состоятъ изъ 38 штукъ свѣтло-голубого атласа, съ золотымъ вязаньемъ и фольгою; также сохраняются ризы, подаренныя императоромъ Александромъ I, съ вензелемъ 1812 года.

Пелены для покрова мощей и къ св. иконамъ не менѣе богаты жемчугомъ и дорогими каменьями. Онѣ употребляются во всѣ торжественные праздники и случаи.

Къ числу главныхъ драгоцѣнностей должно отнести и дарохранительницу, находящуюся на престолѣ алтаря, подъ стеклляннымъ покровомъ. Она принесена въ даръ княземъ Григоріемъ Александровичемъ Потемкинымъ въ 1778 г., въ возблагодареніе Господу Силъ за побѣды надъ турками, и

представляетъ Синайскую гору, на коей Моисей пріемлетъ отъ Господа Бога святыя скрижали; сдѣлана изъ золота, вымываемаго извѣстными рѣками въ княжествѣ волынскомъ. Гора сія вышиною 1 арш. съ $^1/_2$ вершкомъ, длиною внизу 11, а шириною 6 вершк. Чистаго золота въ разныхъ украшеніяхъ, превосходно отдѣланныхъ, 19, а серебра 20 фун. Въ подножіи сей дарохранительницы положенъ, въ глазетовомъ чехлѣ, Наказъ законодательной комиссіи, писанный собственноручно Великою Екатериною. Мысль прекрасная,—положить на престолъ Божій плодъ любви къ отечеству мудрой монархини, повергнуть безсмертный Наказъ подъ покровъ скрижалей Моисеевыхъ, служившихъ руководствомъ чистыхъ христіанскихъ истинъ, коими дышетъ каждое въ немъ слово. Поправки на листахъ, сдѣланныя собственною рукою Екатерины, представляютъ рукопись сію еще болѣе драгоцѣнною въ понятіи россіянина; онъ воображаетъ, какъ Екатерина обдумывала каждое слово, ею начертанное, повѣряя каждую мысль свою, направленную ко благу народа.

Трудно сообразить и исчислить, сколько здѣсь серебра въ разной утвари и на образахъ; упомянемъ только, что огромное паникадило, вкладъ боярина Ильи Ивановича Морозова, вѣсившее 113 пуд. серебра и сдѣланное въ Венеціи, похищено въ 1812 г. непріятелемъ и замѣнено новымъ, имѣющимъ 20 пуд. Сіе послѣднее сдѣлано изъ серебра, отбитаго казаками при бѣгствѣ Наполеона изъ Москвы. Замѣтимъ, наконецъ, что мѣсто гроба Господня вылито изъ бронзы, и въ немъ сохраняется плащаница, шитая царевнами.

Не менѣе привлекаютъ любопытство южныя соборныя двери, вылитыя изъ мѣди; на нихъ изображены Сивиллы, съ начертаніемъ ихъ прорицаній; искусство отдѣлки оныхъ и древность заслуживаютъ особеннаго вниманія. Вѣроятно, что и другія двое дверей были такія же, но похищены или истреблены татарами или поляками.

Въ храмѣ семъ помазываются и вѣнчаются монархи на русское царство. Какое перо изобразитъ сіе священное торжество, когда Богомъ избранный и благословенный сердцами вѣнценосецъ приноситъ здѣсь обѣтъ жить для блага подданныхъ и нести тягчайшее бремя правленія! „Вѣнецъ сей на главѣ твоей, государь,—говорилъ митрополитъ Платонъ Александру I,—есть наша слава, но твой подвигъ; сей скипетръ есть нашъ покой, но твое бдѣніе; порфира и держава есть намъ утѣшеніе, но тебѣ бремя“.

Нельзя не вспомнить также, что въ возобновленномъ Успенскомъ соборѣ совершалось вѣнчаніе всѣхъ государей россійскихъ, со временъ внука Іоанна Великаго, также посвященіе патріарховъ; сюда въ недѣлю православія собрались всѣ чины государственные и, по трехдневномъ постѣ, приступили къ избранію, въ 1613 г., на царство русское Михаила Романова.

Мы видѣли уже, что первое *основаніе Успенскаго собора* положилъ св. Петръ митрополитъ въ 1325 г., но, не смотря на всѣ усилія его, храмъ сей совершенъ былъ уже по смерти святителя и освященъ въ 1327 г. 4 августа, Прохоромъ, епископомъ ростовскимъ.

Черезъ полтораста лѣтъ, великій князь Іоаннъ Васильевичъ, видя соборъ сей весьма тѣснымъ и приходящимъ въ разрушеніе, повелѣлъ, въ 1472 г., разобрать его до основанія и на томъ же мѣстѣ построить другой, мѣрою и наружностію подобный храму Пресвятыя Богородицы во Владимірѣ, воздвигнутому великимъ княземъ Андреемъ Боголюбскимъ. Уже зданіе приходило къ концу, какъ 1474 г. мая 21, въ ночь, своды со стѣнами обрушились, и великій князь, видя, что причиною сему было неискусство нашихъ художниковъ, послалъ нарочнаго въ Италію за пріисканіемъ лучшаго зодчаго. Наконецъ, прибылъ изъ Венеціи знаменитый Аристотель, родомъ изъ Болоніи. Онъ тотчасъ же принялся за дѣло и въ три года, т.-е. 1479 г., совершенно окончилъ построеніе сего великолѣпнаго храма въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ до нынѣ оный находится, и того же года 12 марта соборъ сей былъ освященъ митрополитомъ Геронтіемъ.

При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ, въ 1514 г., внутренность собора украшена иконописаніемъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ въ 1450 г. приказалъ вызолотить соборную кровлю, а Михаилъ Ѳеодоровичъ своею собственною казною великолѣпно обновилъ внутреннюю живопись по золотому полю. Для сего употреблено было 210,000 золотыхъ листовъ, вѣсомъ на 1721 червонецъ. Расписывалъ его Иванъ Паисенъ два года, подъ надзоромъ, нарочно опредѣленныхъ отъ царя, боярина князя Репнина, стольника Пушкина и дьяка Угодскаго.

Наконецъ, въ 1771 году, стѣны сіи вновь поновлены живописью по повелѣнію императрицы

Екатерины II, для чего избраны были живописцы изъ духовнаго званія.

Успенскій соборъ о пяти главахъ; куполы ихъ ярко вызолочены чрезъ огонь. Вышина его отъ купола большой главы до помоста 55 арш., длина отъ горняго мѣста до западныхъ дверей 50, а ширина отъ южныхъ до сѣверныхъ дверей 35 арш.; въ одной главѣ находится особая церковь, или придѣлъ Похвалы Богородицы, основанная митрополитомъ Іоною въ 1425 г., въ память изгнанія изъ Россіи татаръ, доходившихъ до береговъ Оки, подъ предводительствомъ Седи-Ахмета.

Священные обряды и празднества.

Начиная съ половины XV в., когда русская Церковь сдѣлалась независимою отъ константинопольской, Успенскій соборъ сталъ центромъ совершенія различныхъ церковныхъ торжествъ и мѣстомъ освященія всѣхъ великихъ явленій церковно-государственной жизни. Здѣсь, при гробѣ св. Петра совершались избраніе и посвященіе русскихъ святителей, при чемъ царь вручалъ новопоставленному владыкѣ архипастырскій посохъ, а тотъ отвѣчалъ царю благодарственнымъ словомъ. До конца XVII в. въ соборахъ совершались особые священные обряды: 1) Исхожденіе въ начало индикта, т.-е. празднованіе Новаго года 1-го сентября: на соборной площади патріархъ, въ присутствіи царя, совершалъ предъ Образомъ Симеона „Лѣтопроводца“ молебенъ и водоосвященіе, при чемъ, когда патріархъ читалъ евангеліе, то протодіаконъ или 4 діакона громо-

гласно повторяли за нимъ „ту же строку“ на четыре стороны; въ заключеніе патріархъ, осѣняя царя крестомъ и окропляя св. водою, говорилъ ему поздравительную рѣчь. 2) Дѣйство страшнаго суда, въ недѣлю сыропустную, совершалось на площади за алтаремъ, во всемъ подобно предыдущему, исключая поздравительной рѣчи. 3) Пещное дѣйство, т.-е. воспоминаніе о трехъ отрокахъ въ пещи огненной, совершалось въ соборѣ въ недѣлю св. отецъ: среди храма ставилась деревянная печь, а въ ней горнъ съ горящими угольями; по 6 пѣсни канона „халдеи“, одѣтые въ красныя юпы съ оплечьями изъ крашенины и съ мѣдными украшеніями въ шапкахъ, опушенныхъ заячиною, ввергали въ пещь трехъ отроковъ въ стихаряхъ, съ пальмами въ рукахъ и со свѣчами въ вѣнцахъ; потомъ „халдеи“ орошали печь пламенемъ изъ трубокъ съ плавуномъ-травой; ключарь спускалъ съ верху „въ трусѣ велицѣ зѣло съ громомъ“ ангела, при видѣ котораго устрашенные „халдеи“ падали ницъ, а отроки, взявъ ангела за крылья, ходили съ нимъ въ печи кругомъ при пѣніи хвалебныхъ пѣсенъ; по поднятіи ангела, отроки, по приглашенію халдеевъ, выходили изъ печи, поклонились святителю и пѣли заключительные хвалебные стихи, послѣ чего утреня продолжалась по уставу. 4) Вербное дѣйство: предъ литургіею царь и патріархъ шли съ крестнымъ ходомъ на Лобное мѣсто, гдѣ была приготовлена большая верба, украшенная цвѣтами и плодами и поставленная на саняхъ, обитыхъ краснымъ сукномъ и запряженныхъ царскими конями въ алыхъ попонахъ. По совершеніи предварительныхъ церемоній, начиналось торжест-

венное шествіе: за вербой слѣдовали съ зажженными свѣчами народъ, бояре и духовенство, шествіе замыкали царь и патріархъ, послѣдній, сидя бокомъ на ослѣ (на конѣ въ попонѣ съ длинными ушами), въ лѣвой рукѣ держалъ евангеліе, правою благословлялъ или осѣнялъ крестомъ народъ; осла же велъ за поводъ самъ царь, поддерживаемый двумя боярами. Отроки подъ вербою въ саняхъ и пѣвчіе по пути подъ вербами же неумолчно воспѣвали извѣстныя евангельскія восклицанія. По пришествіи въ соборъ, начиналась литургія, послѣ которой, у южныхъ дверей, съ большой вербы срѣзывались „пучки вербы", украшенные отборными плодами, для отсылки „на верхъ" и ко властямъ, а все прочее бралось на расхватъ стрѣльцами.

Въ концѣ XV столѣтія, по образцу церемоніала, византійскихъ императоровъ, въ Успенскомъ соборѣ началось вѣнчаніе и мѵропомазаніе на царство государей россійскихъ. Первое вѣнчаніе совершено Іоанномъ III, даровавшимъ царскій вѣнецъ внуку своему Димитрію. Болѣе торжественно вѣнчался на царство царь Іоаннъ Васильевичъ, въ 1547 г. Съ того времени въ Успенскомъ соборѣ короновались всѣ государи россійскіе. Императоромъ Петромъ I былъ составленъ церемоніалъ коронованія и мѵропомазанія на царство, который соблюдается и до настоящаго времени, съ весьма незначительными измѣненіями.

По примѣру благочестивыхъ предковъ своихъ, кои при всякомъ возвращеніи изъ похода въ Москву шествовали прямо въ Успенскій соборъ для благо-

дарнаго моленія, и нынѣ благочестивѣйшіе государи, прибывая въ Москву, каждый разъ имѣютъ прежде всего торжественный выходъ въ первопрестольный храмъ, гдѣ бываютъ встрѣчаемы старѣйшимъ духовенствомъ съ крестомъ и св. водою, выслушиваютъ молебное пѣніе и поклоняются святынямъ храма. Высочайшее шествіе въ соборъ и изъ онаго бываетъ при торжественномъ колокольномъ звонѣ и при восторженныхъ крикахъ народа, несмѣтными толпами стекающагося въ эти дни въ стѣны священнаго Кремля, чтобы привѣтствовать августѣйшаго своего повелителя.

Въ первое воскресенье Великаго поста совершается торжество православія, или чинъ анаѳематствованія: предъ литургіею, во время молебна, по произнесеніи протодіакономъ исповѣданія православной вѣры, произносится анаѳема (отлученіе) богоотступникамъ, еретикамъ и государственнымъ измѣнникамъ, вѣчная память—подвизавшимся въ утвержденіи православія, и провозглашается многолѣтіе поборникамъ православной истины и ревнителямъ благочестія.

Въ Великій четвергъ, въ 8—9 ч., совершается обрядъ елеосвященія, обыкновенно совершаемый надъ болящими, при чемъ молитва „Отче святый, врачу душъ и тѣлесъ“ опускается, а при чтеніи архіереемъ заключительной молитвы, евангеліе бываетъ держимо сослужащими надъ чашею съ елеемъ.

Въ годъ мѵроваренія, въ тотъ же день за литургіею совершается освященіе мѵра, а когда не бываетъ мѵроваренія, то послѣ литургіи на особомъ амвонѣ среди храма совершается обрядъ омовенія

ногъ. Въ Великій пятокъ, въ 9 ч. утра, послѣ часовъ и водоосвященія совершается чинъ омовенія св. мощей, находящихся въ Успенскомъ соборѣ и приносимыхъ изъ Благовѣщенскаго собора. Въ тотъ же день выносъ плащаницы совершается предъ вечернею молча, безъ пѣнія, а по обнесеніи плащаницы вокругъ храма на утренѣ въ Великую субботу, оная не полагается среди храма, но вносится прямо въ алтарь. Въ день св. Пасхи евангеліе въ алтарѣ читается на разныхъ языкахъ, а по-славянски читаютъ: протодіаконъ на амвонѣ и три діакона противъ дверей западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ.

10 іюля торжественно „празднуемъ положеніе честныя ризы Господа нашего Іисуса Христа, яже есть хитонъ, въ царствующемъ градѣ Москвѣ", причемъ вмѣстѣ съ ризою чествуется и гвоздь Господень, который на сей разъ полагается въ драгоцѣнный Грузинскій ковчегъ.

На 14 сентября обрядъ воздвиженія креста совершается по особому чину, особенность котораго состоитъ въ томъ, что преосвященный архіерей, обращая животворящій крестъ на 4 стороны, то возвышаетъ его, то опускаетъ, при чемъ соборяне поютъ „Господи помилуй", то понижая, то возвышая тонъ, а двое старѣйшіе изъ служащихъ, имѣя въ рукахъ серебряные кувшины, орошаютъ крестъ розовою водою, которая стекаетъ на блюдо съ живыми цвѣтами.

Изъ Успенскаго собора отправляются всѣ крестные ходы, совершаемые въ Москвѣ.

(По соч. Свиньина, пресвитера Истомина и др.).

Владимірская икона Божіей Матери.

Владимірская икона Божіей Матери составляетъ самую главную и самую драгоцѣнную святыню Москвы.

Священная икона сія написана св. евангелистомъ Лукою еще при жизни Богоматери. Совершивъ благолѣпное написаніе образа Пресвятой Дѣвы, св. евангелистъ Лука принесъ сію икону къ самой Богоматери. Богоматерь видя изображеніе лица своего на иконѣ, радостно воскликнула: *Благодать рождшагося отъ Меня и Моя съ сею иконою да будетъ* и присовокупила и прежнее свое пророчество: *Се бо отнынѣ ублажатъ Мя вси роди.* По сему непреложному обѣщанію неизреченная милость Богоматери достигла и до народа русскаго. Ибо, какъ солнце сотворивъ на небеси, поставилъ Богъ не на одномъ мѣстѣ сіяти, но да свѣтитъ, обходя вселенную, и освѣщаетъ лучами своими всю поднебесную: такъ и образъ Пречистыя Богоматери не на одномъ мѣстѣ источаетъ чудеса и различныя исцѣленія, но, обходя всѣ страны поднебесныя, весь міръ просвѣщаетъ и отъ бѣдъ избавляетъ и отъ различныхъ недуговъ исцѣляетъ. Такъ и сей Владимірскій многоцѣлебный образъ Владычицы Богородицы въ половинѣ V столѣтія, при греческомъ императорѣ Ѳеодосіи Младшемъ, перенесенъ изъ Іерусалима въ Константинополь, а въ половинѣ XII вѣка изъ Константинополя привезенъ въ Кіевъ и поставленъ въ дѣвичьемъ монастырѣ въ Вышгородѣ. Въ 1155 г. великій князь Юрій отдалъ Вышгородъ въ удѣлъ

сыну своему князю Андрею. Но Андрей въ это время уже замышлялъ удалиться съ юга Россіи на сѣверъ, въ ростовскую землю, и здѣсь утвердить новое, независимое отъ Кіева, княжество. Однажды князь Андрей, имѣя многую вѣру и любовь къ Пресвятой Богородицѣ, бесѣдовалъ съ боярами своими о святыхъ иконахъ, отъ которыхъ бываютъ многія чудеса и различныя исцѣленія приходящимъ съ вѣрою. Въ этой бесѣдѣ ему повѣдали о чудотворной иконѣ Пречистыя Богородицы, какъ она принесена была изъ Царьграда въ Кіевъ, какъ поставлена въ его вотчинѣ—въ Вышгородѣ, въ дѣвичьемъ монастырѣ, и какъ Богоматерь явила свое нежеланіе оставаться здѣсь. Однажды клирики той обители, войдя въ церковь, увидали, что икона Богородицы сошла съ мѣста своего и стоитъ на воздухѣ, среди церкви. Они дерзнули поставить ее на другомъ мѣстѣ и опять увидали, что икона Богоматери обратилась лицомъ въ алтарь. Клирики рѣшили между собою, что икона желаетъ стоять въ алтарѣ, и по сему священники, взявши ее, перенесли въ алтарь и поставили за святымъ престоломъ. И вотъ, въ третій разъ увидали клирики, что сія священная икона опять сошла съ своего мѣста и стоитъ на воздухѣ близъ святого престола. И сильно недоумѣвали они, ибо не знали, гдѣ Сама Богоматерь благоизволила избрать Себѣ жилище

Услышавъ все это, князь Андрей разгорѣлся духомъ и съ надеждою помышлялъ въ себѣ: не въ суздальской ли землѣ мѣсто, на которомъ ей угодно пребывать. Скоро пошелъ онъ въ монастырь тотъ и, войдя въ церковь, увидѣлъ образъ Пречистыя

Богородицы, со страхомъ припалъ къ нему и со слезами молился: „О, Пречистая Госпоже Богородице, Мати Христа Бога нашего! Аще хощеши, можеши Помощница ми быти и въ ростовстѣй земли, идѣже тщимся шествовати, и тамо посѣти Владычице, новопросвѣщенные люди, и якоже Сама вѣси, снабдѣвати и спасати достояніе Сына Твоего и Бога нашего и Твое, яко вся Тебѣ возможна. Приклони, Пречистая, ухо Твое къ моленію нашему и простри руцѣ Твои на мольбу къ Сыну Своему Христу Богу нашему, и сохрани стадо Твое, и заступи отъ всякаго зла, и не отрини насъ отъ Своего честнаго образа, Владычице, Тебе бо имѣемъ молебницу теплу, и стѣну тверду, и покровъ нерушимъ земли нашей: яко да на Божественный Твой образъ взирающе, и седцемъ радуемся, и душею веселимся, имуще Тя державу непобѣдиму, и утвержденіе непоколебимо, и надежду и упованіе душамъ нашимъ“.

Князь усердно молился передъ иконою, отслужилъ передъ нею молебенъ и благоговѣйно взялъ ее, какъ безцѣнное сокровище, и, не извѣстивъ отца своего, ночью уѣхалъ изъ Вышгорода. На пути передъ иконою совершали молебны, и многія чудеса содѣловались отъ святыя иконы Богоматери. Князь прибылъ во Владиміръ на Клязьмѣ, и жители встрѣтили его съ великою радостію. Продолжая свой путь, князь отправился къ Ростову. Въ десяти верстахъ отъ Владиміра, внизъ по теченію рѣки Клязьмы, лошади, везшія чудотворную икону, остановились и не шли далѣе. Запряжены были новыя лошади, и онѣ не шли впередъ. И много перемѣнено было

коней и много разъ чудотворную икону поставляли на сани, и ни одинъ конь не могъ подвинуть саней со святою иконою. Тогда князь Андрей приказалъ совершить молебенъ передъ иконою Богоматери и самъ, павши на землю, со слезами молился Пресвятой Дѣвѣ и далъ обѣтъ на этомъ самомъ мѣстѣ воздвугнуть во имя Ея церковь. Въ слѣдующую ночь, когда князь продолжалъ свою усердную молитву, во снѣ онъ сподобился видѣнія: Богоматерь во время молитвы его явилась ему со свиткомъ въ правой рукѣ и повелѣла ему образъ Ея, который онъ взялъ изъ Вышгорода, поставить во Владимірѣ и на мѣстѣ чудеснаго событія и видѣнія устроить храмъ во имя Рождества и при храмѣ обитель. Благочестивый князь немедленно заложилъ храмъ и, призвавъ искусныхъ иконописцевъ, повелѣлъ имъ изобразить Богоматерь въ томъ молитвенномъ видѣ, какъ Она явилась ему. Въ 1157 году князь внесъ въ новосозданную церковь обѣ иконы—и принесенную изъ Вышгорода и вновь написанную, которую назвалъ иконою Божіей Матери Боголюбивыя; потомъ близъ новосозданной церкви и обители онъ основалъ городъ Боголюбовъ. Въ 1158 году князь Андрей, согласно повелѣнію Богоматери, заложилъ и во Владимірѣ храмъ для пребыванія въ немъ чудотворной иконы, какъ пожелала этого Сама Богоматерь. Черезъ два года великолѣпный храмъ былъ оконченъ, и князь торжественно перенесъ въ него чудотворную икону Богоматери, и съ этого времени сія икона стала называться Владимірскою. По вѣрѣ и по усердію къ Пресвятой Богородицѣ, благовѣрный князь

великолѣпно украсилъ Ея новый храмъ, въ честь Ея Успенія. Изящные иконописцы поставили въ немъ много чудесныхъ иконъ, самъ князь обогатилъ его дорогими священными сосудами, ризами и прочею церковною утварью, а самую икону онъ обложилъ золотомъ и разными драгоцѣнными каменьями.

Съ этого времени Владимірская икона Божіей Матери болѣе двухсотъ лѣтъ пребывала во Владимірѣ и прославилась многими чудесными знаменіями и благодатною помощію благовѣрнымъ князьямъ во время походовъ ихъ на враговъ. Такъ, еще князь Андрей, прозванный Боголюбскимъ, въ 1164 году, отправившись съ войскомъ противъ волжскихъ болгаръ, взялъ съ собою иконы Спасителя и Божіей Матери. Русское воинство усердно молилось передъ святыми иконами, и Господь явилъ ему знаменіе Своей благодатной помощи: отъ иконъ исходили огненные лучи и покрывали войско. Въ Греціи, въ это время, царь Мануилъ удостоился такого же видѣнія во время похода на враговъ. Въ память объ этомъ днѣ чудесной помощи тогда же установленъ былъ праздникъ 1 августа.

Въ 1395 году Владимірская икона Богоматери перенесена была въ Москву, для постояннаго пребыванія въ Успенскомъ соборѣ. И въ Москвѣ много чудесъ явила сія святая икона и много разъ молитвами Богоматери спасена была земля Русская отъ враговъ. Въ память чудесной помощи Богоматери православная церковъ празднуетъ три дня въ году въ честь Владимірской иконы Божіей Матери: 26 августа, 23 іюня и 21 мая.

26-го августа.

Въ 1395 году страшный завоеватель Востока Темиръ-Аксакъ, или Тамерланъ (желѣзный хромецъ), вступилъ въ предѣлы Россіи, привелъ ее въ ужасъ. Съ дикими полчищами своими онъ истреблялъ все на пути своемъ. Цѣлые города и селенія онъ превращалъ въ груды развалинъ, сжигалъ храмы Божіи, а христіанъ убивалъ или отводилъ въ плѣнъ. Онъ опустошилъ уже предѣлы рязанскіе, взялъ городъ Елецъ, плѣнилъ елецкаго князя, избилъ многихъ христіанъ и устремился къ Москвѣ. Великій князь Василій Дмитріевичъ не хотѣлъ допустить его до Москвы, не хотѣлъ позволить ему разрушить первопрестольный городъ русскій, вмѣстѣ съ войскомъ вышелъ къ Коломнѣ навстрѣчу врагу и остановился на берегу Оки. И самъ князь, и христолюбивое воинство, и всѣ православные христіане непрестанно и со слезами молились Богу и Матери Божіей объ избавленіи своего отечества отъ кровожаднаго и дикаго хищника. Усердно молили о помощи и великихъ угодниковъ Божіихъ Петра, Алексія и Сергія, скорыхъ помощниковъ и заступниковъ земли Русской. Изъ Коломны великій князь писалъ въ Москву митрополиту Кипріану, чтобы наступившій постъ предъ праздникомъ Успенія Божіей Матери по всему княжеству московскому былъ посвященъ усиленному посту и подвигамъ покаянія. Народъ съ утра до вечера толпился въ храмахъ Божіихъ, священники не переставали совершать молебствія о князѣ и православномъ воинствѣ. Самъ

митрополитъ почти не выходилъ изъ храма, то утѣшая оставшихся въ столицѣ, то молясь за идущихъ на брань за вѣру и отечество.

Въ эти-то тяжелые и скорбные дни великій князь просилъ митрополита послать во Владиміръ, поднять оттуда чудотворную икону Царицы Небесной и принести ее въ Москву. Князь зналъ, какъ Андрей Боголюбскій получилъ помощь отъ этой иконы и побѣдилъ болгаръ. Князь вѣрилъ, что Небесная Заступница защититъ и Москву отъ врага ненавистнаго. Получивши такую просьбу великаго князя, митрополитъ возблагодарилъ Господа, вложившаго такую мысль въ сердце благочестиваго князя, и немедленно послалъ во Владиміръ за святою иконою почетное духовенство Успенскаго собора. Прибывъ во Владиміръ, посланные совершили литургію и молебенъ передъ иконою Богоматери. Въ день Успенія они приняли ее на свои руки и съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ понесли въ Москву. Владимірцы со слезами провожали свою святыню и въ горѣ не переставали взывать: „Куда Ты отходишь отъ насъ, Владычице, для чего оставляешь Ты насъ сирыми, отвращаешь отъ насъ лице Свое?“ Черезъ десять дней священное шествіе съ Владимірскою иконою приблизилось къ Москвѣ. Митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ московскимъ, великокняжеское семейство, бояре и многочисленные граждане вышли за городъ съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ навстрѣчу чудотворной святынѣ и проводили ее въ Успенскій соборъ. Безчисленное множество народа, по обѣимъ сторонамъ дороги, преклоняя колѣна, съ усердіемъ и слезами взывали: „Матерь

Божія! спаси землю Русскую!“ И молитва ихъ была услышана.

Въ тотъ самый день и часъ, когда жители Москвы встрѣчали икону Богоматери, Тамерланъ задремалъ въ своемъ шатрѣ и во снѣ увидѣлъ предъ собою великую гору. Съ вершины этой горы къ нему шли многіе святители съ золотыми жезлами, а надъ ними въ лучезарномъ сіяніи была Жена, благолѣпія и величія неописаннаго. Жена повелѣла Тамерлану оставить предѣлы Россіи. Тьмы молніеобразныхъ воиновъ, окружавшихъ Жену, грозно устремились на Тамерлана; Тамерланъ въ ужасѣ затрепеталъ и проснулся. Созвавши вольможъ своихъ, онъ спрашивалъ всѣхъ о значеніи этого видѣнія. Мудрѣйшіе изъ вельможъ отвѣчали ему: „сія величественная Жена есть Богоматерь—Защитница христіанъ.“—„Итакъ, мы не одолѣемъ ихъ“, сказалъ непобѣдимый дотолѣ Тамерланъ и велѣлъ полкамъ своимъ идти обратно изъ предѣловъ Россіи, и русскіе и сами татары были изумлены такимъ распоряженіемъ страшнаго врага. „Такъ, ради добродѣтельнаго житія великаго князя Василія Димитріевича Богъ прославилъ его, а русскую православную землю помиловалъ отъ нахожденія безбожнаго Темира-Аксака, пришествіемъ чудотвораго образа Пречистыя Своея Матери, его же богогласный Лука написа“.

Въ память столь славнаго освобожденія Москвы благодатію Божіею и молитвами Пресвятыя Богородицы, на Кучковомъ полѣ въ Москвѣ (нынѣ улица Срѣтенка), гдѣ встрѣченъ былъ жителями столицы образъ Богоматери при перенесеніи его изъ Вла-

диміра въ 1395 году, воздвигнутъ Срѣтенскій мужской монастырь и въ день самаго срѣтенія, 26 августа, положено праздновать во всей Россіи *Срѣтеніе Владимірской иконы Божіей Матери,* для избавленія Россіи помощію и заступленіемъ Ея отъ нашествія Тамерлана. Въ Москвѣ въ этотъ день установленъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь, дабы живѣе вспоминать первоначальное срѣтеніе чудотворной иконы при перенесеніи ея изъ Владиміра въ Москву.

Во Владимірскомъ соборѣ, вмѣсто перенесенной въ Москву, поставлена другая икона, въ мѣру и подобіе подлинной, написанная по преданію св. Петромъ митрополитомъ, въ бытность его еще игуменомъ Ратскаго монастыря на Волыни.

23-го іюня.

Во второй разъ празднованіе въ честь Владимірской иконы Божіей Матери православная церковь совершаетъ въ благодареніе за избавленіе отечества, невидимымъ заступленіемъ Богородицы, отъ ордынскаго царя Ахмата, въ 1480 году, при великомъ князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ.

Въ 1480 году, Ахматъ, ханъ Золотой Орды, шелъ ограбить и разорить Москву и съ своимъ войскомъ достигъ уже рѣки Угры. Великій князь Іоаннъ III, получивъ извѣстіе о вторженіи татарскаго войска въ русскіе предѣлы, быстро собралъ воинство. Укрѣпляемый молитвою и благословеніемъ митрополита Геронтія, великій князь вышелъ съ войскомъ навстрѣчу Ахмату и остановился противъ него на

другомъ берегу рѣки Угры. Долгое время никто изъ нихъ не рѣшался начать битву. Великій князь опасался превосходства силъ непріятеля, а Ахматъ ожидалъ, когда рѣка покроется льдомъ, дабы удобнѣе было перейти черезъ рѣку. Между тѣмъ, въ Москвѣ въ Успенскомъ соборѣ, равно какъ и въ другихъ храмахъ, совершались умилительныя молебныя пѣнія Царицѣ Небесной и возносились горячія прошенія православныхъ о заступленіи и избавленіи отечества отъ враговъ и дарованіи надъ ними побѣды.

Наконецъ, когда рѣка Угра покрылась льдомъ, великій князь, съ надеждою на помощь Божію, сталъ готовиться къ битвѣ съ непріятелемъ и, желая очистить мѣсто для битвы, приказалъ своимъ войскамъ отступить отъ рѣки. Видя отступленіе, русское войско упало духомъ и готово было бѣжать. Но чего не сдѣлало воинство русское, то совершилось благодатною помощью Богоматери, всегдашней Заступницы земли Русской. На татаръ внезапно напалъ невѣдомый страхъ, и они, вмѣсто того чтобы напасть на русское войско, начали отступать сначала тихо и медленно, а ночью побѣжали въ безпорядкѣ. Такъ совершилось чудесное спасеніе Москвы отъ вторженія хана Ахмата.

Отступая, Ахматъ похвалился въ слѣдующее лѣто придти воевать державу великаго князя, но Господь не допустилъ исполнить коварное намѣреніе его: вскорѣ погибъ самъ Ахматъ и разрушилось царство его. Это избавленіе отъ Ахмата послужило къ совершенному освобожденію Россіи отъ ига татарскаго, которое около трехъ вѣковъ тяготѣло надъ

Русскою землею. Въ благодарность за сіе избавленіе Москвы и всего отечества отъ татаръ, которое совершилось заступленіемъ Божіей Матери, установлено было въ 1480 году 23 іюня празднество Срѣтенія Владимірской иконы Богоматери и крестный ходъ въ Срѣтенскій монастырь.

21-го мая.

Въ 21 день мѣсяца мая православная Церковь совершаетъ въ третій разъ праздникъ Срѣтенію чудотворныя Владимірскія иконы Пресвятыя Богородицы. Праздникъ этотъ совершается въ воспоминаніе двухъ событій. Первое событіе было въ 1514 г. когда совершилось поновленіе Владимірской иконы въ домѣ митрополита Варлаама. Въ память этого поновленія установленъ былъ крестный ходъ изъ Успенскаго собора въ Срѣтенскій монастырь, мая 21 числа.

Съ воспоминаніемъ поновленія соединено празднованіе другого священнаго событія—избавленія Москвы заступленіемъ Владычицы отъ нашествія татаръ.

Въ 1521 году татары крымскіе, ногайскіе и казанскіе соединились подъ предводительствомъ крымскаго хана Махметъ-Гирея для разоренія Русской земли, и съ многочисленными полчищами вступили въ предѣлы Россіи. Враги такъ быстро подошли къ берегамъ Москвы-рѣки, что великій князь Василій Іоанновичъ не успѣлъ удержать ихъ стремительнаго вторженія. Предавъ огню селенія, отъ Нижняго-Новгорода и Воронежа до береговъ Москвы-рѣки,

враги плѣнили множество жителей, силою отводили въ неволю женъ и дѣвицъ, а грудныхъ младенцевъ бросали на землю. Такихъ невольниковъ толпами продавали въ Казани и Астрахани, а слабыхъ и престарѣлыхъ морили голодомъ. Враги всюду жгли и разоряли храмы Божіи, а святыни ихъ оскверняли и грабили. Дикое нашествіе безбожныхъ татаръ привело въ ужасъ всѣхъ православныхъ. Великій князь отправился въ Волоколамскъ собирать полки. 29 іюля, среди облаковъ дыма, подъ заревомъ пылающихъ деревень, ханъ сталъ уже въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Москвы. Въ Москву, ища спасенія, стекались жители всѣхъ окрестностей со своими семействами и драгоцѣннѣйшимъ имѣніемъ. Отъ многолюдства всюду была тѣснота въ городѣ. Улицы заперлись обозами, пришельцы и граждане, жены, дѣти и старцы искали спасенья въ Кремлѣ, тѣснились въ воротахъ и давили другъ друга. Не видя никакой надежды, православный московскій народъ всѣмъ сердцемъ обратился къ Богу и Его Пречистой Матери. Митрополитъ Варлаамъ, вмѣстѣ съ народомъ, возносилъ усердныя молитвы о спасеніи Москвы и отечества. Богъ внялъ молитвамъ бѣдствующихъ, и Москва чудесно, заступленіемъ Божіей Матери Владимірской и святыхъ преподобныхъ Сергія радонежскаго и Варлаама Хутынскаго, спасена была и спасла всю Россію. Разсказываютъ, что татары хотѣли было выжечь московскіе посады, но увидѣли вокругъ города безчисленное христолюбивое русское воинство и съ ужасомъ прискакали къ хану и извѣстили его о чудесномъ видѣніи. Ханъ не повѣрилъ имъ и послалъ

другихъ: „И другіе видѣша того сугубѣйшее воинство русское, и сказаша ему; и третіе посла нѣкоего изъ ближнихъ увѣдати истину, и трепеща пробѣже и вопія: о царю! что коснѣши, побѣгнемъ! грядетъ бо на насъ безмѣрное множество войска отъ Москвы,—и побѣгоша". Такимъ образомъ предстательствомъ Богородицы Москва и отечество избавились отъ враговъ. Въ память сего чудеснаго избавленія совершается 21 мая празднество въ честь Владимірскія чудотворныя иконы Божіей Матери и въ Москвѣ совершается крестный ходъ изъ Успенскаго собора ко Владимірской церкви на Никольской улицѣ.

Въ дни троекратнаго избавленія Москвы заступленіемъ Богоматери отъ Тамерлана, Ахмата и Махметъ-Гирея святая Церковь при богослуженіи радостно вопіетъ тропарь: „Днесь свѣтло красуется славнѣйшій градъ Москва, яко зарю солнечную воспріемши, Владычице, чудотворную Твою икону, къ ней же мы, нынѣ притекающе и молящеся Тебѣ, взываемъ сице: о Пречистая Владычице Богородице, молися изъ Тебе воплощенному Христу, Богу нашему, да избавитъ градъ сей и вся грады и страны христіанскія невредимы отъ всѣхъ навѣтъ вражіихъ и спасетъ души наша, яко милосердъ".

Владимірская икона Богородицы постояно подавала благодатную помощь нашему православному отечеству и при такихъ событіяхъ, кои святая Церковь не ознаменовала своими празднествами. Такая помощь въ 1408 году явлена была противъ ордынскаго царя Едигея, неожиданно подступившаго къ Москвѣ. Въ Москвѣ не было ни князя, ни митро-

полита. Жители столицы, не ожидая помощи отъ людей, съ слезными молитвами вопіяли передъ иконою Владимірской Богоматери. И вдругъ Едигей, готовившійся предпринять осаду Москвы, неожиданно поспѣшно удалился отъ Москвы.

Подобное заступленіе было въ 1451 году, когда къ Москвѣ подступилъ ногайскій царевичъ Мазовша съ войсками отца своего. Подъ пламенемъ разлившагося пожара святитель Іона совершалъ крестные ходы по стѣнамъ города. Увидѣвъ инока Чудовского монастыря, Антонія, извѣстнаго святостью жизни, святитель сказалъ ему: „Антоній, прилежнѣе моли Бога о избавленіи града".—„Ты—великій архіерей Божій,—отвѣчалъ Антоній, — и твоей молитвы не презритъ Богоматерь, наша скорая Помощница: Она уже умолила Сына Своего спасти градъ". Москвитяне бились съ татарами до ночи, а ночью ожидали новаго приступа. Но поутру москвитяне не видятъ подъ стѣнами врага: непріятель ночью поспѣшно ушелъ отъ Москвы, взявъ съ собою только легкія повозки. По сказанію лѣтописи, татары, услышавъ в дали необычайный шумъ, вообразили, что великій князь идетъ на нихъ съ сильнымъ войскомъ, и въ замѣшательствѣ устремились въ бѣгство. Великій князь послѣ столь неожиданнаго удаленія враговъ отъ столицы поспѣшилъ во храмъ Богоматери Владимірской и съ умиленіемъ и со слезами славилъ небесную Заступницу православныхъ.

Чрезъ восемь лѣтъ послѣ нашествія Мазовши ополчился на Москву отецъ его, Седи - Ахметъ, и похвалился поработить Россію. Сынъ великаго князя,

Іоаннъ, прогналъ войско зловѣрныхъ изъ Россіи. Св. Іона разрушеніе похвальбы Ахмета отнесъ заступленію Богоматери и въ Успенскомъ соборѣ въ 1459 году устроилъ придѣлъ въ честь Похвалы Богоматери.

Защищая Москву и Россію отъ враговъ внѣшнихъ, святая икона Владимірской Божіей Матери всегда хранила внутренній миръ и цѣлость Россіи. И цари, и митрополиты, и народъ всегда и во всѣхъ важныхъ обстоятельствахъ жизни прибѣгали къ помощи Царицы небесной.

Сія святая икона служила благословеніемъ нашимъ князьямъ и царямъ при восшествіяхъ на престолъ и коронованіяхъ. Передъ нею цари брали клятву съ подданныхъ въ вѣрности отечеству. Въ 1598 году икона Владимірская вмѣстѣ съ другими иконами всенародно принесена была въ московскій Новодѣвичій монастырь. Въ этомъ монастырѣ, отрекшись отъ престола, уединенно жила царица Ирина. Присутствіемъ святой чудотворной иконы хотѣли побудить ее благословить брата — Бориса Ѳеодоровича Годунова—и хотѣли заставить его самого взойти на россійскій престолъ. Вышедъ въ срѣтеніе чудотворному Владимірскому образу Богоматери, Борисъ Ѳеодоровичъ горько заплакалъ и съ молитвой преклонился передъ иконою и взывалъ: „О, Милосердая Царица, Пречистая Богородица, Мати Христа Бога нашего, почто толикъ подвигъ сотворила еси и чудотворный свой образъ воздвиже? Тѣмъ Пречистая Богородица помолися о мнѣ и помилуй мя“. Послѣ сего царица благословила брата на царство. Издревле доселѣ православные россій-

скіе монархи пріемлютъ священное вѣнчаніе и мѵропомазаніе на царство предъ ликомъ Владимірскія иконы въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ. Молебенъ при вошествіи государя въ соборъ для вѣнчанія на царство совершали древле кресту, Пречистой и Петру чудотворцу.

При вступленіи своемъ противъ враговъ великіе князья и цари молились передъ иконою Богоматери и взирали на нее, какъ на заступленіе Россіи. При набѣгахъ, въ 1541 году, хана крымскаго Саипъ-Гирея и казанскаго Сафа-Гирея на Россію, царь Іоаннъ Васильевичъ, отправляясь противъ враговъ, на колѣнахъ со слезами молился передъ иконою о помощи противъ нихъ, и враги были отражены. Въ 1552 году, 16 іюня, великій князь Іоаннъ Васильевичъ, собираясь въ походъ на Казань, пришелъ въ храмъ Успенія и тамъ слезно припалъ къ чудотворному образу Богоматери и съ плачемъ долго молился. Молитва царя была услышана Казань взята была, и онъ торжественно встрѣченъ былъ при возвращеніи въ столицу послѣ побѣды духовенствомъ съ чудотворною Владимірскою иконою. Царь, сошедъ съ коня, палъ передъ нею, помолился и облобызалъ.

При различныхъ обстоятельствахъ своей семейной жизни цари молебствовали передъ сею чудотворною иконою. Великій князь Василій Іоанновичъ, лежа на смертномъ одрѣ, пожелалъ, чтобы къ нему принесли Владимірскую икону Богоматери, и послѣдніе взоры и молитва его обращены были на Ея священный ликъ.

При избраніи всероссійскихъ митрополитовъ и

патріарховъ Владимірская икона Богоматери служила поручительницею и благословеніемъ. Имена избираемыхъ, по древнему обычаю, запечатанныя царемъ, полагали въ панагіи на пелену въ кіотѣ Владимірской иконы Богоматери, предоставляя Ей выбрать, кого изволитъ избрать Она Сама. Послѣ молебствія царь самъ или старѣйшій изъ святителей снималъ печать и объявлялъ собору имя избраннаго.

При пожарахъ и общественныхъ бѣдствіяхъ святители съ молитвою обращались къ Владимірской Божіей Матери, и своимъ заступленіемъ Она утоляла гнѣвъ Божій.

Въ несчастіяхъ святители избирали сію икону ходатайницею предъ царями и гонителями. Когда императоръ Петръ I, въ 1698 году, опредѣлилъ предать стрѣльцовъ смертной казни, патріархъ Адріанъ ходатайствовалъ объ нихъ предъ царемъ, держа въ рукахъ Владимірскую икону Богоматери. Когда сподвижники самозванца хотѣли низложить патріарха Іова и стали рвать съ него святительскія одежды во время богослуженія, онъ снялъ съ себя панагію и, положивъ ее къ образу Владимірской Богоматери, сказалъ: „Владычице Богородице! Передъ сею святою иконою Твоею возложена на меня панагія святительская; съ нею исправлялъ я слова Сына Твоего и Бога нашего, 19 лѣтъ хранилъ цѣлость вѣры святой. Нынѣ ради грѣховъ нашихъ видимъ: бѣдствуетъ царство, обманъ и ересь торжествуютъ. Спаси и утверди православіе молитвами къ Сыну Твоему“.

Впрочемъ, не только цари и святители питали

высокое благоговѣніе къ Владимірской Богоматери, но и всѣ православные христіане, и каждому, по молитвамъ, Она всегда была помощницей и скорой заступницей.

(По соч. прот. Дебольскаго и др.).

Успенскій соборъ есть образъ вселенской Церкви и залогъ русскаго единодержавія.

Этотъ соборъ, какъ первопрестольный въ Россіи, заключаетъ въ себѣ и полную идею вселенской Церкви; она является на иконостасѣ, выражена и въ куполахъ, и на стѣнахъ, и въ алтарѣ. Взгляните на верхній ярусъ иконостаса; вы увидите мысль первоначальной Церкви до закона Моисеева, но вмѣстѣ и связь ея съ новозавѣтною: рядъ праотцевъ и патріарховъ, Адамъ, Сиѳъ, Энохъ, Ной, Авраамъ, Исаакъ, Іаковъ и прочіе стоятъ по обѣимъ сторонамъ иконы Господа Саваоѳа, Который изъ лона Своего рождаетъ Предвѣчное слово. Ярусомъ ниже изображена Церковь ветхозавѣтная отъ Моисея до Христа, коего была предзнаменованіемъ, и потому на срединѣ икона Знаменія Божіей Матери, проявляющей на лонѣ Своемъ Предвѣчнаго Младенца, ибо тогда еще не рожденъ былъ на землѣ, а только предсказывали о Немъ пророки, написанные здѣсь по сторонамъ, съ хартіями своихъ пророчествъ въ рукѣ; такимъ образомъ предвѣчное и временное рожденіе Бога Слова изображено глубоко и таинственно. Еще ниже—двѣнадцать главныхъ праздниковъ, почерпнутые изъ жизни Хри-

стовой и Богоматери: это повѣсть евангельская въ лицахъ, исполненіе ожиданія праотцевъ и видѣній пророческихъ. Въ четвертомъ ярусѣ—картина собственно Церкви христіанской, и оттого Спаситель написанъ посрединѣ сидящимъ на престолѣ, въ образѣ вѣчнаго Архіерея—Ходатая о грѣхахъ нашихъ; по сторонамъ же стоятъ Пречистая Его Матерь и Предтеча, какъ два образа совершенства человѣческаго и ближайшіе заступники наши: одна— „честнѣйшая херувимъ и славнѣйшая безъ сравненія серафимъ", другой по словамъ Самаго Господа,—„большій изъ всѣхъ рожденныхъ женами". Ихъ молитвенное положеніе называется обыкновенно деисусомъ, отъ греческаго слова деисисъ (молитва), и подлѣ нихъ расположены всѣ апостолы, начиная съ двухъ верховныхъ, какъ проповѣдники ученія Христова и строители Его Церкви. Такъ все постепенное ея развитіе начертано отъ верху и до низу, на внутренней стѣнѣ храма, которая замѣнила таинственную завѣсу Соломонова, раздранную въ часъ искупленія.

Взгляните; надъ нами, въ большомъ куполѣ и во всѣхъ главахъ, изображена отчасти та же мысль: тамъ Господь Вседержитель окруженъ сперва небесными силами, потомъ праотцами-патріархами, потомъ пророками и апостолами, наконецъ, лики мучениковъ и исповѣдниковъ покрываютъ столбы храма, въ знаменіе, что кровію мучениковъ утвердилась Церковь, и оттого доселѣ кладетъ она мощи ихъ въ основаніе своихъ престоловъ. Кругомъ всѣ стѣны исписаны дѣяніями святыхъ или притчами евангельскими въ лицахъ. Немногіе знали грамоту,

когда началъ строиться храмъ сей, а всѣхъ надобно было учить закону Божію; посему издавна принята была въ церквахъ стѣнная живопись вмѣсто мертвыхъ буквъ, чтобы всякій молящійся христіанинъ могъ самъ прочесть сію живую повѣсть. Всѣхъ же лицъ въ цѣломъ соборѣ слишкомъ двѣ тысячи; отцы наши хотѣли, чтобы вся торжествующая на небесахъ Церковь презирала на молитву воинствующей на землѣ. Когда же откроются Царскія двери, которыя выражаютъ иконою Благовѣщенія и Евангелистовъ радостную вѣсть о нашемъ спасеніи, то и на стѣнахъ алтаря представятся лики святителей, тамъ, гдѣ приносили они безкровную жертву, и сія самая жертва изображена въ таинственныхъ видахъ. Такова священная полнота соборнаго храма.

Какъ сіи четыре столба подпираютъ своды церковные, такъ и Церковь россійская имѣетъ свои четыре живые столпа: Петра, Алексія, Іону и Филиппа, которые здѣсь положены краеугольными камнями собору, кромѣ, однакоже, Алексія; онъ замѣненъ двумя своими преемниками Кипріаномъ и Фотіемъ. Въ сѣверной части алтаря вы поклонитесь мощамъ Петра-чудотворца, который перенесъ изъ Кіева и Владиміра престолъ митрополіи въ Москву и чрезъ то сдѣлалъ ее столицею; онъ же предсказалъ и грядущую славу ея государей, а потому каждый ихъ великій подвигъ есть какъ бы торжественный „аминь“ на слова святителя. Съ нимъ рядомъ — преемникъ его Ѳеогностъ, грекъ родомъ, поддержавшій достоинство и права Церкви въ Россіи и въ ордѣ, гдѣ едва не пострадалъ за

нихъ. Великій митрополитъ Алексій, управлявшій княженіемъ въ младенчество Донского, одинъ изъ лучшихъ мужей государственныхъ и пастырей, какихъ имѣли отечество и Церковь, избралъ себѣ мѣстомъ вѣчнаго покоя Чудовъ монастырь, свое строеніе. Позади насъ, въ юго-западномъ углу собора, почиваютъ два митрополита, знаменитые строгою жизнію и глубокимъ ученіемъ, Кипріанъ и Фотій, первый же еще и правительственною мудростію, ибо онъ умѣлъ содержать въ союзѣ церковномъ Русь и Литву, послѣ него распавшіяся. Въ противоположной сторонѣ — чудотворецъ Іона, блюститель отечества въ смутныя времена Темнаго, а у южныхъ вратъ собора—св. Филиппъ митрополитъ, не убоявшійся въ этомъ самомъ храмѣ обличать Грознаго.

Теперь обратите вниманіе на нижній рядъ мѣстныхъ иконъ, великолѣпно украшенныхъ, какъ предметы ближайшаго чествованія; мы подойдемъ къ каждой изъ нихъ, ибо каждая, кромѣ святыни, имѣетъ еще занимательность историческую, а всѣ вмѣстѣ онѣ выражаютъ мысль единодержавія, образовавшагося изъ системы удѣловъ; всѣ почти перенесены изъ удѣльныхъ княженій, по мѣрѣ ихъ покоренія и сліянія въ одно цѣлое. Глубока была мысль—соединить въ общемъ святилищѣ мѣстную святыню городовъ; народы, разставаясь съ своимъ завѣтнымъ сокровищемъ, невольно привязывались къ мѣсту его будущаго храненія; сердце ихъ какъ бы отходило туда за иконою, и родовое къ ней усердіе служило лучшимъ залогомъ вѣрности. Такъ

изъ Владиміра, Новгорода, Пскова, Устюга, Смоленска собрался священный сей иконостасъ.

Вотъ чудотворная славная икона Владимірскія Божія Матери, писанная св. евангелистомъ Лукою, принесенная изъ Царьграда князю Андрею Боголюбскому. Подъ сѣнію позлащеннаго кивота нельзя различить ея высокаго письма, но я часто утѣшаюсь онымъ во время крестныхъ ходовъ, особенно если солнце озаряетъ священный ликъ. Когда Тамерланъ двинулся на Россію и уже дошелъ до Ельца, сынъ Донского, великій князь Василій, послалъ во Владиміръ за иконою Владычицы и со всею столицею прибѣгнулъ къ Ея покрову. На томъ мѣстѣ, гдѣ ее встрѣтили, воздвигнутъ монастырь Срѣтенскій, и въ день ея прихода обратился вспять Тамерланъ; съ тѣхъ поръ Церковь празднуетъ крестнымъ ходомъ 26 августа. Въ томъ же Владимірскомъ соборѣ, отколѣ нѣкогда пришла спасти Москву, нашла она опять себѣ пристанище. Когда увозили изъ Кремля священную утварь соборовъ и патріаршую ризницу, здѣсь нельзя было ни до чего коснуться, ибо народъ безпрестанно толпился около сихъ священныхъ залоговъ; ночью, за нѣсколько часовъ только до наступленія непріятеля, преосвященный Августинъ послалъ тайно взять иконы—Иверскую и Владимірскую—и съ ними выѣхалъ изъ столицы; прочія же всѣ иконы утратили свои богатые оклады и украшены вновь усердіемъ гражданъ.

По правую сторону Царскихъ дверей — мѣстный образъ Спасителя, присланный изъ Царьграда императоромъ Мануиломъ въ Новгородъ и взятый Іоан-

номъ Грознымъ изъ Софійскаго собора, на память совершеннаго покоренія сей древней независимой области. Подлѣ—икона Успенія Божіей Матери, писанная святымъ Петромъ митрополитомъ, и другая—Благовѣщенія, взятая также Іоанномъ изъ Великаго Устюга, гдѣ славилась чудесами: къ ней прибѣгая, преподобный Прокопій устюжскій отклонилъ отъ своего города страшную тучу, и не остыло доселѣ усердіе устюжанъ къ древней своей иконѣ; послѣ 1812 года они обложили ее опять богатою ризою. Образъ Псковской Божіей Матери, прежде бывшій надъ южными дверями, теперь въ алтарѣ, но подлѣ сихъ дверей замѣчательна икона св. Димитрія солунскаго, ангела донского князя, писанная на гробовой доскѣ великомученика.

Теперь мы перейдемъ на лѣвую сторону иконостаса. Вотъ, подлѣ Владимірской, другая греческая икона—Спасителя; нѣсколько далѣе есть еще ей подобная, принесенная изъ Владиміра великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ при митрополитѣ Варлаамѣ, который написалъ своего ангела св. Варлаама хутынскаго у ногъ Христовыхъ. Тотъ же государь поставилъ здѣсь икону Богоматери Смоленскія Одигитріи, взятую имъ изъ покореннаго Смоленска, но граждане испросили ее обратно, и въ память ея торжественнаго провожанія основанъ монастырь Новодѣвичій *).

---

*) О собраніи Москвою удѣловъ и объ единодержавіи ея государя свидѣтельствовалъ и слѣдующій обычай, существовавшій въ Москвѣ до императора Петра I. Вечеромъ, часовъ въ 8 или 9, когда запирались кремлевскія ворота, сторожевые стрѣльцы начинали перекликаться между собою. Близъ Успен-

Краткая исторія собора. Іоаннъ Калита заложилъ здѣсь каменную церковь по просьбѣ Петра-митрополита, который хотѣлъ, чтобы въ престольной Москвѣ былъ храмъ во имя Успенія Божіей Матери, подобно какъ въ двухъ древнихъ столицахъ, Кіевѣ и Владимірѣ, праздновавшихъ день сей, и самъ заложилъ себѣ гробницу въ стѣнѣ новой церкви. Когда же стала приходить она въ ветхость, при митрополитѣ Филиппѣ I великій князь Іоаннъ III приступилъ къ строенію другого собора на мѣсто ветхаго, но неопытность зодчихъ была причиною паденія его сводовъ. Мудрый государь выписалъ нарочно изъ Италіи искуснаго художника Аристотеля, который соединилъ вкусъ византійскій съ готическимъ и, примѣняясь къ знаменитому Владимірскому собору Боголюбскаго, соорудилъ Успенскій въ такомъ видѣ, въ какомъ существуетъ донынѣ. Но воздвигаемый въ большемъ размѣрѣ, онъ включилъ въ своемъ объемѣ три малыя отдѣленія церкви, которыя замѣнены придѣльными: древнѣйшая Димитрія солунскаго, гдѣ погребенъ братъ Калиты, Георгій московскій; другая на память поклоненія веригъ апостола Петра, нынѣ во имя вер-

---

скаго собора часовой стражъ начиналъ протяжно и громогласно, какъ бы нараспѣвъ, возглашать: *Пресвятая Богородица, спаси насъ!* За нимъ второй, ближайшій, возглашалъ: *Святые московскіе чудотворцы, молите Бога о насъ!* Потомъ 3-й: *Святый Николай чудотворецъ, моли Бога о насъ!* Потомъ 4-й: *Всѣ Святые, молите Бога о насъ!* 5-й: *Славенъ городъ Москва!* 6-й: *Славенъ городъ Кіевъ!* 7-й: *Славенъ городъ Владиміръ!* 8-й: *Славенъ городъ Суздаль!* и такъ поименуютъ Ростовъ, Ярославль, Смоленскъ и другіе города Московскаго государства.

(Примѣчаніе составителя).

ховныхъ апостоловъ, въ сѣверной части алтаря, гдѣ гробъ самого Петра митрополита; третья, основанная святителемъ Іоною ради избавленія отъ нашествія татарскаго, въ похвалу Богоматери, устроена теперь въ одной изъ главъ соборныхъ надъ ризницею. Іоанномъ сооружены и два другіе собора – Архангельскій и Благовѣщенскій, на площади Кремлевской; всѣ три стоятъ, какъ три вѣнца: въ Успенскомъ пріемлютъ цари священное мѵропомазаніе и вѣнецъ Мономаховъ, въ Благовѣщенскомъ ожидалъ ихъ радостный вѣнецъ брачный, въ Архангельскомъ—иной вѣнецъ—смерти, который для нѣкоторыхъ обратился въ сіяніе небеснаго вѣнца.

Исторія вѣнчанія въ соборѣ царей на царство. Если слѣдовать порядку лѣтописному, то должно упомянуть о Василіи Темномъ, ибо до него всѣ великіе князья поставлялись во Владимірѣ. Впрочемъ, этого нельзя называть еще вѣнчаніемъ, а только возведеніемъ на царство и не по чину церковному. Посолъ ханскій посадилъ Темнаго на древнее великокняжское мѣсто, которое стоитъ у южныхъ вратъ собора и слыветъ Мономаховымъ, ибо на деревѣ его довольно грубо вырѣзаны подвиги ратные сего государя. Но память Темнаго не должна смущать посреди настоящаго величія; напротивъ, она придаетъ ему только большій блескъ. Намъ осталось здѣсь и другое, болѣе свѣтлое воспоминаніе о томъ же князѣ Василіи; онъ остановилъ предателя-митрополита Исидора, дерзнувшаго возгласить съ амвона союзъ Флорентинскій и покорность Риму, и спасъ православіе; можетъ-быть, и древній соборъ Успен-

скій не устоялъ и замѣненъ новымъ, чтобы совершенно очиститься отъ измѣны лжепастыря, коей былъ невольнымъ свидѣтелемъ. Здѣсь же рукою дѣда Іоанна III вѣнчанъ отрокъ Дмитрій, заключенный потомъ происками великой княгини Софіи; но первое настоящее вѣнчаніе царское было Іоанна IV, во дни его славы и благоденствія Россіи, когда вмѣстѣ съ вѣнцомъ Мономаха онъ принялъ и титулъ царя; митрополитъ Макарій совершалъ надъ нимъ торжественное вѣнчаніе, которое послужило образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ, но съ присовокупленіемъ священнаго мѵропомазанія; впервые принялъ оное благочестивый сынъ Іоанна, Θеодоръ, и должно предполагать, что сіе важнѣйшее дѣйствіе опущено отцомъ его по невѣдѣнію, ибо самый чинъ вѣнчанія былъ уже позже къ нему присланъ отъ цареградскаго патріарха Іоасафа, вмѣстѣ съ замѣчательною благословенною грамотою, которою признавалъ его царемъ, соборно, со всею восточною Церковію, какъ родственника древнихъ императоровъ греческихъ.

Митрополитъ Филаретъ.

Архангельскій соборъ.

Если Архангельскій соборъ не заключаетъ столько драгоцѣнныхъ иконъ, какъ Успенскій, то содержитъ въ стѣнахъ своихъ множество предметовъ для размышленія. Въ немъ погребены цари и князья русскіе, изъ коихъ многіе, бывъ украшеніемъ трона, содѣлались украшеніемъ отечественныхъ лѣтописей. Не постигаю невольнаго трепета, съ коимъ смотрю я на сіи останки державныхъ владыкъ. Они безмолвствуютъ, но мнѣ представляются краснорѣчивыми; они хладны, покойны, но мнѣ кажутся отдающими отчетъ послѣднему изъ своихъ подданныхъ. Здѣсь, думаю, здѣсь только искренняя слеза признательности и благоговѣнія орошаетъ память ихъ, и отсюда несутъ молитвы за нихъ къ престолу Царя царей.

Но сколь многіе изъ предстоящихъ намъ здѣсь владыкъ земныхъ испытывались духомъ и въ самомъ ихъ величіи; сколь многимъ изъ нихъ предстоялъ выборъ чести, свободы и благосостоянія подданныхъ? Вотъ одинъ изъ сихъ страдальцевъ-героевъ—Михаилъ черниговскій. Свирѣпый Батый повелѣлъ ему преклонить колѣна предъ кумирами своими, или да подвергнется онъ мученической смерти. Михаилъ, свергнувъ съ себя мантію кня-

жескую, сказалъ убійцамъ: „Возьмите славу міра,— хочу небесной“,—и палъ подъ ударами мучителей. Вѣрный бояринъ его Ѳеодоръ, одинъ, съ лицомъ веселымъ, ободрялъ терзаемаго князя, утѣшая его вѣрою, что муки земныя непродолжительны, а награда небесная — безконечна, и воспріялъ ту же участь. Тѣла ихъ, поверженныя на снѣденіе псамъ, были сохранены усердіемъ россіянъ, а Церковь признала святыми великодушнаго князя и вѣрнаго слугу его, которые, не имѣвъ силъ одолѣть монголовъ въ битвѣ, рѣдкою твердостію доказали, по крайней мѣрѣ, чудесную силу христіанства. Императрица Екатерина II, пламенѣвшая любовію къ великимъ характерамъ, соорудила въ 1774 году драгоцѣнную раку, кованную изъ серебра (похищенную гальскими монголами въ XIX вѣкѣ), приказавъ перенести святыя мощи ихъ изъ ветхой церкви, бывшей подъ Тайницкими воротами, которая клонилась къ разрушенію, сперва въ бывшій Срѣтенскій соборъ, а потомъ въ Архангельскій.

Рака благовѣрнаго царевича Димитрія угличскаго находится у праваго столба съ лѣвой стороны, обложена серебромъ. Во время нашествія Наполеона, одна раскольница похитила святыя мощи царевича; по счастію, встрѣтился съ нею соборный дьячокъ: онъ отнялъ изъ рукъ ея добычу и схоронилъ въ Вознесенскомъ монастырѣ на хоры, за иконостасомъ. При смерти своей передалъ онъ тайну сію одному священнику, который объявилъ о томъ преосвященному Августину, тотчасъ же по возвращеніи его въ Москву. Въ гробу державнаго младенца найдены: бѣлый платочекъ, вышитый во-

Архангельскій соборъ.

кругъ серебромъ, кошелекъ съ 14 копейками царя Іоанна Васильевича, серебряный рожочекъ и за поясомъ небольшой ножъ, или ятаганъ. Святый младенецъ сей есть послѣдняя отрасль Рюрикова племени и, вѣроятно, былъ жертвою честолюбія Бориса Годунова, который, симъ злодѣяніемъ очернивъ навсегда высокія доблести души своей, содѣлался вмѣстѣ причиною величайшихъ бѣдствій отечества, терзаемаго въ продолженіе многихъ лѣтъ Дмитріями. Десятилѣтній царевичъ убитъ въ Угличѣ 1591 года. Да покроетъ презрѣніе и мракъ имена гнусныхъ убійцъ его... Мощи перенесены сюда изъ Углича по повелѣнію царя Василія Ивановича Шуйскаго, для прекращенія междоусобій.

У западной стѣны представляется первою гробница великаго князя Іоанна Даниловича Калиты, скончавшагося 1341 г. марта 31. Черезъ три гробницы отъ него покоится прахъ великаго князя Димитрія Іоанновича Донского. Можно ли не остановиться предъ симъ священнымъ для всякаго русскаго именемъ, можно ли не вспомнить о знаменитой Куликовской битвѣ, которая, если не прекратила бѣдствій Россіи, то доказала возрожденіе силъ ея, и въ несомнительной связи дѣйствій съ причинами отдаленными служила основаніемъ успѣховъ Іоанна III, коему судьба назначила совершить дѣло предковъ, менѣе счастливыхъ, но равно великихъ.

Падемъ на колѣна передъ гробницею Іоанна III, основателя Россійской имперіи, коего иностранные лѣтописцы, лѣтописцы державъ непріятельскихъ, каковы: польскій Длугошъ и многіе шведскіе шест-

надцатаго вѣка — согласно называютъ великимъ, о коемъ славный молдавскій воевода Стефанъ говорилъ: „Сватъ мой есть странный человѣкъ: сидитъ дома, веселится, спитъ покойно и торжествуетъ надъ врагами. Я всегда на конѣ и въ полѣ, а не умѣю защитить земли своей“. Въ сихъ немногихъ словахъ изображается лучшій портретъ Іоанна; изображается Іоаннъ монархомъ, имѣющимъ высиренній умъ для государственной науки и умѣющимъ употреблять полководцевъ для побѣдъ, каковы Холмскій, Стрига, Щеня. „Іоаннъ, — продолжаетъ знаменитый историкъ, — разгадавъ тайны самодержавія, сдѣлался какъ бы земнымъ богомъ для россіянъ, которые съ сего времени начали удивлять всѣ народы своею безпредѣльною покорностію волѣ монаршей“. Онъ принадлежитъ къ числу весьма немногихъ государей, избранныхъ Провидѣніемъ рѣшить надолго судьбу народовъ: онъ есть герой не только россійской, но и всемірной исторіи. Наконецъ, одною изъ важнѣйшихъ чертъ Іоанновой мудрости есть соединеніе его съ послѣднею отраслію греческихъ императоровъ и тѣмъ присвоеніе россійскому престолу права на греческое царство. Онъ скончался 27 октября 1505 года, будучи 66 лѣтъ 9 мѣсяцевъ отъ роду, и царствовалъ 43 года 9 мѣсяцевъ.

Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный по собственной волѣ его положенъ въ придѣлѣ. Долго императоръ Іосифъ стоялъ передъ его гробницею въ размышленіи и, наконецъ, спросилъ митрополита Платона: „Отчего гробница Іоаннова одна только покрыта черною пеленою?“ — „Оттого, — отвѣчали

ему,—что Іоаннъ одинъ изъ владыкъ россійскихъ принялъ схиму предъ смертію". Онъ скончался 1584 года 19 марта и въ иночествѣ переименованъ Іоною. Если русскій не можетъ приблизиться къ гробницѣ Іоанновой съ умиленіемъ сердечнымъ, то не можетъ забыть и о славѣ его царствованія, о трехъ царствахъ, имъ пріобрѣтенныхъ, о многихъ учрежденіяхъ, относящихся къ чести его мудрости и къ пользѣ отечества. Мы не можемъ также не заключить по слѣдующимъ словамъ исторіографа: „когда же рѣшительное слово: „Не стало государя!" раздалося въ Кремлѣ, народъ завопилъ громогласно", — чтобы царь сей не былъ и любимъ своимъ народомъ, ибо полагаемъ, что въ дѣлахъ общественныхъ сердце всегда беретъ прежде участіе, чѣмъ разсудокъ.

Приближаясь къ гробницѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго, забудемъ ли, что онъ мужествомъ своимъ избавилъ Россію отъ Лжедимитрія Отрепьева, который одинъ угрожалъ бòльшимъ для отечества нашего бѣдствіемъ, чѣмъ всѣ другіе самозванцы, являвшіеся одинъ послѣ другого въ продолженіе царствованія сего несчастнаго государя, который и самъ былъ, наконецъ, силою постриженъ и увезенъ въ Варшаву, гдѣ скоро кончилъ плачевные дни свои? Тѣло его оставалось 23 года въ Польшѣ, и уже царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, заключивъ 1635 г. мирный трактатъ съ Владиславомъ, посылалъ туда боярина князя Алексѣя Михайловича Львова взять сіи останки и привезти въ Москву.

При имени Михаила Ѳеодоровича россіянинъ ви-

дитъ отечество свое утвердившимся на степени величія и благоденствія, на степени незыблемой, увеличивающейся по мѣрѣ доблестей дома Романовыхъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ царствовалъ 32 года, успокоилъ Россію и проложилъ первую стезю къ просвѣщенію ея.

Недалеко отъ него, позади того же праваго столба, представляется гробница и достойнаго его преемника—царя Алексѣя Михайловича. Онъ скончался 1676 г., генваря 29, царствовавъ 30 лѣтъ. Сей царь-законодатель пріуготовилъ дружины Россіи къ той великой перемѣнѣ и внезапному перевѣсу въ политикѣ Европы, которыя, къ изумленію вселенной какъ бы нѣкіимъ очарованіемъ, привелъ въ дѣйство геній Петра Великаго, геній твердый, непоколебимый въ препятствіяхъ, живой, пламенный къ пользамъ отечества.

Насупротивъ онаго, у лѣваго столба, погребены цари: Ѳеодоръ Алексѣевичъ и Іоаннъ Алексѣевичъ. Первый изъ нихъ вступилъ на престолъ 15-ти лѣтъ отъ рожденія, будучи одаренъ высокими качествами души и сердца, но удрученный изнеможеніемъ тѣлеснымъ. Царствовалъ около семи лѣтъ и въ послѣдніе годы, пріобрѣвъ опытность въ государственныхъ дѣлахъ, показалъ себя достойнымъ царскаго скипетра. Іоаннъ достоинъ уваженія по великодушной уступкѣ вѣнца меньшому брату своему — Петру, находя его способнѣе себя царствовать.

У того же столба положенъ Петръ II, единый изъ Императорской фамиліи въ Москвѣ погребенный. Слѣдующая надпись, на гробницѣ его начер-

танная, удовлетворяетъ совершенно любопытству каждаго:

Благочестивѣйшій
и Самодержавнѣйшій Государь
ПЕТРЪ ВТОРОЙ
Императоръ Всероссійскій,

рожденъ въ лѣто 1715, октября 12, прародительское владѣніе пріемши 1727 года 7 маія, вѣнчанный и помазанный

1728 года, февраля 25 дня,
великихъ благъ чаяніемъ
подданныхъ своихъ
вкратцѣ обнадеживъ,
изволеніемъ Божіимъ
къ вѣчному царствію
преселися
въ лѣто 1730, Іаннуарія 18.

Разсыпася радость сердецъ нашихъ, обратися въ плачъ ликъ нашъ, спаде вѣнецъ съ главы нашея, горе намъ, яко согрѣшихомъ. Плачъ Іереміи, гл. 5.

Имена всѣхъ державныхъ особъ, здѣсь погребенныхъ, означены на особой высеребренной дощечкѣ, прикрѣпленной къ надгробію. Впрочемъ, особенно замѣчательныхъ надписей, или эпитафій, не имѣется; вотъ, однако, нѣкоторыя, кои можно привести для примѣра.

1-я, начертанная на боку гробницы князя Василія Ярославича, преставившагося 1462 года:

Покой Спасе нашъ съ праведными рабы свои, въ селѣхъ избранныхъ Ти, аще бо и согрѣши вся, но не отступиша отъ Тебе.

2-я, на гробницѣ Ярослава Владимiровича Донского, представившагося въ 1426 г.:

Помяни, Господи, яко благъ, рабы свои.

3-я, у великаго князя Дмитрiя Ивановича, скончавшагося въ 1504 г.:

Кая житейская пища пребываетъ печали непричастна? Кая ли слава стоитъ на земли?

4-я, у князя Дмитрiя Ивановича Углицкаго, скончавшагося въ 1521 г.:

Мертвымъ и живымъ Боже умерщвяй смерть и жизнь востанiемъ си всѣмъ подая, Христе, покой рабы своя, ихъ же преставилъ еси.

5-я, на гробницѣ Георгiя Васильевича московскаго, скончавшагося 1562 года:

Иже глубинами мудрости человѣколюбнѣ вся строя, еже на пользу всѣмъ подавая, едине содѣтелю покой Господи души усопшихъ.

Можно замѣтить еще, что здѣсь погребенъ царь казанскiй, названный по крещенiи своемъ Александромъ Сафагиреевичемъ, скончавшiйся въ 1566 году, и царевичъ Петръ, сынъ Ибрагимовъ, умершiй въ 1509 году.

О богатствѣ пеленъ, коими покрывались царскiя и великокняжескiя гробницы, можно получить понятiе изъ того, что царь Алексѣй Михайловичъ за

шубу, коею покрытъ былъ при погребеніи гробъ родителя его, пожаловалъ въ соборъ 3000 руб., да вотчину въ Кашинскомъ уѣздѣ: село Ильинское съ деревнями, въ коихъ находились 1601 душа. Изъ сего видимъ, что Архангельскій соборъ имѣлъ свои вотчины, а для поминовенія по усопшимъ великимъ князьямъ и царямъ, почивающимъ въ немъ, находились особые архіереи съ 1599 года, до половины XVIII вѣка, коихъ 11-ть поименованы въ исторіи россійской іерархіи (ч. I, стр. 251).

Царь Борисъ Годуновъ пожаловалъ архангельскаго архіепископа Арсенія селомъ Завидовымъ; нѣсколько лѣтъ спустя, тѣ вотчины отписаны были въ Приказъ Большого дворца и отданы на пропитаніе нищихъ. Наконецъ, онѣ возвращены Архангельскому собору попрежнему, а протопопъ онаго обязался платить по 300 р. въ годъ нищимъ. Еще въ 1734 г. императрица Анна Ивановна пожаловала грамоту на вотчины сего собора.

Къ любопытнымъ историческимъ достопамятностямъ Архангельскаго собора принадлежитъ воспоминаніе о древнемъ обыкновеніи—класть челобитныя на царскія гробницы. Никто не смѣлъ препятствовать просителю принести сюда свою грамоту, и никто не дерзалъ прочесть ее, кромѣ царя. Въ семъ обычаѣ вижу я нѣчто нравственное, превосходное. Петръ I отмѣнилъ его, вѣроятно, по перенесеніи столицы изъ Москвы въ С.-Петербургъ.

Стѣны и столбы собора внутри, кромѣ образовъ, украшены еще изображеніями царей и великихъ князей, а именно:

На правомъ первомъ столбѣ:

Великихъ князей Ярослава Всеволодовича и Димитрія Всеволодовича и греческаго царя Михаила Палеолога.

На второмъ столбѣ:

Царей Михаила Ѳеодоровича и Алексѣя Михаиловича (оба изображенія на дскахъ иконнымъ письмомъ) и великихъ князей Георгія Всеволодовича и Ярослава Всеволодовича.

На лѣвомъ первомъ столбѣ:

Царей Ѳеодора Алексѣевича (изображенъ на дскѣ иконнымъ письмомъ) и Василія Ивановича и великихъ князей Даніила Александровича и Георгія Даниловича.

На южной стѣнѣ:

Великихъ князей: Іоанна Васильевича, Василія Ивановича, Іоанна Даниловича, Симеона Ивановича, Георгія Васильевича, Ивана Ивановича, Димитрія Ивановича Углицкаго, Василія Дмитріевича, Ивана Ивановича, Димитрія Ивановича, Владиміра Андреевича Донского и Андрея Ивановича.

По западной стѣнѣ:

Великихъ князей: Василія Ивановича, Георгія Дмитріевича, Димитрія Георгіевича, Андрея Дмитріевича, Петра Дмитріевича, Іоанна Васильевича,

Симеона Ивановича Калужскаго и Георгія Васильевича Дмитровскаго.

На стѣнѣ отъ западныхъ дверей:

Великихъ князей: Бориса Васильевича Вологодскаго, Андрея Васильевича Болгарскаго, Іоанна Васильевича Донского, Аѳанасія Даниловича Донского и Димитрія Александровича.

По сѣверной стѣнѣ отъ угла къ иконостасу

Великихъ князей: Іоанна Дмитріевича, Андрея: Ивановича, Георгія Ивановича Дмитровскаго, Андрея Владиміровича Большого, Андрея Васильевича Углицкаго, Петра царевича Ростовскаго и Василія Ярославича.

Иконостасъ въ Архангельскомъ соборѣ въ четыре яруса, полагая въ то число и мѣстные образа, кои почти всѣ покрыты богатыми серебряными вызолоченными ризами, а прежде на нѣкоторыхъ были и золотыя.

Изъ драгоцѣнностей здѣшней ризницы примѣчательнѣйшія суть:

I. Два евангелія: одно печатное на александрійской бумагѣ, обложенное гладкимъ серебромъ. Оно положено сюда вкладомъ отъ царицы Марѳы Матвѣевны, въ поминовеніе супруга ея, царя Ѳеодора Алексѣевича; другое—рукописное; писано уставомъ съ рисованными по золоту и серебру евангелистами и прописными налитыми словами.

II. Два креста: 1-й царя Іоанна Васильевича—серебряный, чеканный. Замѣчателенъ своими укра-

шеніями, въ числѣ коихъ жемчужина, изумрудъ (длиною $^1/_4$ вершка), подобный яхонтъ и два лалла удивляютъ своею огромностью. Позади подпись въ пяти мѣстахъ фряжскими словами. 2-й крестъ посвященъ собору сему царемъ Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ въ поминовеніе родителя его, царя Алексѣя Михаиловича. Онъ золотой, вѣсомъ въ 3 фунта 62 золотника, и украшенъ драгоцѣнными алмазами, изумрудами и кафимскимъ жемчугомъ, также изображеніями черные многихъ святыхъ.

Архангельскій соборъ построенъ въ 1333 году великимъ княземъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою въ возблагодареніе за избавленіе отъ бывшаго въ Москвѣ голода. Въ томъ же году, 20 сентября, освященъ митрополитомъ кіевскимъ Ѳеогностомъ. Въ 1399 г. украшенъ иконописью грекомъ Ѳеофаномъ, а чрезъ два года послѣ сего положенъ въ немъ великій князь, какъ основатель храма сего.

Въ 1505 году, по повелѣнію великаго князя Іоанна Васильевича, первоначальное зданіе сего собора разобрано до основанія, ибо угрожало по ветхости своей разрушеніемъ, а на мѣстѣ онаго тогда же заложенъ новый соборъ. Въ 1508 году онъ былъ оконченъ строеніемъ и освященъ митрополитомъ Самуиломъ, который по указу великаго князя Василія Іоанновича перенесъ въ него останки всѣхъ бывшихъ великихъ князей россійскихъ.

Въ семъ положеніи Архангельскій соборъ оставался до 1772 года, безъ всякой перемѣны; но въ семъ году усердіемъ императрицы Екатерины II онъ возобновленъ и приведенъ въ лучшее цвѣтущее состояніе. Вскорѣ послѣ того съ сѣверной сто-

роны къ стѣнамъ придѣланы контрофорсы по той причинѣ, что при рытьѣ фундамента для дворца, проектированнаго въ Кремлѣ знаменитымъ Баженовымъ, оказалась нѣкоторая опасность для цѣлости сего собора.

Между достопамятными изъ царственныхъ гробницъ Архангельскаго собора есть одна, не принадлежащая царственному имени, но привлекающая къ себѣ благодарное участіе каждаго россіянина, любящаго славу отечества; она стоитъ уединенно въ одномъ изъ придѣловъ Іоанна Предтечи: подъ нею Россія нѣкогда погребла надежду своего благоденствія, юнаго князя Михаила Скопина-Шуйскаго, знаменитаго вождя, сіявшаго доблестями и умомъ въ думѣ государственной, избавителя Москвы отъ поляковъ. Другой его безсмертный памятникъ въ исторіи Карамзина. Тамъ передано потомству изображеніе его въ плѣнительныхъ чертахъ.

Нельзя оставить еще безъ замѣчанія, что во внутренности главнаго алтаря верхъ горняго мѣста украшенъ раковиною, изваянною изъ цѣльнаго камня и позолоченною. Извѣстно, что полукружіе алтарной стѣны съ восточной стороны противъ престола называется по-латыни Testudo или Concha altaris (черепаха).

Архангельскій соборъ имѣетъ пять главъ, ярко вызолоченныхъ снаружи, изъ коихъ средняя 9-ти аршинъ въ поперечникѣ. Высота стѣнъ собора отъ пола до крыши 16 саженъ, длина внутри 17 саженъ и 2 аршина, а ширина 10 саженъ.

(По соч. Свиньина).

Благовѣщенскій соборъ.

Пятьсотъ лѣтъ тому назадъ боголюбивый великій князь московскій Василій Дмитріевичъ, сынъ знаменитаго побѣдителя Мамая, возымѣлъ благочестивое желаніе украсить стольный свой градъ Москву новымъ храмомъ, посвященнымъ имени Пресвятой Богородицы, преславнаго ея Благовѣщенія. Сооруженный храмъ хотя и не отличался большими размѣрами, но по богатству украшеній сталъ въ ряду первыхъ московскихъ храмовъ. Послѣ освященія его въ 1397 году, при митрополитѣ Кипріанѣ, великій князь повелѣлъ лучшимъ тогдашнимъ иконописнымъ мастерамъ, монаху Андроніева монастыря Андрею Рублеву съ товарищами своими по искусству, Ѳеофаномъ гречаниномъ и старцемъ Прохоромъ Городецкимъ, искусно украсить домъ Пресвятыя Богородицы стѣннымъ письмомъ. Кромѣ этого, великій князь надѣлилъ соборъ богатой утварью, священными облаченіями и прочими необходимыми церковными принадлежностями. Соборъ сталъ считаться придворнымъ, или, какъ тогда называли, на великокняжескомъ государевомъ дворѣ, а протопопъ его былъ ближайшимъ лицомъ къ великому князю и личнымъ его духовникомъ. Протопопъ бла-

говѣщенскій, какъ старѣйшій среди бѣлаго духовенства, крестилъ великокняжескихъ дѣтей, сочеталъ ихъ бракомъ и напутствовалъ въ вѣчность. Въ числѣ протопоповъ Благовѣщенскаго собора былъ знаменитый въ лѣтописяхъ русской исторіи совѣтникъ Іоанна Грознаго Сильвестръ.

Имѣя постоянное попеченіе о церкви Благовѣщенія, великій князь, кромѣ внутренняго украшенія ея, позаботился и о наружномъ ея благолѣпіи. Около церкви Благовѣщенія на дворѣ по повелѣнію великаго князя поставлены были башенные большіе часы, которые устроены были въ 1404 году и въ то время приводили въ удивленіе какъ москвичей, такъ и заѣзжихъ гостей. Мастеромъ этихъ первыхъ въ Россіи часовъ былъ нѣкто монахъ Лазарь, родомъ сербинъ, пришедшій съ Аѳона. Они стоили на тогдашнія деньги 150 руб. По описанію историка того времени, „часникъ поставленный вельми пречудный съ движущейся луной, на часникѣ начертано часомѣріе, и на всякъ же часъ дня и нощи ударяя молотомъ о нарочито поставленный колоколъ, не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно размѣряя часы ночные и дневные, все сіе сотворено человѣческою хитростью преизмечтанно и преухищренно". Впослѣдствіи, какъ полагаютъ, эти часы перемѣщены были на Флоровскія (Спасскія) ворота, гдѣ существовали до царствованія Петра I, который выписалъ изъ Амстердама новые и теперь существующіе башенные часы. Въ царствованіе великаго князя Іоанна III Васильевича церковь Благовѣщенія за ветхостью была разобрана и нарочно

Благовѣщенскій соборъ.

выписанными изъ Пскова искусными каменныхъ дѣлъ мастерами вновь заложена, будучи нѣсколько увеличена галлереей, идущей съ трехъ сторонъ храма. Закладка происходила въ 1472 году, а чрезъ пять лѣтъ, 8 августа 1477 года, совершено было митрополитомъ Геронтіемъ торжественное ея освященіе. При великомъ князѣ Василіи Ивановичѣ въ 1508 году всѣ стѣны собора и папертей расписаны были по золотому фону мастеромъ Едикѣевымъ. Въ это же время верхъ собора, т. е. крыша и всѣ девять главъ густо были позлащены, отчего въ народѣ храмъ этотъ сталъ называться „златоверхимъ“, а въ государственныхъ и митрополичьихъ грамотахъ „святою соборною церковью“. Въ 1547 году Благовѣщенскій соборъ пострадалъ отъ пожара, но Іоаннъ Грозный возобновилъ его съ большимъ великолѣпіемъ: сдѣлалъ нѣсколько придѣловъ, позолотилъ крышу и всѣ главы и поставилъ привезенныя изъ Новгорода древняго письма въ богатыхъ золотыхъ и серебряно-вызолоченныхъ ризахъ иконы; стѣнная роспись также была возобновлена. Съ тѣхъ поръ Благовѣщенскій соборъ, какъ и другія кремлевскія церкви, еще не одинъ разъ былъ опустошаемъ пожарами и разграбленіемъ во время непріятельскихъ нашествій, но милосердіемъ Божіимъ и попеченіемъ державныхъ царей онъ съ каждымъ разомъ вновь преукрашался.

Самые трудные годы въ исторіи Благовѣщенскаго собора были во время нашествія поляковъ въ 1612 году и французовъ въ 1812 г. Въ первый разъ, по минованіи лихолѣтія, онъ былъ возобновленъ со вступленіемъ на престолъ Михаила Ѳео-

доровича; во второй разъ — императоромъ Александромъ I. Замѣчательно, что, несмотря на страшное разграбленіе и поруганіе въ отечественную войну 1812 г., въ Благовѣщенскомъ соборѣ остались какимъ-то чудомъ нетронутыми иконы, а на чудотворномъ образѣ Донской Божіей Матери уцѣлѣла и золотая рама въ 12 фунтовъ вѣсу.

Въ настоящее время Благовѣщенскій соборъ невеликъ по размѣрамъ, но самый красивый изо всѣхъ кремлевскихъ церквей; его кровля и девять главъ горятъ золотомъ, стѣны его изобилуютъ священными изображеніями, архитектурныя его украшенія могутъ служить образцомъ для зодчихъ нашихъ дней. Красота его въ главныхъ чертахъ выражается въ совершенствѣ подбора прямыхъ линій и закругленныхъ арокъ. Въ основаніи Благовѣщенскій соборъ имѣетъ видъ правильнаго квадрата съ тремя выходящими на востокъ алтарными полукружіями. Нижнее помѣщеніе, называвшееся въ старину „подклѣтьемъ, служило кладовой для государственной казны и драгоцѣнной утвари; позднѣе въ немъ помѣщались дѣла разряднаго приказа и другіе документы. Надъ подвальнымъ этажомъ возвышается самый храмъ о девяти главахъ; средняя глава выше другихъ, около средней четыре меньшихъ, а затѣмъ по угламъ идутъ еще четыре главы на болѣе тонкихъ шейкахъ. Ниже главъ на большомъ трибунѣ и другихъ шейкахъ идутъ богатыя украшенія въ видѣ подзоровъ, фестоновъ, карнизовъ, фризъ и пр. Изъ главнаго трибуна проходитъ свѣтъ во внутренность собора по узкимъ продолговатымъ окнамъ; такія же

окна имѣются и въ другихъ шейкахъ подъ главами; вся кровля собора построена небольшими сводами. На галлереѣ же кровля обыкновеннаго пологаго типа. Галлерея имѣетъ широкія полукруглыя окна, откуда чрезъ двери проходитъ свѣтъ и во внутренность собора; два широкихъ красныхъ крыльца ведутъ въ соборъ, третій входъ имѣется отъ большого Кремлевскаго дворца, по которому прежніе великіе князья и княгини, цари и царицы проходили изъ своихъ палатъ въ соборъ. Мужчины становились внизу, а женщины—на хорахъ. На хорахъ же или на паперти становился иногда и грозный царь Іоаннъ, когда въ минуту раскаянія онъ не считалъ себя достойнымъ находиться внутри собора. Для повседневнаго входа въ соборъ открытъ входъ съ сѣверо-восточнаго угла. Стѣны паперти расписаны характерными изображеніями ветхозавѣтныхъ пророковъ и древнихъ мудрецовъ языческаго міра, каковыя изображенія и имѣютъ тотъ смыслъ, что предхраміе представляетъ переходную черту отъ древней жизни къ новой, и лучшіе представители древней языческой мудрости сами хотя и не вошли въ храмъ новой благодати, но своею дѣятельностью приготовляли грядущимъ вѣкамъ вхожденіе въ него.

За древними мудрецами идутъ ветхозавѣтные пророки, предсказывавшіе воплощеніе Сына Божія отъ Пречистыя Дѣвы Маріи и наступленіе благодатнаго царства. Изъ нихъ по сложности рисунка и глубинѣ замысла выдается изображеніе пророка Іоны, прообразовавшаго своимъ трехдневнымъ нахожденіемъ во чревѣ кита трехдневное пребываніе

Іисуса Христа во гробѣ и Его воскресеніе. Жаль, что нѣкоторыя изображенія были попорчены неумѣлыми мастерами и нерадивыми наблюдателями, но очень отрадно, что въ послѣдніе годы обратили должное вниманіе на возстановленіе древней живописи и не разъ посчастливилось подъ двумя тремя слоями новаго письма открыть изображенія, относящіяся къ первымъ вѣкамъ постройки собора. Такъ, въ восьмидесятыхъ годахъ текущаго столѣтія открыты подъ толстымъ слоемъ новой живописи древнѣйшія фрески, изображающія сошествіе во адъ Спасителя.

Изъ паперти въ храмъ ведутъ три двери, — съ юга, сѣвера и запада; арки этихъ дверей представляютъ необыкновенное высокохудожественное исполненіе. Не распространяясь подробно объ этихъ аркахъ, скажемъ нѣсколько словъ о западной. Она отдѣляетъ предхраміе отъ самаго храма; предхраміе это составляетъ святыню для всѣхъ благочестивыхъ богомольцевъ Благовѣщенскаго собора. Здѣсь и раннимъ утромъ, и позднимъ вечеромъ, и всегда можно встрѣтить десятки вѣрующихъ православныхъ христіанъ, колѣнопреклоненныхъ передъ образомъ Спасителя, находящимся съ правой стороны арки, надъ образомъ Пресвятой Троицы. Чудотворный образъ Спасителя круглой формы, покрытый дорогимъ окладомъ. Передъ нимъ день и ночь въ подъемномъ большомъ фонарѣ горитъ множество свѣчей.

Третья особо чтимая икона въ описываемомъ предхраміи изображаетъ знаменіе Пресвятыя Богородицы; она находится также подъ сводами, надъ

самой аркой. Икона покрыта также дорогимъ окладомъ, и передъ ней, какъ и передъ иконой Спасителя, постоянно горятъ свѣчи въ подъемномъ большомъ фонарѣ.

Основаніемъ арки служатъ двѣ пары колоннъ, капители которыхъ носятъ характеръ Коринѳскаго ордена. Надъ колоннами положены два высокихъ карниза съ затѣйливою рѣзьбою и окраской; надъ этими же карнизами покоится сводъ, который состоитъ изъ множества разнородныхъ и разнохарактерныхъ по замыслу и исполненію рисунка полуободковъ, зубчатыхъ арочекъ, рѣпьевъ и другихъ мелкихъ и крупныхъ украшеній, составляющихъ въ цѣломъ едва ли не единственное въ Россіи сооруженіе. Самыя двери — створчатыя — состоятъ изъ двухъ рѣшетчатыхъ металлическихъ половинокъ.

При переходѣ изъ предхрамія въ самый храмъ входящій посѣтитель становится на драгоцѣнную яшму и агатъ: помостъ всего храма устланъ этимъ рѣдкимъ въ природѣ камнемъ. Это — даръ персидскаго шаха царю Алексѣю Михаиловичу. Древній пятиярусный иконостасъ храма полонъ священныхъ воспоминаній: здѣсь Донская чудотворная икона Божіей Матери, поднесенная донскими казаками побѣдителю Мамая, великому князю Димитрію Іоанновичу. Въ походѣ Донского икона эта была водружена на древкѣ и, какъ знамя, носилась при войскахъ великаго князя. Святая икона сія прославилась многими чудотвореніями. Въ честь ея благочестивымъ царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ построенъ у Калужской заставы Донской монастырь. На оборотной сторонѣ иконы Донской изображено Успе-

ніе Пресвятыя Богородицы, а на поляхъ лицевой стороны—праматерь Ева и ветхозавѣтныя праведныя жены. Вторая икона, высокочтимая въ соборѣ,—Всемилостиваго Спаса; возсѣдающій на престолѣ Царь Славы изображенъ на ней съ открытымъ Евангеліемъ, на которомъ написано изреченіе: „Не судите, да не судими будете". На поляхъ этой иконы имѣется слѣдующая надпись: „В лѣто міробытія 6845 отъ Рождества Христова в 1337 сія чудотворная Спасителева ікона написана при державѣ Іоанна Даниловича Калиты рукою многогрѣшнаго Михаила, поднесена бысть святому Владыцѣ Моисею, бывшему прежде Архимандриту Юрьева монастыря, что в Новѣ-городѣ, также в 6834 (1326) лѣто отъ святаго Петра митрополита Московскаго великому Нову-граду в Архіепископа рукоположенному". Древнѣйшій золотой окладъ, бывшій на иконѣ, похищенъ солдатами Наполеона: осталось отъ него только три драгоцѣнныхъ камня и золотая гривна. Замѣчателенъ также по письму и замыслу рисунка и храмовой образъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, письма XVI вѣка. Богоматерь изображена съ Предвѣчнымъ Младенцемъ въ персяхъ, окруженная святыми пророками, предвѣщавшими воплощеніе Сына Божія, а также другими святыми и ангелами, прославляющими въ пѣснопѣніи Пресвятую Богородицу. О прежнемъ украшеніи этого образа извѣстно, что окладъ на немъ былъ изъ чистаго золота, вѣсомъ 18 фунт. 35 зол., со множествомъ драгоцѣнныхъ камней. На задней сторонѣ образа есть признаки, свидѣтельствующіе, что икона пострадала при пожарѣ въ 1547 году. Въ самомъ алтарѣ

находится чудотворная икона Пресвятыя Богородицы, именуемая Мироточивая. Икона эта принесена была въ 1368 году изъ Царьграда въ Москву митрополитомъ Пименомъ. Въ этомъ же алтарѣ въ числѣ замѣчательныхъ священныхъ древностей есть два такъ называемые запрестольные корсунскіе креста, вышиной 1 арш. 7 верш., обложенные басменнымъ (тисненымъ) серебромъ, съ изображеніемъ многихъ святыхъ.

По правую сторону собора, въ придѣлѣ святителя Николая Чудотворца, помѣщается богатый ковчегъ съ частями святыхъ мощей. Ковчегъ этотъ сооруженъ въ 1894 году церковнымъ старостой собора купцомъ П. А. Смирновымъ. Стѣны собора, куполы, столбы и прочее,—все это покрыто богатою живописью, возстановленной въ послѣдніе года по древнимъ рисункамъ.

Заканчивая краткое описаніе Благовѣщенскаго собора, слѣдуетъ упомянуть о богатой по цѣнности, древней по времени и священной по воспоминаніямъ ризницѣ. Наиболѣе замѣчательны въ ней слѣдующіе предметы: 11 напрестольныхъ евангелій, изъ нихъ два рукописныхъ—вкладъ царя Іоанна Грознаго 1568 и 1571 годовъ; оба евангелія имѣютъ золотой окладъ, украшенный драгоцѣнными камнями; изъ многихъ сосудовъ выдѣляются потиры для святого причащенія Моисея, архіепископа новгородскаго; они устроены въ 1328 году изъ агата и оправлены въ золоченое серебро съ цѣнными каменьями. Замѣчательны также и хранящіеся здѣсь кресты. Такъ, есть крестъ изъ части животворящаго древа, въ золоченомъ окладѣ, украшен-

ный жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями, при подножіи креста золотая панагія іерусалимскаго патріарха Ѳеофила съ камнемъ отъ гроба Господня. Хранится еще наперсный крестъ русскихъ царей, надѣвавшихъ его при вѣнчаніи и въ торжественныхъ случаяхъ на грудь, сдѣланный изъ части животворящаго древа креста Господня. Крестъ этотъ присланъ былъ греческимъ царемъ великому князю Владиміру Мономаху вмѣстѣ съ короной—шапкой Мономаха. Крестъ украшенъ небольшими алмазами, яхонтами и изумрудами; на оборотной сторонѣ имѣется надпись, свидѣтельствующая о подлинности святыни.

Кромѣ этихъ сокровищъ, здѣсь же хранится драгоцѣнная дарохранительница изъ золота, украшенная рѣдкимъ камнемъ изъ короны императора Павла I. Камень этотъ по-восточному называется лаллъ, что значитъ рубинъ.

Кромѣ поименованныхъ святынь, рѣдкостей, древностей и сокровищъ религіознаго и историческаго значенія, въ Благовѣщенскомъ соборѣ много сохранено и другихъ богослужебныхъ принадлежностей, какъ-то: богатыя водосвятныя чаши, ковши, кадила, напрестольные кресты, священныя облаченія изъ бархата, дорогой парчи, жертвованныя царями и царицами, ризы съ жемчужными украшеніями, жертвованныя императрицей Екатериной II, облаченія и утварь новаго времени и проч. Главный престольный праздникъ собора 25-го марта. Въ старину праздникъ этотъ считался государевымъ, и служба отправляема была въ соборѣ съ особенною торжественностью, при участіи высшаго духовен-

ства. На утрени, по благословеніи хлѣбовъ, патріархъ подавалъ хлѣбъ царю и стопу благословеннаго вина; затѣмъ частицы хлѣба раздавались боярамъ; царицамъ и царевнамъ посылались хлѣбъ и вино съ боярами.

Кромѣ главнаго престольнаго праздника, въ соборѣ помѣщаются придѣлы: Входа Господня во Іерусалимъ, архангела Гавріила, соборъ Пресвятой Богородицы, святого великомученика Георгія, св. Александра Невскаго и святителя Николая.

Къ числу особыхъ обрядовъ въ службѣ собора принадлежатъ: 1) перенесеніе частицъ святыхъ мощей въ Успенскій соборъ, ежегодно совершаемое на Страстной недѣлѣ; по омовеніи частицъ святыхъ мощей, онѣ возвращаются обратно въ Благовѣщенскій соборъ и 2) крестный ходъ ночной, совершаемый изъ Благовѣщенскаго собора въ Успенскій 14-го августа и изъ Успенскаго собора въ Благовѣщенскій въ недѣлю Пасхи въ понедѣльникъ, послѣ утрени.

(И. А. К.).

Колокольня Ивана Великаго.

Высоко надо всею бѣлокаменною Москвою поднимается знаменитая колокольня, называемая въ народѣ „Иваномъ Великимъ“. Это — златоглавый великанъ древней столицы, представляющійся взорамъ путешественника первымъ предметомъ при приближеніи къ Москвѣ. Съ какой бы стороны ни

Иванъ Великій.

приближаться къ Москвѣ, золотая глава Ивана Великаго видна еще издалека, окруженная золотыми же куполами соборовъ, церквей, шпилями дворцовъ и высокихъ остроконечныхъ башенъ. Увидя ее, православные творятъ крестное знаменіе и земно кланяются святынямъ Москвы. Однако, не столько высота колокольни, сколько возвышенное мѣстоположеніе въ срединѣ города, на коемъ она воздвигнута, дѣлаютъ ее столь величественною. То же самое способствуетъ тому, что съ этой колокольни можно обозрѣть Москву на всемъ ея пространствѣ, во всей красотѣ.

Колокольня Ивана Великаго служитъ единственною и общею колокольнею для всѣхъ кремлевскихъ соборовъ. Она имѣетъ въ высоту 38 саженъ и одинъ аршинъ съ половиною. Она построена Годуновымъ въ то время, когда уже голодъ свирѣпствовалъ въ Россіи, и тысячи жители разныхъ областей стекались въ Москву искать пищи трудами рукъ своихъ или просить у царя милости. Такое стеченіе народа обременяло столицу. Борисъ видѣлъ бѣдствіе народа, раздавалъ казну, помогалъ неимущимъ и, наконецъ, дабы занять народъ, рѣшилъ употребить въ пользу праздныя толпы: онъ началъ строить многія зданія въ Кремлѣ и въ числѣ ихъ сію колокольню, извѣстную подъ именемъ Ивана Великаго. Раньше на этомъ самомъ мѣстѣ существовала небольшая церковь во имя Іоанна, списателя лѣствицы, построенная великимъ княземъ Іоанномъ Даниловичемъ Калитою и возобновленная великимъ княземъ Іоанномъ III. Время клонило ее уже къ паденію, и царь Борисъ приказалъ разобрать ее,

но не уничтожилъ, а помѣстилъ ее въ этой выстроенной имъ колокольнѣ въ самомъ низу, гдѣ находится и до нынѣ сей храмъ, подъ названіемъ церкви Іоанна, списателя лѣствицы, подъ колоколами. Отъ этой церкви и все зданіе колокольни именуется Иваномъ Великимъ.

Глава Ивана Великаго вызолочена черезъ огонь червоннымъ золотомъ и содержитъ 5 саженъ и 1 аршинъ высоты. Крестъ на ней деревянный, обитъ мѣдными вызолоченными листами, вышиною въ двѣ сажени и два аршина. На верхней перекладинѣ его вырѣзаны слова: „Царь Славы“. Теперешній крестъ новый, потому что старый снятъ Наполеономъ, которому кто-то сказалъ, что онъ золотой, и что съ потерею Ивановскаго креста настанетъ погибель Россіи. Говорятъ, что никто изъ его инженеровъ и механиковъ не смѣлъ рѣшиться снять крестъ, и что одинъ русскій мужикъ, взобравшись на эту ужасную высоту по одной веревкѣ, съ необыкновенною скоростью и проворствомъ расклепалъ крестъ, снялъ и спустилъ на землю по той же веревкѣ. Наполеонъ, ненавидя предателей, приказалъ тутъ же разстрѣлять измѣнника.

Подъ главою золочеными буквами начертана слѣдующая надпись: „Изволеніемъ Святыя Троицы, повелѣніемъ великаго государя царя и великаго князя Бориса Ѳеодоровича, всея Россіи самодержца, и сына его благовѣрнаго великаго государя цесаревича князя Ѳеодора Борисовича всея Россіи, храмъ совершенъ и позлащенъ во второе лѣто государства ихъ 103 года“ (1600 года).

По лѣвую, сѣверную, сторону колокольни примы-

каетъ къ ней огромное зданіе, оканчивающееся другою, меньшею колокольнею, отличающеюся древнимъ вкусомъ архитектуры. Оно построено было патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ для помѣщенія большихъ колоколовъ: успенскаго, или праздничнаго, воскреснаго, поліелейнаго и будничнаго. Зданіе это взорвано въ 1812 году при побѣгѣ французовъ изъ Москвы. Нынѣшнее—построено въ 1814 году, съ сохраненіемъ по возможности прежней формы, и въ немъ помѣщены тѣ же самые колокола, которые висѣли здѣсь прежде. Въ среднемъ отдѣленіи этой постройки, называемой Филаретовской, находится соборъ Гостунскій во имя святителя и чудотворца Николая, и въ немъ чудотворная икона сего святителя.

Всѣхъ колоколовъ на Иванѣ Великомъ находится 31, но изъ нихъ только 16 колоколовъ употребляются для звона, а остальные висятъ безъ языковъ. Четыре самыхъ большихъ колокола—большой, воскресный, семисотный и реутъ.

1) *Большой* колоколъ, извѣстный еще подъ названіемъ *успенскаго, праздничнаго,* вѣсомъ 4000 пудовъ, самый большой изъ находящихся въ Россіи и самый лучшій по тону и звуку. Въ него звонятъ только въ великіе праздники и въ дни высокоторжественные, — всего не болѣе 12 дней въ году.

Большой успенскій колоколъ первоначально былъ вылитъ въ царствованіе Елизаветы Петровны (въ 1760 году), вѣсомъ въ 3551 пудъ, цеховымъ К. М. Слизовымъ. Въ 1812 году Филаретовская пристройка была взорвана, и большой колоколъ при паденіи разбился. Въ 1817 — 1819 гг. онъ вновь слитъ на

колокольномъ заводѣ М. Богданова девяностолѣтнимъ мастеромъ Яковомъ Завьяловымъ, который былъ работникомъ у Слизова при первомъ литьѣ сего колокола. На самомъ колоколѣ вѣсъ его не обозначенъ. Заказано было сдѣлать его въ 4000 пудовъ, но Богдановъ, какъ передаютъ, по личному усердію, увеличилъ его вѣсъ до 6000 пудовъ. Требовалось большое умѣнье, чтобы поднять такую тяжесть на колокольню, и Богдановъ отлично исполнилъ это дѣло, но не безъ препятствій. Когда все было готово къ поднятію колокола, и въ Москву прибылъ тогдашній митрополитъ Серафимъ, докладываютъ ему стороною, что построенная Богдановымъ каланча для подъема на колокольню Ивана Великаго большого отлитаго имъ колокола не тверда, да и брусья на колокольнѣ не надежны. Наряженные для осмотра колокольни и каланчи чиновники нашли ихъ ненадежными и предлагали построить новыя. Несмотря на это, Богдановъ твердо стоялъ, что каланча имъ построенная достаточна и надежна, отвѣчалъ за прочность ея своею головою и стоялъ въ томъ съ нѣкоторымъ благороднымъ упорствомъ. Однако мудрено было положиться въ столь важномъ дѣлѣ на увѣреніе простолюдина! Къ счастію, опытный городской архитекторъ, уважаемый митрополитомъ, осмотрѣвъ каланчу и перекладины на колокольнѣ, подтвердилъ надежность той и другихъ. Тогда преосвященный митрополитъ рѣшился дать дозволеніе Богданову поднять колоколъ. Въ назначенный день для подъема колокола преосвященный Серафимъ съ нѣкоторыми духовными особами пріѣхалъ въ Успенскій соборъ. Пло-

щадь была покрыта несмѣтнымъ числомъ народа. Вдругъ докладываютъ преосвященному, что Богдановъ, сидя на крыльцѣ, горько плачетъ. Вѣсть сія крайне встревожила его: ему представилось, что подрядчикъ проливаетъ слезы отъ робости или раскаянія; приказываетъ тотъ же часъ позвать его къ себѣ и узнаетъ, что онъ въ отчаяніи оттого, что ему мѣшаютъ. Преосвященный успокоилъ Богданова, освятилъ колоколъ по церковному чиноположенію и благословилъ поднимать его. Колоколъ пошелъ вверхъ очень ходко и ровно, уже былъ на половинѣ высоты, какъ внезапно раздалось по всѣмъ концамъ площади: „Иванъ Великій шатается, каланча падаетъ". Заколебались толпы народныя, подобно морскимъ волнамъ, послышались вопли женщинъ и дѣтей, давимыхъ тѣснотою. Къ счастію, оберъ-полицеймейстеръ А. С. Шульгинъ съ удивительнымъ присутствіемъ духа кинулся въ толпу тѣснящагося народа близъ семи воротовъ, коими поднимался колоколъ, и рѣшительнымъ, увѣрительнымъ голосомъ объявилъ, что это неправда, что это выдумка мошенниковъ. Народъ, увидя своими глазами, что ни Иванъ Великій не шатается, ни каланча не падаетъ, успокоился. Богдановъ во время самой суматохи управлялъ дѣйствіями многихъ воротовъ посредствомъ колокольчика и палочки съ навязаннымъ на ней платкомъ. Не отходя самъ отъ колокола, онъ умѣлъ удержать работниковъ на своихъ мѣстахъ и примѣрною расторопностію отвратилъ большую бѣду. Во избѣжаніе новыхъ безпорядковъ и давки, которые могли опять произвести тѣ же мошенники, преосвященный митрополитъ

приказалъ остановить поднятіе колокола и объявить, что онъ будетъ поднятъ завтра поутру. Но какъ только толпы разошлись, колоколъ былъ поднятъ въ тотъ же вечеръ благополучно и на другой день утвержденъ какъ должно на перекладинахъ, къ которымъ прибавлено нѣсколько новыхъ брусьевъ.

Въ день поднятія колокола преосвященный митрополитъ пригласилъ Михаила Гавриловича Богданова къ столу своему, къ которому онъ и послѣ былъ приглашаемъ. Никакія награды за трудъ не могли утѣшить Богданова. Онъ плакалъ отъ умиленія, отъ благодарности, онъ торжествовалъ: услуги его признаны начальствомъ.

— Ну, если бъ я не согласился позволить тебѣ поднять колоколъ и представилъ бы то на разрѣшеніе въ Петербургъ, — спросилъ его преосвященный Серафимъ,—что бы ты сдѣлалъ?

— Я уже рѣшился, — отвѣчалъ Богдановъ: — я бы ночью привезъ колоколъ и поднялъ его потихоньку своими работниками, а тамъ бы воля вашего высокопреосвященства наказать меня.

Разсказываютъ, что когда еще устроилъ Богдановъ склепы для поднятія колокола изъ ямы, по отливкѣ его, то приходилъ на заводъ извѣстный иностранный механикъ и, изъ сожалѣнія къ неученому русскому литейщику, доказывалъ ему невозможность поднять такую тяжесть на ненадежныя будто бы перекладины. „*Приходи завтра звонить въ колоколъ!*“ — былъ отвѣтъ Богданова; и подлинно, на другой день онъ уже висѣлъ на нихъ и оставался до самаго поднятія на колокольню. Такъ про-

стой русскій механикъ удивилъ искусствомъ своимъ самихъ иностранцевъ.

Говорятъ, что Богдановъ, вложившій въ этотъ колоколъ все свое состояніе, до конца жизни своей питалъ какъ бы отеческую привязанность къ своему произведенію: часто, особенно въ дни благовѣста въ большой колоколъ, приходилъ онъ на Ивановскую колокольню, подолгу сиживалъ передъ своимъ излюбленнымъ дѣтищемъ, любовно глядѣлъ на него и нерѣдко о чемъ-то проливалъ слезы.

По сторонамъ большаго успенскаго колокола висятъ еще три:

2) *Воскресный,* вѣсомъ 1017 пудовъ 14 фунтовъ, перелитъ въ 1782 году мастеромъ Яковомъ Завьяловымъ изъ колокола царя Алексѣя Михаиловича, вѣсившаго 998 пудовъ 30 фунтовъ.

3) *Семисотный,* нынѣ поліелейный, вѣсомъ 798 пудовъ; отлитъ въ царствованіе императора Петра I (1704 г,) мастеромъ Иваномъ Маторинымъ.

4) *Реутъ,* бывшій воскресный, вѣсомъ около 2000 пудовъ, отлитъ по указу царя Михаила Ѳеодоровича (1622 г.) пушечнымъ мастеромъ Андреемъ Чеховымъ. Колоколъ этотъ отличается необыкновенною толщиною краевъ и особою формою. При взрывѣ французами (1812 г.) Филаретовской пристройки, онъ упалъ, и отъ него отбились уши; но ихъ потомъ такъ искусно придѣлали, что колоколъ оставался въ дѣйствіи и даже не измѣнился въ тонѣ. Во время молебна при восшествіи на престолъ въ Бозѣ почившаго государя императора Александра II Николаевича (1855 г.), реутъ упалъ въ самый низъ, пробилъ три каменныхъ и два де-

ревянныхъ свода и зашибъ до смерти болѣе 10 человѣкъ. Но и послѣ этого его опять помѣстили на свое мѣсто и продолжали звонить.

На самой Ивановской колокольнѣ колокола размѣщены въ трехъ ярусахъ. Въ нижнемъ ярусѣ находятся слѣдующіе колокола:

5) Медвѣдь, вседневный, вѣсомъ 441 п., 1775 года.

6) Лебедь, 450 пудовъ, 1775 года.

7) Новгородскій, 420 пудовъ, отлитъ въ Новгородѣ для Софійскаго собора и перелитъ въ Москвѣ въ 1730 году.

8) Широкій, 300 пудовъ, 1679 года.

9) Слободской, 309 пудовъ, 1641 года.

10) Ростовскій, 200 пудовъ, отлитъ (1687 г.) въ Бѣлогостинскій монастырь, близъ Ростова.

Во второмъ ярусѣ находится 13 колоколовъ, между ними: новый, 200 пудовъ, 1679 года; даниловскій, отлитый въ 1678 году въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ въ Свято-Троицкій Даниловъ монастырь; нѣмчинъ, съ иностранной надписью; глуховъ, 100 пудовъ, 1621 года; корсунскій или татаринъ, 40 пудовъ, 1559 года; валовые, или переборные, и другіе.

Въ верхнемъ ярусѣ находятся 8 колоколовъ, безъ языковъ; обращаютъ вниманіе два корсунскихъ, зазвонныхъ; бѣловатый цвѣтъ ихъ и чистый звукъ заставляютъ полагать, что они вылиты изъ серебра.

Когда Москва была средоточіемъ царской и святительской власти, тогда существовалъ особый уставъ благовѣста и звона на Ивановской колокольнѣ, подробно примѣненный ко временамъ года, къ различію дней праздничныхъ и къ разнымъ случаямъ

церковной и государственной жизни. Благовѣстили и звонили въ большой, въ старый успенскій, въ реутъ, съ реутомъ, безъ реута, съ валовыми, безъ валовыхъ, съ зазвонными, съ переборами, въ сполохъ, въ три колокола прибойныхъ и т. п. Выборъ колоколовъ, время благовѣста, порядокъ звона каждый разъ опредѣлялись волею патріарха, который въ данныхъ случаяхъ сообразовался съ требованіями церковнаго устава, временемъ года, важностью празднуемаго событія и съ различными обстоятельствами церковно-общественной и придворной жизни. Успенскіе ключари обязаны были каждый разъ являться къ патріарху за распоряженіемъ о благовѣстѣ и звонѣ. Нынѣ дѣйствующій уставъ о времени и порядкѣ благовѣста и звона на Ивановской колокольнѣ составленъ въ половинѣ прошлаго столѣтія. Въ прежнее время и во всѣхъ московскихъ храмахъ обязаны были слѣдовать этому уставу, причемъ запрещалось начинать благовѣстъ ранѣе Ивановской колокольни. Нынѣ послѣднее строго соблюдается въ отношеніи къ первому дню св. Пасхи: вмѣняется въ непремѣнную обязанность нигдѣ не начинать благовѣста къ Свѣтлой заутренѣ ранѣе Ивана Великаго, а начинать благовѣстить по второмъ ударѣ большаго колокола на Ивановской колокольнѣ.

Несмотря на то, что многіе колокола остаются безъ употребленія, по неимѣнію при нихъ языковъ и по недостатку звонарей, звонъ на Ивановской колокольнѣ „во вся тяжкая“ бываетъ высокоторжественъ и глубоко умилителенъ. Переливы звуковъ совершаются только на меньшихъ, валовыхъ

колоколахъ, на каждомъ же изъ прочихъ удары производятся равномѣрно въ оба края, при чемъ каждый звонарь знаетъ только себя самого и свой колоколъ, но въ общемъ выходитъ нѣчто величественно - важное и безподобное. Но всѣхъ величественнѣе и торжественнѣе звонъ на Свѣтлое Христово Воскресеніе.

Посреди таинственной тишины сей многоглагольной ночи внезапно съ высоты Ивана Великаго, будто изъ глубины неба, раздается первый звукъ благовѣста,—вѣщій, какъ бы зовъ архангельской трубы, возглашающей общее воскресеніе; но теперь она возвѣщаетъ только возстаніе одного Божественнаго Мертвеца, Который попралъ смертію смерть. И вотъ при первомъ знакѣ, данномъ изъ Кремля, мгновенно слышатся тысячи послушныхъ ему колоколовъ, и мѣдный ревъ ихъ наполняетъ воздухъ, плавая надъ всею столицей, она объята симъ торжественнымъ звономъ, какъ бы нѣкою ей только свойственною атмосферою, проникнутою священнымъ трепетомъ потрясаемой мѣди и радостью благовѣствуемаго торжества. Слышитъ ухо и не можетъ насытиться сею дивною гармоніею будто бы иного надоблачнаго міра.

(По соч. пресв. Истомина и др.).

Кремлевская заутреня на Пасху.

Въ безмолвіи, подъ ризою ночною,
Москва ждала, и часъ святой насталъ:
И мощный звонъ промчался надъ землею,
И воздухъ весь, гудя, затрепеталъ.
Пѣвучіе серебряные громы
Сказали вѣсть святого торжества,
И, слыша гласъ, ея душѣ знакомый,
Подвиглася великая Москва.
Все тотъ же онъ: ни нашего волненья,
Ни мелочно-торжественныхъ заботъ
Не знаетъ онъ, и, вѣстникъ искупленья,
Онъ съ высоты намъ пѣснь одну поетъ,
Побѣды пѣснь, пѣснь конченнаго плѣна!
Мы слушаемъ; но какъ внимаемъ мы?
Сгибаются ль упрямыя колѣна?
Смиряются ль кичливые умы?
Откроемъ ли радушныя объятья
Для страждущихъ, для меньшей братьи всей?
Хоть вспомнимъ ли, что это слово—братья—
Всѣхъ словъ земныхъ дороже и святѣй?

А. Хомяковъ.

Царь-колоколъ.

Подлѣ Ивана Великаго, на гранитномъ пьедесталѣ, стоитъ величайшій въ свѣтѣ колоколъ, который величиною и вѣсомъ далеко превзошелъ всѣ существовавшіе и существующіе колокола. Вѣсомъ онъ 12.327 пудовъ, вышина его 19 футовъ и 3 дюйма, окружность его 60 футовъ и 9 дюймовъ, толщина стѣнъ его до 2 футовъ. Вверху царь-колоколъ оканчивается шаромъ съ равноконечнымъ крестомъ, устроеннымъ по поставленіи колокола на настоящее мѣсто. На верхней части колокола вылиты поясныя изображенія Спасителя, Богоматери, Предтечи, апостола Петра и Анны пророчицы. Средина колокола занята двумя изображеніями въ ростъ царя Алексѣя Михаиловича и императрицы Анны Іоанновны и двумя надписями объ отлитіи колокола въ ихъ царствованія. Съ южной стороны къ пьедесталу приставленъ отбившійся отъ колокола край, величиною по окружности 8 футовъ, высотою 7 футовъ, а вѣсомъ въ 700 пудовъ. Подъ колоколомъ находится языкъ 17 футовъ длины, который принадлежитъ другому колоколу, такъ какъ для царя-колокола онъ малъ.

Начался царь-колоколъ съ большого колокола, отлитаго при царѣ Борисѣ Ѳеодоровичѣ Годуновѣ

въ 1.086 пудовъ. Во время одного пожара онъ упалъ и разбился. При царѣ Алексіи Михаиловичѣ къ Годуновскому колоколу прибавили мѣди и отлили (1654 г.) новый громадный колоколъ въ 8000 пудовъ. Онъ висѣлъ на Филаретовской пристройкѣ и тоже во время пожара упалъ и разбился. При императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ (въ 1735 г.) къ нему еще прибавили мѣди, и колокольный мастеръ Маторинъ на Ивановской площади благополучно отлилъ настоящій царь-колоколъ вѣсомъ въ 12.327 пудовъ. Но колокола почему-то изъ ямы тогда не вынули. Въ 1737 году, во время страшнаго троицкаго пожара, вспыхнула деревянная постройка надъ колокольною ямой. Съ трескомъ повалились въ яму горящія бревна и уголья. Сбѣжавшійся народъ и дворцовые служители, чтобы колоколъ не расплавился, стали поливать водою раскаленную мѣдь. Огонь потушили, но царь-колоколъ испортили: одинъ край его треснулъ отъ холодной воды и отвалился. Съ тѣхъ поръ царь-колоколъ сто лѣтъ находился въ землѣ. При императорѣ Николаѣ I Павловичѣ, подъ руководствомъ архитектора Монферрана, онъ былъ вынутъ изъ земли и поставленъ на настоящее мѣсто.

(По соч. пресв. Истомина и др.).

Царь-Колоколъ.

Царь-пушка.

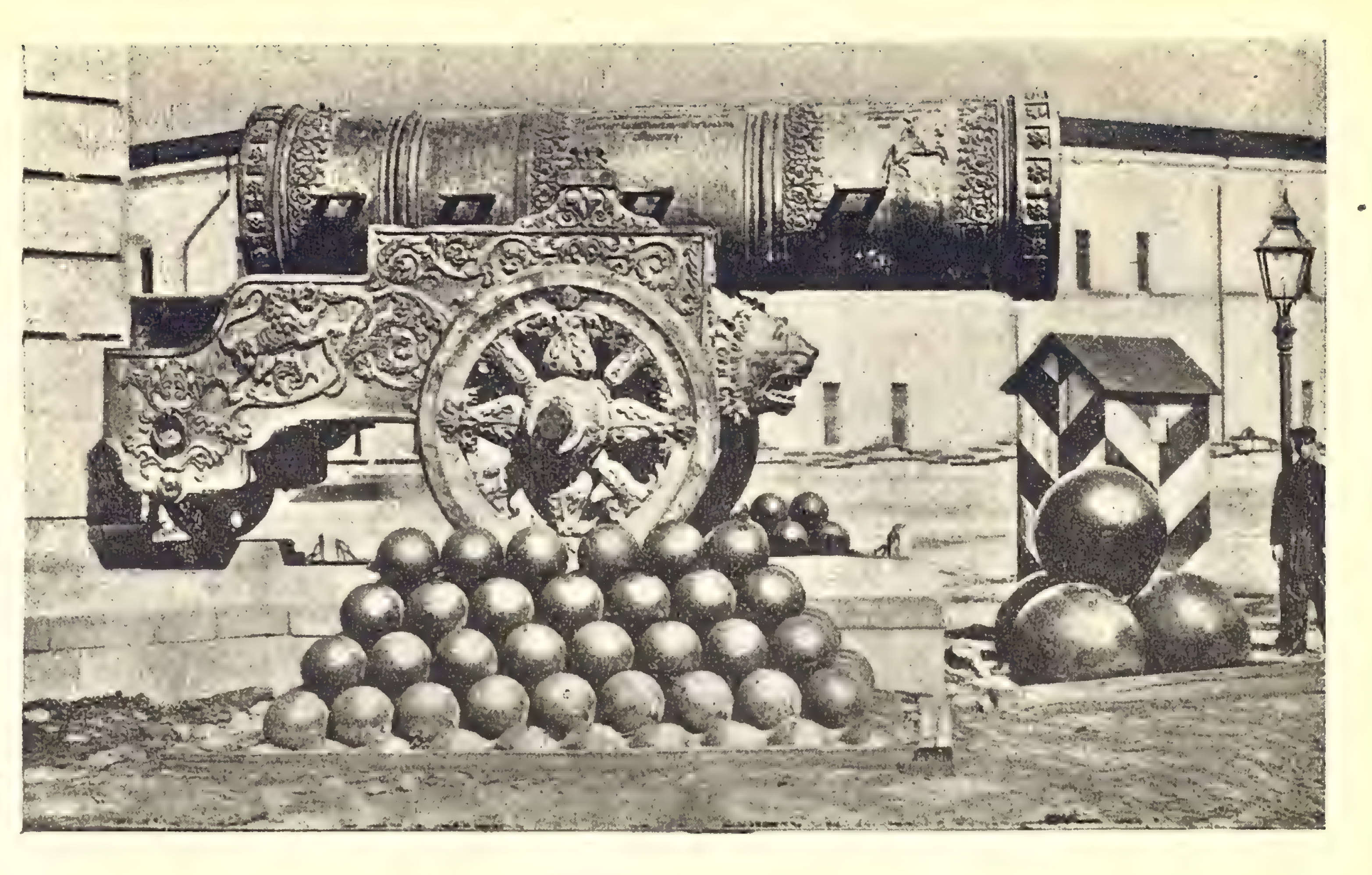
Поодаль отъ царя-колокола, на сѣверномъ концѣ Ивановской площади, стоитъ другой кремлевскій великанъ—царь пушка. Вылита она при царѣ Θеодорѣ Іоанновичѣ, въ 1586 году, русскимъ мастеромъ Андреемъ Чоховымъ. Вѣсу въ ней 2.400 пудовъ. Около нея лежатъ огромныя ядра, но изъ нея никогда ни стрѣляли. Говорятъ, чтобы зарядить царь-пушку, нужно болѣе 30 пудовъ пороху. Царь-пушка называется еще дробовикомъ россійскимъ.

По лѣвую сторону дробовика, на гранитномъ возвышеніи передъ казармами, стоятъ для украшенія Кремля другія огромныя пушки. Нѣкоторыя изъ нихъ вылиты еще при царяхъ Алексіи Михаиловичѣ, Θеодорѣ Іоанновичѣ. Эти пушки имѣютъ особыя названія: аспидъ, троиль, онагръ, единорогъ и др.

Всѣ эти пушки замѣчательны не только по величинѣ своей, но и по красотѣ и чистотѣ отдѣлки. У жерла царя-пушки находится конное изображеніе царя Θеодора Іоанновича. Царь сидитъ верхомъ въ полномъ царскомъ нарядѣ, со скипетромъ въ рукѣ и съ вѣнцомъ вокругъ головы.

И около другихъ пушекъ лежатъ приготовленныя для нихъ ядра, но и изъ нихъ никогда не стрѣляли.

(Тоже).



Царь-пушка.

Чудовъ монастырь.

Московскій, именуемый каѳедральнымъ, Чудовъ монастырь былъ основанъ святителемъ Алексіемъ митрополитомъ въ 1365 году.

Святой Алексій митрополитъ родился около 1293 года, отъ благочестивыхъ родителей, черниговскихъ бояръ, по имени Ѳеодора и Маріи. Во св. крещеніи онъ нареченъ былъ Елевферіемъ. Въ отрочествѣ Елевферій занимался обычною въ дѣтскомъ возрастѣ ловлею птицъ. Разъ онъ на этой ловлѣ заснулъ и во снѣ услышалъ голосъ: „Алексіе! что всуе трудишься, отнынѣ будеши человѣки ловящъ“. Пробудившись отъ сна, Елевферій никого не видѣлъ передъ собою. Съ этого времени онъ пребывалъ въ дому отца своего, недоумѣвая о слышанномъ гласѣ, скрывъ его отъ своихъ родителей. Когда минуло Елевферію 15 лѣтъ, онъ пожелалъ вступить въ иноческую жизнь. Съ этою цѣлію онъ пришелъ въ монастырь св. Богоявленія (въ Москвѣ) и, съ благословенія настоятеля, принялъ образъ иноческій, подъ именемъ Алексія. Съ этого времени онъ началъ вести строгую иноческую жизнь, упражняясь въ постѣ, молитвѣ и чтеніи божественныхъ книгъ.

Въ то время на каѳедрѣ россійской митрополіи былъ Ѳеогностъ. Любя духовныхъ старцевъ и по-

Чудовъ монастырь.

движниковъ, онъ полюбилъ и строгаго по жизни инока Алексія. Высокая добродѣтельная жизнь его и высокое по тому времени образованіе скоро обратили на него вниманіе митрополита, который сдѣлалъ Алексія намѣстникомъ своего митрополичьяго дома и возложилъ на него управленіе судами церковными. Впослѣдствіи онъ возвелъ его на каѳедру епископскую во Владимірѣ.

По смерти митрополита Ѳеогноста, великій князь Симеонъ Ивановичъ и соборъ русскихъ святителей опредѣлили поставить на мѣсто Ѳеогноста митрополитомъ епископа Алексія; вслѣдствіе сего онъ посланъ былъ въ Константинополь, гдѣ и получилъ санъ святительскій отъ бывшаго тогда патріарха Филоѳея. Возвращаясь въ Россію и плывя моремъ, Алексій подвергся опасности отъ сильной бури, такъ что корабль, на которомъ онъ плылъ, былъ въ опасности потонуть. Съ пламенною молитвою Алексій обратился къ Богу и далъ обѣтъ: если въ тотъ день Господь спасетъ его отъ погибели, то онъ воздвигнетъ храмъ. По Божіему усмотрѣнію, буря утихла; св. Алексій и всѣ плывшіе съ нимъ были спасены, и онъ въ санѣ митрополита благополучно прибылъ въ Россію 16 августа 1354 года.

Чрезъ нѣсколько времени по прибытіи изъ Константинополя въ Москву, св. Алексій призванъ былъ въ Орду для исцѣленія больной супруги татарскаго хана Чанибека Тайдулы. Страдая глазною болѣзнію, она нигдѣ не могла найти исцѣленія. Услышавши о святой жизни и чудесахъ св. Алексія, Тайдула обратилась къ нему за помощію, дабы молитвами

его Господь исцѣлилъ ея болѣзнь. Съ твердою вѣрою въ помощь Божію, св. Алексій отправился въ Орду къ больной царицѣ. Пришедши къ страждущей, онъ благословилъ ее, и, по вѣрѣ, царица тотчасъ получила исцѣленіе.

Прошло немного времени, св. Алексій не успѣлъ еще успокоиться, какъ опять долженъ былъ идти въ Орду. По смерти татарскаго хана Чанибека, сынъ его Бердибекъ занялъ его мѣсто. Онъ отличался жестокостію и необузданнымъ нравомъ; все трепетало въ его царствѣ. Онъ вознамѣрился вторгнуться съ огнемъ и мечомъ въ Россію. Услышавши объ этомъ, великій князь Іоаннъ Іоанновичъ упросилъ св. Алексія снова идти въ Орду, дабы умиротворить хана Бердибека. Благочестивый и кроткій Алексій показалъ и здѣсь великіе подвиги своей пастырской ревности: онъ успѣлъ смягчить гнѣвъ и гордость Бердибека и благополучно прибылъ въ Россію. Радостно было его возвращеніе для всего русскаго народа. Самъ великій князь съ сыномъ своимъ Димитріемъ и безчисленное множество народа торжественно встрѣтили митрополита съ крестнымъ ходомъ. Всѣ благодарили Бога, давшаго благодать Свою угоднику Алексію.

Во время путешествій въ Орду св. Алексій неоднократно испрашивалъ отъ татарскаго хана благоволеніе и милость для Церкви и государства. Яснымъ доказательствомъ этого служатъ хранящіяся въ патріаршей ризницѣ грамоты и перстень, подаренный ему ханомъ Чанибекомъ. Этотъ подарокъ имѣлъ большое значеніе для святителя, такъ какъ служилъ печатью татарскаго хана, которую онъ

прикладывалъ къ грамотамъ. Говорятъ, что вслѣдствіе полученія этого перстня, или печати, на коей изображенъ драконъ — гербъ татарскій, св. Алексій получилъ отъ хана право на избраніе мѣста для построенія Чудова монастыря.

Спустя нѣсколько времени послѣ второго путешествія въ Орду, гдѣ св. Алексій оказалъ необыкновенные подвиги пастырской дѣятельности, онъ началъ заниматься устройствомъ монастырей. Вспоминая обѣтъ свой Богу, когда избавленъ былъ отъ потопленія въ морѣ, онъ возымѣлъ желаніе основать монастырь. Но, прежде чѣмъ приступить къ исполненію своего намѣренія, онъ отправился за совѣтомъ къ преподобному Сергію, славившемуся въ то время духовною жизнью. Получивши отъ него согласіе и въ помощь одного изъ учениковъ его, по имени Андроника, митрополитъ пришелъ въ Москву и началъ строить близь рѣки Яузы монастырь, во имя Нерукотвореннаго образа Спасителя, и здѣсь поставилъ образъ Спасовъ, который принесъ съ собою изъ Константинополя. Это было въ 1360 году.

Спустя немного времени, св. Алексій устроилъ и нѣкоторые другіе монастыри, какъ-то: Владычній въ Серпуховѣ, Благовѣщенскій въ Нижнемъ-Новгородѣ и Цареконстантиновскій во Владимірѣ. За нѣсколько лѣтъ до своего преставленія, св. Алексій воздвигнулъ въ 1365 году монастырь во имя чуда архистратига Михаила, съ придѣломъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы. Въ этомъ монастырѣ онъ приготовилъ себѣ и гробъ, въ которомъ завѣщалъ положить себя по смерти, написалъ завѣщаніе и

вручилъ монастырь самому великому князю Дмитрію Іоанновичу, призвалъ къ себѣ преподобнаго Сергія и далъ ему золотой крестъ съ парамандомъ. Преподобный долго отказывался, говоря, что „отъ юности моея не былъ я златоносцемъ, и въ старости хощу въ нищетѣ пребывати"; но св. Алексій принудилъ его принять крестъ и парамандъ. „Исполни, чадо, послушаніе", говорилъ святитель и своими руками возложилъ крестъ на преподобнаго Сергія. Послѣ этого онъ началъ говорить, что приближается конецъ его жизни и что онъ желаетъ избрать преемникомъ себѣ преподобнаго Сергія, какъ достойнаго по жизни пастыря. Сергій, отказываясь отъ сего предложенія, говорилъ: „Прости меня, владыко святый, выше мѣры моея есть сіе". Блаженный Алексій, видя непреклонность Сергія, отпустилъ его въ прежнюю обитель.

Предчувствуя конецъ своей жизни, святитель Алексій, будучи въ глубокой старости, далъ знать объ этомъ великому князю Дмитрію Іоанновичу. Совершивши божественную литургію и причастившись св. Христовыхъ таинъ, онъ всѣмъ окружавшимъ его преподалъ миръ и благословеніе, послѣ того началъ читать отходную молитву, но, не успѣвъ еще окончить ее, мирно скончался на 85 году своей жизни, 12 февраля 1378 года.

Мѣсто, гдѣ теперь находится Чудовъ монастырь, говорятъ, было нѣкогда дворомъ ханскихъ пословъ, въ которомъ жили пріѣзжавшіе на Русь послы хановъ. Пользуясь милостію хана, пріобрѣтенною исцѣленіемъ его жены, св. Алексій избралъ это мѣсто для своего монастыря и устроилъ церковь во имя

чуда архистратига Михаила. Спустя около 60-ти лѣтъ по смерти св. Алексія, верхъ церкви обрушился, но алтарь остался невредимымъ, такъ что священнослужители, совершавшіе божественную литургію, были спасены. Когда копали ровъ для новаго каменнаго зданія, на южной сторонѣ полуразрушившагося храма были обрѣтены нетлѣнныя мощи святителя Алексія.

Настоящимъ своимъ устройствомъ и благолѣпіемъ церковь чуда архистратига Михаила обязана митрополиту Платону. При немъ она была возобновлена, и внутренность ея расписана изображеніями чудесъ архистратига и нѣкоторыми событіями изъ священной исторіи. Иконостасъ этой церкви устроенъ по подобію иконостаса Успенскаго собора. Въ южной сторонѣ алтаря сохранилось и мѣсто, гдѣ обрѣтены нетлѣнныя мощи святителя Алексія.

Въ 1686 году придѣлъ Благовѣщенія, находившійся при храмѣ чуда архистратига Михаила, перенесенъ былъ въ новую церковь, сооруженную впослѣдствіи патріахомъ Адріаномъ въ честь святителя Алексія митрополита. Когда сооружена была церковь св. Алексія, то и мощи его перенесены были изъ Архангельской въ новоустроенную. Сами благочестивѣйшіе цари Іоаннъ и Петръ и царевна Софія переносили мощи святителя Алексія, торжественно, съ крестнымъ ходомъ, и поставили на мѣстѣ, гдѣ онѣ почиваютъ и донынѣ. По лѣвую сторону мощей его, въ кіотѣ, за стекломъ, хранится драгоцѣнное его облаченіе, въ коемъ онъ былъ погребенъ, а въ ризницѣ находится драгоцѣнное Евангеліе, писанное, по преданію, самимъ святителемъ.

Кромѣ церквей Архангельской, Благовѣщенской и Алексіевской, къ Чудову монастырю принадлежала нѣкогда церковь апостоловъ Петра и Павла, находящаяся въ прежде бывшемъ архіерейскомъ домѣ, а нынѣ въ Императорскомъ Николаевскомъ дворцѣ.

Какъ Спасскій монастырь былъ въ древности великокняжескимъ, такъ Чудовъ—митрополичьимъ. При немъ было кладбище, на которомъ погребались россійскіе первосвятители и знаменитые бояре. Здѣсь погребены митрополиты: Ѳеодосій, Симонъ и Аѳанасій и знаменитый патріархъ Гермогенъ, который въ этомъ монастырѣ мученически окончилъ жизнь свою (и былъ потомъ перенесенъ въ Успенскій соборъ), Епифаній Славинецкій, ученый мужъ XVII вѣка. Здѣсь погребенъ блаженный и Христа ради юродивый Тимоѳей, котораго портретъ хранится въ митрополичьихъ покояхъ. На его надгробіи можно прочитать слѣдующую надпись: „1731 года, мая въ 29 день, при державѣ благочестивѣйшія и великія государыни нашея, императрицы Анны Іоанновны, самодержицы всея Россіи, представися рабъ Божій Тимоѳей, Архиповъ сынъ, который, оставя иконописное художество, юродствовалъ міру, а не себѣ, а жилъ при дворѣ матери ея императорскаго величества, государыни императрицы, благочестивѣйшія государыни, царицы и великія княгини Параскевы Ѳеодоровны, двадцать осьмь лѣтъ, а погребенъ въ 30 день мая“. Говорятъ, Тимоѳей, когда видалъ царевну Анну у царицы Параскевы Ѳеодоровны, то повторялъ слова: „донъ, донъ, царь Иванъ Васильевичъ!“ По вступленіи своемъ на

престолъ, Анна Ивановна вспоминала это предсказаніе и не рѣдко ѣздила въ Чудовъ монастырь служить панихиды надъ могилою блаженнаго Тимоѳея. На южной стѣнѣ церкви, надъ гробовою его доской съ надписью, видно живописное изображеніе старца, лежащаго во гробѣ, и предъ нимъ монаха, который указываетъ на него предстоящей женѣ.

Чудовъ монастырь служитъ болѣе пяти столѣтій убѣжищемъ иноческой жизни; изъ него выходили достойные пастыри Церкви. Во время патріарховъ всероссійскихъ Чудовъ монастырь назывался лаврою и служилъ разсадникомъ духовнаго просвѣщенія. Въ 1506 году, когда вызванъ былъ великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ ученый грекъ Максимъ для разбора рукописей царской библіотеки, онъ былъ помѣщенъ въ Чудовомъ монастырѣ. Во время патріарха Филарета Никитича въ этомъ монастырѣ заведена была школа, называвшаяся патріаршею, потому что состояла подъ вѣдѣніемъ самого патріарха; первымъ учителемъ въ ней былъ грекъ Арсеній. Упражняясь въ духовной жизни, иноки Чудова монастыря занимались изученіемъ греческаго и латинскаго языковъ и переводили книги на русскій языкъ. Между другими занятіями иноковъ этого монастыря было и исправленіе церковныхъ книгъ по греческимъ подлинникамъ. Главнымъ образомъ въ этомъ дѣлѣ трудились Арсеній грекъ и потомъ Епифаній Славинецкій.

Чудовъ монастырь былъ мѣстомъ успокоенія для оставляющихъ паству святителей. Такъ, напр., сюда уединился всероссійскій митрополитъ Ѳеодосій въ келію простого монаха и принялъ къ себѣ одного

прокаженнаго, котораго покоилъ и омывалъ раны до самой его смерти; здѣсь, въ иноческихъ подвигахъ, провождали послѣдніе дни свои всероссійскіе митрополиты Симонъ и Аѳанасій, также и новгородскій архіепископъ Геннадій.

Чудовъ монастырь отличался отъ другихъ монастырей особыми обычаями, которые утвердилъ впослѣдствіи патріархъ Адріанъ. Дабы иноки сей обители болѣе прилежали безмолвію, онъ установилъ въ понедѣльникъ, среду и пятокъ запирать ворота обители; а для того, чтобы иноки болѣе заботились о своемъ спасеніи и богомысліи, въ особенности во время богослуженія, устроилъ особые входы въ церковь: для мужчинъ — въ Алексіевскую, а для женщинъ—въ Благовѣщенскую, какъ дѣлается и доселѣ.

Всѣ русскіе цари, начиная съ Димитрія Іоанновича Донского, чтя святую обитель, посѣщали ее для поклоненія св. угоднику Алексію митрополиту. Эта обитель была нѣкогда купелью русскихъ государей. Въ 1629 году крещенъ здѣсь царь Алексѣй Михайловичъ, а въ 1672 — Петръ Великій. Здѣсь воспріялъ св. крещеніе и государь императоръ Александръ II Николаевичъ, который при этомъ возложенъ былъ на раку святителя Алексія.

Чудовъ монастырь замѣчателенъ и своею богатою ризницею. Изъ священныхъ сосудовъ, хранящихся въ ней, заслуживаютъ особеннаго вниманія:

1) Золотые украшенные драгоцѣнными каменьями потиръ и дискосъ, для св. причащенія, устроенные въ поминовеніе по бояринѣ Ильѣ Морозовѣ въ 1674 году.

2) Изъ престольныхъ крестовъ замѣчателенъ золотой крестъ съ частицами св. мощей, украшенный жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями. Этотъ крестъ устроенъ былъ при патріархѣ Іовѣ и архимандритѣ Пафнутіи въ 1589 году.

3) Изъ напрестольныхъ евангелій самыми драгоцѣнными по богатству украшеній почитаются: евангеліе, писанное, по преданію, святителемъ Алексіемъ митрополитомъ, и евангеліе 1681 года, сдѣланное усердіемъ боярина Морозова.

4) Здѣсь хранятся двѣ замѣчательныя по драгоцѣнности панагіи митрополита Платона: одна панагія съ изображеніемъ Спасителя, несущаго на рамѣ заблудшееся овча; назади ея вырѣзанъ гербъ митрополита Платона со словами: „Слава Богу о всемъ", 1792 года. Другая—съ изображеніемъ Божіей Матери всѣхъ скорбящихъ Радости,—осыпанная брилліантами, пожалована была ему императрицею Маріею Θеодоровною; на задней сторонѣ этой панагіи изображенъ ея портретъ.

5) Достойны особеннаго вниманія хранящіяся здѣсь митры; изъ нихъ замѣчательнѣйшая митра, такъ называемая Потемкинская. Она украшена жемчугомъ, крупными алмазами, сапфирами и другими драгоцѣнными каменьями.

6) Три посоха митрополита Платона: одинъ посохъ костяной, пожалованный ему императрицею Екатериною II; другой—императоромъ Павломъ I изъ трости его и съ его портретомъ; третій посохъ серебряный, съ самоцвѣтными каменьями, — даръ Потемкина митрополиту Платону въ 1778 году.

7) Ризница Чудова монастыря замѣчательна

также и священными облаченіями, изъ коихъ драгоцѣннѣйшими почитаются облаченія митрополита Платона.

Въ главномъ храмѣ монастыря помѣщены трофеи персидской войны, знамена и ключи отъ покоренныхъ крѣпостей при императорѣ Николаѣ I.

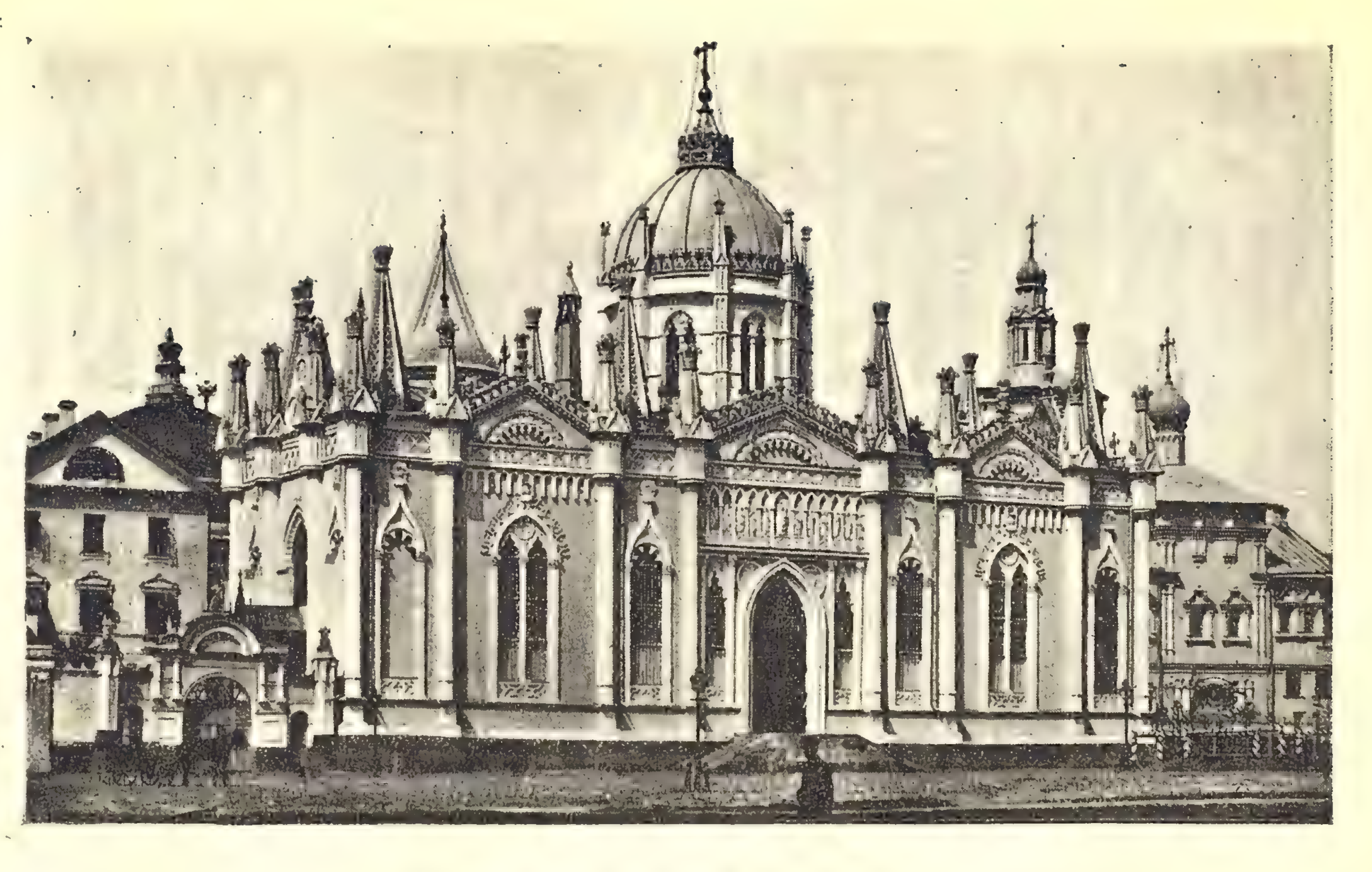
(По соч. архим. Іосифа и др.).

Вознесенскій монастырь.

Есть обитель инокинь у Спасскихъ воротъ Кремля. Какъ робкія ласточки, которыя весеннею порою вьютъ себѣ мирныя гнѣзда въ преддверіи домовъ, а иногда лѣпятся къ башнямъ и бойницамъ, не подозрѣвая ихъ ратнаго назначенія, такъ и смиренныя отшельницы, протекши житейское поприще, устроили себѣ пріютъ подъ навѣсомъ зубчатыхъ твердынь, подлѣ желѣзныхъ вратъ, отразившихъ столько приступовъ. Вдова витязя Донского указала имъ отважное мѣсто, и сама легла на немъ, чтобы укрѣпить своихъ преемницъ на многіе подвиги, подобно какъ ратные вожди водружаютъ хоругвь свою тамъ, гдѣ наиболѣе кипитъ сѣча, чтобы удержать за собою поле битвы. И какое поле, какая битва! Снаружи, изъ-за стѣнъ сѣдого Кремля, монголы, крымцы, Литва метали камни и стрѣлы въ обитель молящихся дѣвъ и вдовицъ, а внутри, въ тиши келейной, брань ихъ была уже „не съ плотію и кровію, по выраженію апостола, но съ тьмою вѣка сего, съ духами злобы“, и блаженъ, могущій

сказать вмѣстѣ съ нимъ на концѣ своего поприща: „Теченіе я совершилъ, подвигомъ добрымъ подвизался, и нынѣ ожидаетъ меня вѣнецъ правды, приготовленный возлюбившимъ пришествіе Христово“ (II Тим.).

При самомъ входѣ въ Кремль представляется готическое зданіе Екатерининской церкви, которая получила нынѣшній благолѣпный видъ свой уже послѣ нашествія послѣдняго непріятеля. Благословенный, уважая память почіющихъ въ обители, обновилъ пострадавшія зданія. Есть и другія церкви въ оградѣ монастырской, хоть и не столь великолѣпныя: одна, примыкающая къ самой стѣнѣ Кремля, во имя преподобнаго Михаила Малеина, съ предѣломъ св. Ѳеодора, сооружена усердіемъ перваго царя изъ дома Романовыхъ и его матери великой инокини Марѳы, которая провела остальные годы труженической жизни въ стѣнахъ Вознесенской обители, но завѣщала прахъ свой въ Новоспасскую, гдѣ искони погребали родъ Романовыхъ. Въ сей церкви хранится древнее изваяніе великомученика Георгія, стоявшее нѣкогда на вратахъ Кремля, какъ гербъ княжества Московскаго. Другая церковь, во имя Аѳанасія и Кирилла, патріарховъ александрійскихъ, перенесена была въ сію обитель по уничтоженіи стоявшаго въ ея сосѣдствѣ подворья Бѣлозерскаго, гдѣ живали патріархи восточные; но она упразднена послѣ французовъ, равно какъ и еще двѣ монастырскія церкви, во имя великомученика Георгія и Казанскія Божія Матери; послѣднюю замѣнилъ придѣлъ на хорахъ Екатерининской церкви.



Вознесенскій монастырь.

Главное святилище обители есть древній соборъ Вознесенія, усыпальница царицъ и княгинь московскихъ, который заложенъ былъ въ годъ кончины основательницы, супруги Донского (1407), и обновленъ Петромъ Великимъ въ 1721 году. Храмъ сей есть какъ бы дополненіе Архангельскаго собора, и въ немъ продолжается царственная лѣтопись усопшихъ; но уже это не гробы сильныхъ воителей и владыкъ, возбуждавшихъ страхъ или изумленіе, а только замогильный отголосокъ ихъ домашняго быта, пристанище тихихъ женъ, которыя раздѣляли ихъ семейныя радости или горе и нерѣдко возбуждали ихъ на высокіе подвиги: такъ иногда громкіе звуки торжественной пѣсни, переходя въ болѣе нѣжные тоны, дополняютъ ими гармонію цѣлаго.

Зодчество храма напоминаетъ собою зданія, современныя Троицкому собору лавры. Богатыми окладами украшены почти всѣ мѣстные образа высокаго иконостаса; драгоцѣнный кивотъ съ частицами святыхъ мощей, устроенный усердіемъ благочестивой царицы Ирины, виситъ на древней храмовой иконѣ Вознесенія, коей вѣнцы унизаны жемчугомъ и каменьями. Почти у самаго входа, близъ южныхъ дверей, почиваетъ въ заключенной ракѣ, подъ богатымъ покровомъ, сама основательница обители, нѣкогда великая княгиня Евдокія, а потомъ смиренная инокиня Евфросинія. Ея земная слава, какъ супруги витязя Донскаго, увѣнчалась небесною славою христіанскихъ добродѣтелей, и тропарь, въ честь ея воспѣваемый, краткими словами выражаетъ подвигъ святой жизни:

„Княженія и царскаго чертога отлучилася и чадъ

твоихъ, Бога ради, оставила еси блаженная Евдокія; правостію умною душу твою привязала еси въ любовь Христову, тлѣнныхъ и красныхъ и временныхъ забытіемъ; притекла еси во обитель тобою основанную, и съ воспріятіемъ иноческаго образа, преименовавшися Евфросинія, ангельски поживъ, въ трудѣхъ и постѣхъ подвизалась добрѣ и къ блаженному концу достигла еси; тѣмъ же молимъ тя, моли Христа Бога, спастися душамъ нашимъ“.

Дочь князя суздальскаго, который долго домогался великаго княжества, брачнымъ союзомъ съ Димитріемъ навсегда утвердила за Москвою старѣйшинство между князьями русскими и вмѣстѣ съ святымъ Алексіемъ одушевляла его на великіе подвиги. Семнадцатью годами пережила она славнаго супруга и упрочила память Мамаевой битвы строеніемъ храмовъ во имя Рождества Богоматери, ибо въ сей день сокрушены были татары мечомъ Донского. Годы не стерли свѣжести съ лица Евдокіи, нѣкогда славившейся красотою, но сама она старалась укрыть широкою одеждою тѣло свое, изнуренное постами. Когда же нѣкоторые изъ домашнихъ, видя мнимую ея дородность, стали подозрѣвать ея образъ жизни, благочестивая княгиня принуждена была показать имъ свою власяницу и тяжкія вериги; всѣ ужаснулись при видѣ ея истощенія. Она не хотѣла окончить жизни среди почестей княжескихъ и, отринувъ моленіе дѣтей своихъ, постриглась въ устроенной ею обители, не выходя изъ стѣнъ Кремля, основаннаго славнымъ супругомъ. Многія исцѣленія ознаменовали святую ея кончину передъ глазами сына, великаго князя

Василія и митрополита Кипріана, который погребалъ Евдокію и освятилъ заложенную ею церковь.

Съ тѣхъ поръ всѣ великія княгини россійскія, дотолѣ погребавшіяся въ древней церкви Спаса на Бору, и за ними царицы и царевны искали себѣ мѣсто упокоенія возлѣ священныхъ останковъ преподобной родоначальницы, а нѣкоторыя еще до смерти осѣнили себя схимою, чтобы подобно ей разрѣшиться отъ временнаго прежде вступленія въ вѣчность. Въ ногахъ Евдокіи, у южныхъ дверей, погребены двѣ царицы, не въ лѣтописномъ порядкѣ. Одна, невольная инокиня, постриженная ради честолюбія мужа, странно положена по сосѣдству вольной инокини, оставившей славу міра, посреди плача любящей семьи. Это—несчастная Марія, изъ древняго рода князей ростовскихъ, въ инокиняхъ Елена, супруга царя Шуйскаго, дорого заплатившаго за кратковременный вѣнецъ. Чужія уста произносили монашескіе обѣты за нее и за супруга, при насильственномъ ихъ постриженіи, и тщетными призналъ сіи обѣты патріархъ Гермогенъ, но великій исповѣдникъ самъ уморенъ былъ въ темницѣ; царь Василій скончался въ польскомъ плѣну, а невольная инокиня, царица, слишкомъ много видѣла горя въ царствѣ, потрясенномъ крамолами, и не хотѣла болѣе оставить мирныя стѣны обители. Благочестивый Михаилъ воздалъ ей почести царственнаго погребенія, подобно какъ и ея супругу. Рядомъ съ Маріею, —другая царица, изъ рода Грушецкихъ, Агаѳія, первая супруга Ѳеодора Алексѣевича, который мало царствовалъ, но оставилъ по себѣ долгую память.

Еще двѣ великія княгини-инокини лежатъ вдоль южной стѣны, въ головахъ св. инокини Евфросиніи; это мать и супруга Темнаго; одна дочь суроваго Витовта, врага Донского, другая изъ семьи присснаго ему Владиміра Храбраго, — обѣ испытавшія всѣ бѣдствія междоусобій: и безчестное изгнаніе, и тяжкое заключеніе. Сама литвинянка Софія была первою виною разрыва между сыномъ своимъ, великимъ княземъ, и дѣтьми дяди его Юрія, Косымъ и Шемякою, когда на пиршествѣ брачномъ своеручно сорвала богатый поясъ съ Косаго; поясъ сей данъ былъ нѣкогда княземъ суздальскимъ Константиномъ дочери, обрученной Донскому, и неправильно достался въ младшій родъ. Дорого заплатила Софія бѣдствіями цѣлой жизни за сей мгновенный порывъ литовскаго сердца, въ которомъ еще не утихла кровь Гедимина, Ольгерда и Витовта. А кроткая ея невѣстка, Марія, принуждена была для выкупа заточеннаго супруга отдать единственное сокровище—дѣтей своихъ, великаго младенца Іоанна и брата его, которыхъ принялъ отъ нея на свой омофоръ святой Іона и сдержалъ слово — заставилъ Шемяку освободить узника Темнаго.

Рядомъ съ супругою Темнаго, уже вдоль западной стѣны,—двѣ жены великаго Іоанна: Марія, княжна тверская, и дочь Палеологовъ, греческая царевна Софія.

Память отрока Димитрія, развѣнчаннаго ею внука Іоаннова, и память матери его, несчастной княжны волынской Елены, которой даже прахъ не внесенъ въ общую усыпальницу, бросаетъ тѣнь на сіяющее царскимъ блескомъ лицо Софіи.

Нѣтъ здѣсь и другой ея невѣстки, кроткой Соломоніи, изъ рода Сабуровыхъ, которая заплатила за невольное свое неплодіе насильственнымъ постриженіемъ въ обители суздальской; но вторая супруга Василія, Елена Глинская,—рядомъ съ дочерью Палеологовъ. Честолюбивая мать Грознаго Іоанна явила примѣръ жены-правительницы въ землѣ русской, и недостойный ея любимецъ наполнилъ палаты смутами бояръ. Стѣна китайская осталась памятникомъ ея кроткаго правленія, но пострадало царство отъ неопытной руки, которая хотѣла держать кормило, не имѣя доблестей царскихъ, подобно дочери Палеологовъ.

Рядомъ съ матерью Грознаго — четыре его супруги, одна подлѣ другой, изъ коихъ только одна оставила по себѣ благую память; это тихая Анастасія, первая Романова, первая царица, спутница лучшихъ дней Іоанновыхъ, которая была ангеломъ-хранителемъ его и Россіи и заранѣе отозвана въ небесную отчизну, чтобы не видѣть бѣдствія земныя. Кроткая жена не узнала бы супруга въ жестокомъ опричникѣ! Она, съ такою радостію встрѣтившая побѣдителя Казани, съ перворожденнымъ своимъ младенцемъ, могла ли бы перенести горькую участь второго сына своего? Бываютъ свѣтлыя явленія ангельскихъ лицъ, которыми иногда Провидѣніе укрѣпляетъ людей и страну, готовящихся на трудный подвигъ; такимъ явленіемъ была тихая Анастасія. Ею улыбнулось небо на русскую землю; но сей нѣжный цвѣтокъ, который, казалось, на минуту только для нея распустился, бросилъ однако спасительныя сѣмена будущаго величія въ ея

нѣдра, когда послѣ бурной зимы самозванцевъ пышно разрослось изъ него благословенное древо Романовыхъ.

Подлѣ двухъ царицъ Маріи, княжны черкасской, и третьей супруги Іоанна IV Маѳы, изъ дому Собакиныхъ, послѣдняя—Марія, Маѳа въ инокиняхъ, изъ роду Нагихъ, заключаетъ собою могильный рядъ супругъ Грознаго. Какое горькое лицо въ лѣтописяхъ русскихъ сія Марія, едва удостоенная титула царскаго, по неправильному браку, и потомъ исключенная изъ поминовеній, сосланная въ Угличъ съ своимъ невиннымъ младенцемъ, чтобы тамъ быть свидѣтельницею его закланія, и, наконецъ, заключенная въ дальней обители Бѣлозерской!

Царевною Ѳеодосіею, малолѣтнею дочерью Ѳеодора и Ирины, оканчивается у западныхъ вратъ храма первый рядъ гробницъ. Сколько радости семейной и милостыни Востоку принесло рожденіе сей царевны, и сколько слезъ родителямъ и всему царству ея ранняя кончина! Ибо съ нею же угасала всякая надежда на будущую царственную отрасль. Скоро послѣдовалъ за нею отецъ, послѣдній царь изъ дома Рюрикова, а нѣжная его супруга Ирина приняла ангельскій образъ, подъ именемъ Александры. Особенною прелестью сіяетъ въ исторіи нашей лицо Ирины: сестра правителя Годунова, одаренная всѣми совершенствами природы, душевными и тѣлесными, съ образованіемъ выше своего вѣка, она достойно является на ступеняхъ престола, если не по доблестямъ царскимъ, то по добродѣтелямъ женщины. Какъ трогателенъ и вмѣстѣ

благоразуменъ былъ привѣтъ ея патріарху вселенскому, когда пришелъ онъ учреждать патріаршество въ Россіи! Какъ чувствовала она, что для ея блага недостаетъ только наслѣдника! Сокрушаясь о своемъ неплодіи подобно ветхозавѣтнымъ праведнымъ женамъ, какъ умоляла она патріарха, когда вручала ему драгоцѣнный потиръ, вымолить ей сына для царства московскаго! Когда же скончался Θеодоръ, какое опять трогательное явленіе! Осиротѣвшія Ирина и Россія — другъ противъ друга: одна, испуганная бременемъ царства, стремится въ безвѣстную келію, осѣняется схимою, какъ щитомъ; другая, испуганная своимъ безначаліемъ, продолжаетъ благоговѣть въ инокинѣ къ царицѣ, на ея ангельское имя Александры вершитъ всѣ дѣла свои, и дума боярская, ея молитвою, правитъ огромнымъ царствомъ, расширеннымъ двумя Іоаннами въ двѣ части свѣта, доколѣ, наконецъ, смиренная сестра не выдала честолюбиваго брата въ цари оставленному ею царству. Сама же Александра — Ирина не хочетъ болѣе знать палатъ кремлевскихъ; для нея даже слишкомъ пышна обитель Вознесенская; она ищетъ болѣе глубокаго уединенія въ Новодѣвичьей, и только прахъ ея переносится въ царственную усыпальницу. Тамъ ей назначено почетное мѣсто подлѣ дочери Витовта, противъ дочери Палеологовъ, и она продолжаетъ собою второй рядъ гробницъ, вдоль западной стѣны, начатый съ одной стороны великою княгинею литовскою, а съ другой — малолѣтнею дочерью Грознаго. Рядъ сей дополнился потомъ однимъ младенцемъ несчастнаго Шуйскаго, царевною Анною, и четырьмя до-

черьми царя Михаила: Пелагіею, Мареою, Софіею и Евдокіею и одною дочерью царя Алексія, Феодорою, которую помѣстилъ скорбный отецъ между гробомъ царицы Ирины и гробомъ великой княгини Софіи.

Одинъ только рядъ гробницъ тянется вдоль той же стѣны, по лѣвую сторону западныхъ вратъ, и въ этомъ рядѣ одна лишь царица, Марія Владиміровна изъ рода Долгорукихъ, первая супруга царя Михаила, погребена съ царевнами дома Романовыхъ; между ея гробницею и западными вратами положены двѣ малолѣтнія дочери царя Іоанна Алексѣевича, Марія и Феодосія, а по другую сторону царицы три отрасли многочисленной семьи Алексѣя Михайловича: Анна, Евдокія и Екатерина. Подлѣ нихъ, въ самомъ углу, старица Іуліанія, мать первой царицы дома Романовыхъ Анастасіи, и сноха Грознаго, царевна Параскева изъ рода Соловыхъ.

Три гроба стоятъ вдоль сѣверной стѣны собора: царевны Анны Михайловны, сестры царя Алексѣя, въ инокиняхъ Анеисы, у самаго иконостаса; намъ сохранилось еще надгробное слово патріарха Іоакима на день ея погребенія. Подлѣ сѣверныхъ вратъ — гробъ другой царевны, Татьяны Михайловны, которая славилась особенною мудростію и образованіемъ между всѣми дочерьми Михаила, обогащала церкви своими рукодѣльями и писанными ею Евангеліями и содѣйствовала патріарху Никону въ созиданіи Новаго Іерусалима, ибо она была искренно привязана къ сему именитому мужу Церкви и даже ревностно ходатайствовала предъ царемъ и патрі-

архомъ объ его освобожденіи изъ Бѣлозерской обители.

Въ Новоспасскомъ погребена другая, не менѣе знаменитая сестра ея, царевна Ирина, въ юныхъ лѣтахъ помолвленная отцомъ за королевича датскаго Вольдемара и оставшаяся навсегда въ теремѣ дѣвичьемъ, по его несогласію принять православіе. Подлѣ царевны Татьяны—ранняя могила великой княжны Натальи Алексѣевны, сестры императора Петра II, которую столь горько оплакивалъ нѣжно любившій ее братъ. Но что весьма замѣчательно, нѣтъ здѣсь гроба его бабки, царицы Евдокіи, изъ рода Лопухиныхъ, первой супруги Петра Великаго, которая провела всю свою жизнь въ тяжкомъ заточеніи подъ извѣстнымъ именемъ инокини Елены и насладилась только краткимъ отдыхомъ въ обители Вознесенской, во дни правленія своего внука. Она имѣла несчастіе пережить его и лишилась почестей царственнаго погребенія; бѣдствующая инокиня Елена за годъ до своей кончины переведена была въ обитель Новодѣвичью и тамъ скончалась.

Но гдѣ же другая невольная инокиня, постриженная тою же мощною рукою Петра, который самъ трепеталъ нѣкогда ея родственной руки? Гдѣ гробъ Сусанны, если только можно узнать подъ симъ убогимъ именемъ гордую царевну, которая писалась нѣкогда, вмѣстѣ съ братьями своими, великою государынею, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержицею?

Три гробницы стоятъ съ правой стороны, на ступеняхъ иконостаса, который заслоняетъ малый

придѣлъ Богоматери, Радости всѣхъ скорбящихъ, устроенный императрицею Анною, для погребенія меньшой сестры своей, царицы Параскевы: это гробницы матери и двухъ супругъ царя Алексія. Не ожидала смиренная Евдокія, изъ бѣдной, хотя и дворянской, фамиліи Стрѣшневыхъ, достигнуть столь блестящей участи, когда послѣдовала за своими подругами, именитыми дочерьми боярскими, ко двору. Туда вызваны были всѣ красавицы московскія для выбора изъ нихъ невѣсты царской. Преданіе говоритъ, что при въѣздѣ въ Троицкіе врата Кремля особеннымъ блескомъ просіяла для молящейся Евдокіи икона Знаменія Божіей Матери надъ вратами, и что ея подруги приняли такое явленіе за счастливое предзнаменованіе, а будущая царица питала съ тѣхъ поръ особенное уваженіе къ сей иконѣ и украсила ее богатою ризою. Тогда еще, въ патріархальной простотѣ нравовъ, былъ обычай избирать невѣсту царя изъ сонма спящихъ дѣвъ, успокоенныхъ въ его теремѣ, чтобы судить о внутреннемъ состояніи ихъ духа, въ сонномъ безмолвіи, по тихому выраженію лица и праведному покою, подъ крылами ангела-хранителя. Сама великая инокиня Марѳа, мать юнаго царя Михаила, вмѣстѣ съ нимъ ходила по терему спящихъ дѣвъ и указала ему ангельское лицо Евдокіи, которое вполнѣ выражало ея душевную красоту, и во все теченіе своего долгаго супружества не раскаялся Михаилъ въ благословенномъ выборѣ матери.

Мудрый Алексій былъ плодомъ сего брака, и вотъ, подлѣ Евдокіи, — первая его супруга Марія, изъ рода Милославскихъ, мать всего многочислен-

наго семейства царскаго, кромѣ Петра. Другой, почіющей рядомъ съ нею, предоставлена была слава быть матерью исполина. Наталья Кириловна Нарышкина достойно оканчиваетъ собою гробовую лѣтопись Вознесенской обители. Какъ львица, рождающая одного только льва, она принесла Россіи одного лишь младенца, но этотъ младенецъ былъ Петръ! Какую страшную годину испытаній пережила она въ семилѣтнее правленіе Софіи! Палаты кремлевскія и лавра Троицкая были свидѣтелями ея материнскаго ужаса; но, подъ сѣнію преподобнаго Сергія, уцѣлѣлъ царственный сынъ ея, котораго мощная рука должна была вдвинуть новую громадную стихію въ сердце смятенной Европы и охватить всю полночь исполинскимъ царствомъ, ограждаемымъ волнами океановъ и песками пустынь!

Таковы усопшія сей славной обители! Царственно успокоились онѣ въ мирныхъ стѣнахъ ея, какъ бы въ преддверіи вѣчности, и многія схимницы-царицы воспрянутъ между ними въ настоящемъ ангельскомъ образѣ иного вѣчнаго царства, по зову трубы архангельской, которая разбудитъ въ сосѣднемъ соборѣ и царей—ихъ отцовъ и супруговъ. Скрижали отечественныя, вписавшія столько державныхъ именъ Вознесенской обители на своихъ пергаментныхъ листахъ, сохранили сказанія и о чудномъ явленіи, какого сподобилась безымянная схимница той же обители, конечно болѣе извѣстная небу, нежели землѣ, ибо она видѣла то, что недоступно смертному взору; тайныя силы, содѣйствующія паденію и спасенію градовъ, которыя, какъ бы слу-

чайно, совершаются предъ нами, потому что мы видимъ въ нихъ одни только земныя событія. Это было во дни великаго князя Василія, сына великаго Іоанна, въ страшную годину испытаній, когда Махметъ-Гирей крымскій съ безбожными полчищами обступилъ Москву, и трепетала столица, ожидая неминуемой гибели.

„Была нѣкая инокиня, слѣпая глазами“, говоритъ лѣтопись, „которая провела многіе годы добродѣтельно въ обители Христова Вознесенія, гдѣ великія княгини россійскія постригались и полагались. Случилось, что когда, во время нашествія враговъ, всѣ люди прилежали къ молитвѣ, и сія инокиня прилежно возносила молитвы къ Богу объ избавленіи отъ надлежащей скорби, и вотъ слышитъ она какъ бы шумъ великій и вихрь страшный и звонъ будто площадныхъ колоколовъ. Итакъ, по божественному мановенію, будучи восхищена духомъ, обрѣлась какъ бы внѣ ограды, отверзлись вмѣстѣ очи ея, мысленныя и чувственныя, и она увидѣла видѣніе великое и дивное, не такъ, какъ во снѣ, но какъ бы наяву: вотъ идетъ изъ града во Фроловскія врата безчисленный свѣтовидный соборъ святолѣпныхъ мужей въ священныхъ одеждахъ, многіе митрополиты и епископы, между коими можно было распознать великихъ чудотворцевъ: Петра, Алексія, Іону и ростовскаго епископа Леонтія и иныхъ многихъ, съ іереями и діаконами, несущими чудотворныя иконы; они несли и самый образъ Пречистыя Богоматери Владимірскія, также честные кресты и Евангеліе, съ кадилами и свѣчами, лампадами, рипидами и хоругвями, все по чину, какъ

подобаетъ благолѣпно совершаться крестному ходу; за ними же слѣдовало безчисленное множество народа всякаго возраста и пола.

И вотъ, отъ великаго торга Ильинскаго на встрѣчу имъ устремился великій въ преподобныхъ Сергій чудотворецъ, а съ другой стороны приспѣлъ преподобный Варлаамъ, хутынскій чудотворецъ. Оба они, любовно согласившись между собою, припали къ ногамъ великихъ оныхъ святителей и молили ихъ со слезами, умильно говоря: „О, святые пастыри словеснаго стада Христовыхъ овецъ! для чего исходите изъ града сего, и куда уклоняетесь, и кому оставляете паству вашу въ настоящее время варварскаго нашествія?“

Свѣтовидные же святители также со слезами отвѣчали: „Много молили мы всемилостиваго Бога и Пречистую Богородицу объ избавленіи отъ предлежащія скорби; Богъ же не только повелѣлъ намъ выдти изъ града сего, но и вынести съ собою чудотворный образъ Пречистыя Своея Матери, ибо люди сіи презрѣли страхъ Божій и о заповѣдяхъ Его не радѣли, и посему попустилъ Богъ придти варварскому народу доселѣ, да накажутся нынѣ и чрезъ покаяніе возвратятся къ Богу“.

Но два преподобныхъ, Сергій и Варлаамъ, еще прилежнѣе стали молить ихъ и съ плачемъ говорили: „Вы, о святые святители, и въ жизни сей будучи, нѣкогда душу свою полагали за паству вашу: нынѣ ли, въ сей настоящей скорби, хотите оставить людей, которыхъ видите сами сѣтующими и обращающимися на покаяніе? Не презрите молитвы, не оставляйте Богомъ врученной вамъ паствы,

ибо вотъ время, въ которое можете помочь имъ; если усугубите еще о нихъ прилежныя ваши молитвы къ Пречистой Богородицѣ, то Она умолитъ съ вами Сына Своего, Христа Бога нашего, и праведный гнѣвъ Его на милость обратитъ".

Многое иное въ тотъ часъ говорили преподобные со святителями, и каждый изъ нихъ называлъ другъ друга по имени, и вотъ всѣ вмѣстѣ, единодушно, подвиглися на молитву, сотворили литію и согласно пѣли молебные каноны, на которыхъ читали и Евангеліе по чину, и со слезами взывали „Господи помилуй", и произнесли молитву Пречистыя Богородицы передъ ея образомъ, и совершили отпустъ со осѣненіемъ креста и кажденіемъ, благословляя крестообразно на всѣ страны. Тогда опять весь соборъ возвратился во градъ съ чудотворнымъ образомъ Богоматери и со всею святынею. Все сіе видѣла преподобная инокиня и внезапно очутилась опять въ своей келіи, и потомъ прожила еще два лѣта, видя свѣтъ Божій очами своими, дотолѣ омраченными.

Посему на Спасскихъ воротахъ Кремля, которыя прежде назывались Фроловскими, представлены преподобные Сергій и Варлаамъ въ молитвенномъ положеніи предъ Богоматерью, и, быть-можетъ, сіе чудное преданіе было началомъ благочестиваго обычая проходить съ непокрытою головою сквозь Спасскія врата, какъ бы въ слѣдъ за соборомъ древнихъ святителей, которые возвратились въ спасенный градъ по молитвѣ преподобныхъ.

(Муравьевъ).

Дворъ царскій.

Въ древности великокняжескіе дворы заключали въ оградахъ своихъ храмы Божіи, хоромы княжескія и все, что составляло чинъ правленія и хозяйства государева. Тутъ, на дворцахъ или малыхъ дворахъ, жили: духовенство, бояре, дружина художники и ремесленники; здѣсь хранились сокровища и припасы.

Дворъ великокняжескій и царскій на Москвѣ занималъ съ самаго основанія Москвы то же самое мѣсто, которое занимаетъ и теперь, и его эпохи какъ будто соотвѣтствовали эпохамъ Россіи. Сначала, когда еще существовали удѣлы, и дворъ великаго князя состоялъ изъ многихъ отдѣльныхъ хоромъ и избъ за общею оградою. Царь Іоаннъ Васильевичъ III, совокупивъ удѣлы, подвелъ и подъ всѣ удѣльныя зданія своего двора общее каменное основаніе и соединилъ сѣнями или переходами.

При императрицѣ Елисаветѣ набережныя зданія двора царскаго были разобраны, и построенъ дворецъ въ итальянскомъ вкусѣ, примыкавшій со стороны Краснаго крыльца къ Грановитой палатѣ. Императрица Екатерина имѣла мысль, по проекту Баженова, обратить весь Кремль въ одинъ громадный дворецъ; но посреди его исчезла вся маститая древность Кремля. Теперь все завѣтное цѣло, дворъ царскій на старомъ мѣстѣ, и новый императорскій дворецъ составляетъ одну нераздѣльную связь и возсозданіе подъ общимъ кровомъ существовавшихъ нѣкогда палатъ: Средней золотой, Столовой и Набережной или посольской.

Новый Кремлевскій дворецъ.

Новый дворецъ—величественное зданіе, по крѣпости—кованое, по размѣрамъ залъ—исполинское, по мысли—мощно-смѣлое. Въ немъ осуществились не заученныя зодчествомъ иноземныя формы и красоты, не привычные стили Греціи и Италіи, подъ вліяніемъ и условіями которыхъ создаются всѣ новѣйшія зданія; здѣсь осуществилось изящное русское, желанное и предначертанное самимъ государемъ императоромъ. Государь Николай Павловичъ, въ присутствіи своемъ въ Москвѣ, въ 1838 году, лично изволилъ изложить мысли свои о созиданіи дворца, и изъ его начертаній составленъ проектъ. Главнымъ архитекторомъ назначенъ извѣстный профессоръ архитектуры К. А. Тонъ, а трудъ выполненія работъ на мѣстѣ возложенъ на искуснаго и свѣдущаго по своей части профессора архитектуры Рихтера и архитекторовъ Чичагова и Бокарева. Такимъ образомъ зодчество получило готовый проектъ величію и красотамъ зданія и создавало новое по мысли новой, царское по мысли царской. Родственно соединился Императорскій дворецъ съ древнимъ Теремнымъ, и можно сказать, что дворъ Іоанна III черезъ три съ половиною столѣтія достигъ до совершеннаго возраста при импе-

раторѣ Николаѣ I и облекся во всѣ доспѣхи великолѣпія.

Вступивъ на парадное крыльцо со стороны набережной, по прямой лѣстницѣ, почти единственной въ своемъ родѣ въ этомъ отношеніи, вы пройдете посреди торжественнаго великолѣпія и сокровищъ отъ настоящаго вѣка къ вѣкамъ прошедшимъ, увидите новую и древнюю обитель русскихъ царей.

Внутренніе покои Ихъ Императорскихъ Величествъ, въ нижнемъ этажѣ дворца, заключаютъ въ себѣ:

Переднюю,
Столовую,
Гостиную,
Проходную комнату,
Пріемную Ея Величества,
Дежурную камеръюнгферскую,
Уборную Ея Величества,
Опочивальню,
Уборную Его Величества,
Кабинетъ Его Величества,
Пріемную Его Величества и
Переднюю.

На этомъ самомъ мѣстѣ Императорскихъ жилыхъ покоевъ нѣкогда былъ соборъ Срѣтенія Господня, что во дворцѣ, съ придѣломъ св. Николая. Время начальнаго построенія этого храма неизвѣстно; но, безъ сомнѣнія, онъ основанъ былъ въ память срѣтенія страстей Господнихъ, перенесенныхъ въ 1401 г. изъ Суздаля въ Москву и встрѣченныхъ священнымъ чиномъ и народомъ, подобно какъ память

срѣтенія Владимірской Божіей Матери освящена построеніемъ храма Богородицы честнаго срѣтенія на Кучковомъ полѣ (нынѣ Срѣтенскій монастырь). Срѣтенскій соборъ разобранъ въ 1801 г.

Изъ передней выходъ на подъѣздъ къ собственной лѣстницѣ Государевой.

Ворота, ведущія къ подъѣзду, на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ были нѣкогда золотыя Государевы ворота.

Отъ выхода на подъѣздъ, пант-дусъ (отлогая лѣстница) ведетъ изъ нижняго этажа въ коридоръ и, парадной лѣстницей бельэтажа, въ торжественныя залы.

Бельэтажъ, подъ вязью желѣзныхъ стропилъ и кровли, подъ цѣльными кирпичными сводами, заключаетъ въ себѣ смѣлость размѣровъ и великолѣпіе украшенія, поражающія чувства.

1) Георгіевская зала. Это святилище ордена св. Георгія Побѣдоносца, покровителя Москвы, котораго ликъ носитъ она въ гербѣ своемъ со временъ основанія.

Стѣны зала бѣлыя, матовыя. Въ простѣнкахъ верхняго яруса и на золотыхъ дверяхъ съ золотыми орнаментами изображены знаки военнаго ордена св. великомученника и побѣдоносца Георгія, учрежденнаго 26 ноября 1769 г. императрицею Екатериною II, съ девизомъ: за службу и храбрость.

Георгіевская зала находится на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ въ древности стояла средняя золотая палата, которая въ правительственномъ значеніи была верховнымъ совѣтомъ и судомъ. Соотвѣт-

ственно этому значенію, на стѣнахъ ея, расписанныхъ по золоту, было изображеніе страшнаго суда. Среди потолка, въ кругу, Эммануилъ на радугѣ; въ одной рукѣ держалъ онъ потиръ (чашу), въ другой палицу (скипетръ); подъ стопами Эммануила раздвоенныя облаками врата; при нихъ ангелъ со скипетромъ и свиткомъ, человѣкъ-странникъ съ посохомъ, а внизу адъ въ видѣ извивающагося змѣя.

Надписи: „Узскимъ бо путемъ вводятся души праведныхъ въ Царство Небесное“.

„Широкимъ бо путемъ вводятся души грѣшныхъ во врата лютого ада“.

Всѣ прочія изображенія также напоминали и судьѣ и подсудимому послѣдній день страшнаго суда.

2) Александровская зала. Основана въ честь ордена св. Александра Невскаго, учрежденнаго императрицей Екатериной, по предначертанію Петра Великаго, въ награду трудовъ для отечества. Стѣны подъ цвѣтъ орденской ленты, съ богато вызолоченными украшеніями скульптурной работы. На серебряныхъ дверяхъ, съ накладными золотыми орнаментами, орденскія ленты и звѣзды. На мѣстѣ этой залы и въ томъ же направленіи стояла набережная или Посольская отвѣтная палата, существовавшая со времени Іоанна III до Елисаветы. По представленіи пословъ, цари и великіе князья отпускали ихъ отъ себя въ эту палату, гдѣ и выслушивались посольскія дѣла и давали царскіе отвѣты на словахъ или письмѣ боярами, назначаемыми царемъ въ отвѣтные.

3) Андреевская зала — тронная Его Императорскаго Величества. Основана въ честь ордена св. ап. Андрея Первозваннаго, учрежденнаго въ 1698 году Петромъ I, съ эпиграфомъ, означеннымъ четырьмя золотыми латинскими буквами на оконечностяхъ креста: S. A. P. R. (Sanctus Andreas patronus Russiae)— святой Андрей покровитель Россіи. Въ соотвѣтственность цвѣту орденской ленты стѣны голубыя, съ золотой отдѣлкой столбовъ, простѣнковъ, карнизовъ и потолка; въ вышинѣ, между окнами второго яруса, Андреевская цѣпь и знаки большого креста. Двери золотыя съ накладными орнаментами и изображеніями орденскихъ знаковъ. У южной стѣны великолѣпный императорскій тронъ въ древнемъ вкусѣ.

4) Кавалергардская зала.

5) Екатерининская зала—тронная Ея Величества. Основана въ честь ордена св. великомученицы Екатерины и великолѣпно украшена орденскими знаками, на которыхъ слова „Боже спаси Царя" напоминаютъ молитву Екатерины I и всего народа во время опасности, которой подвергался Петръ I на берегахъ Прута въ 1711 г. Блистательный тронъ Императрицы помѣщается между двумя столбами, поддерживающими сводъ залы.

6) Диванная.

7) Парадная опочивальня. Въ ней замѣчательны, по своей рѣдкости, двѣ колонны изъ цѣльныхъ стержней мрамора, съ богатой позолотой капители и украшеній.

Отсюда, чрезъ боковыя комнаты, выходъ въ коридоръ, зимній садъ и въ

Теремный дворецъ

чрезъ церковь Рождества Богородицы. Этотъ храмъ построенъ великой княгиней Евдокіей, супругой Димитрія Донского, въ 1392 г., на мѣстѣ бывшей деревянной церкви Воскрешенія Лазаря, обращенной въ придѣлъ. Послѣ пожара 1473 г., истребившаго весь дворъ царскій, при постройкѣ новаго каменнаго, и церковь Рождества Богородицы, бывшая на сѣняхъ деревянныхъ царицыныхъ хоромъ, поднята въ уровень съ сѣнями кирпичнаго зданія и сооружена надъ древними бѣлокаменными сводами церкви св. Лазаря.

Храмъ Рождества Богородицы былъ приходскою церковью великихъ княгинь и царицъ; здѣсь, по истеченіи шестинедѣльнаго срока послѣ родовъ, онѣ брали молитву и въ это время садились въ обширной трапезѣ (гдѣ изразцовая печь съ лежанкою) и сквозь отверстое окно въ церковь слушали божественную службу. Всѣ мѣстные образа иконостаса были украшены трудами ихъ, ризы шиты золотомъ и унизаны жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

Позади праваго клироса стоялъ царскій ихъ престолъ. Сѣверныя двери храма Рождества Богородицы ведутъ въ коридоръ теремный, который нѣкогда составлялъ такъ называемыя постельныя сѣни постельныхъ палатъ или жилыхъ покоевъ великихъ княгинь. Этотъ рядъ комнатъ по коридору, въ новѣйшія времена, сталъ называться фрейлинскимъ, по случайному помѣщенію въ нихъ фрейлинъ въ 1817 году.

На сѣверной оконечности коридора, ведущаго къ сходу въ храмъ Успенія, поворотъ влѣво въ дворцовую церковь св. великомученицы Екатерины, что на царицынскихъ сѣняхъ.

Въ иконостасѣ храма, который, безъ сомнѣнія, основанъ также в. к. Евдокіей, супругою Димитрія Донского, находятся двѣ мѣстныя иконы: св. Евдокіи и св. Екатерины, отчего въ старину этотъ храмъ носилъ названіе церкви св. Евдокіи. Въ числѣ древнихъ образовъ замѣчателенъ ликъ св. Іосифа, индійскаго царевича.

Драгоцѣнный, усыпанный брилліантами, вѣнецъ образа св. Екатерины, который считался пропавшимъ во время нашествія французовъ, обрѣтенъ между старыми церковными вещами въ храмѣ Спаса на Бору.

Противъ заднихъ дверей храма, за переходомъ,— золотая меньшая, или царицына палата. Здѣсь принимали царицы въ торжественные праздники святителей и всѣхъ представляющихся имъ. Въ значеніи судейскаго стола эта палата была расправная палата спорныхъ или тяжебныхъ дѣлъ. Сопутствовавшій константинопольскаго патріарха Іеремію, поставившаго перваго русскаго патріарха Іова, архіепископъ эласонскій Арсеній описываетъ древнее великолѣпіе этой палаты, которой своды и стѣны были покрыты золотомъ и мусіею (живописью), окна украшены богатыми завѣсами, полъ устланъ коврами съ изображеніями ловли; золотыя и серебряныя изваянія утвари представляли звѣрей и птицъ; на сводѣ висѣлъ металлическій левъ и

держалъ драгоцѣнное паникадило въ видѣ свившагося въ кольцо змѣя.

Древняя живопись, подновленная при царѣ Алексѣѣ Михаиловичѣ и въ коронацію императора Павла, по сіе время представляетъ лики и подвиги святыхъ и великихъ женъ: обрѣтеніе животворящаго креста царицею Еленою, крещеніе великой княгини Ольги, легенду о царицѣ Динарѣ, дочери иверскаго Александра, воевавшей съ персами, и проч.

Въ 1450 г. митрополитъ Іона выстроилъ палату каменную, въ ней же, какъ говоритъ лѣтопись, церковь Положеніе ризы Пресвятыя Богородицы. По положенію этой церкви, примыкающей къ меньшей золотой палатѣ, должно полагать, что эта палата есть именно та, которую построилъ Іона, и это тѣмъ болѣе достовѣрно, что своды ея, укрѣпленные желѣзными связями стѣнъ, принадлежатъ къ роду древней русской каменной постройки, а не къ постройкѣ Алевиза, котораго своды Грановитой палаты, гораздо обширнѣйшіе, безъ наружныхъ связей и перекладинъ.

Изъ золотой царицыной палаты былъ выходъ въ сѣни ея и изъ сѣней на площадку постельнаго крыльца, которая называлась впослѣдствіи боярской площадкой. Отсюда входъ въ сѣни передъ Грановитой палатой. Онѣ называются святыми сѣнями по бывшимъ на стѣнахъ святымъ изображеніямъ. Между прочимъ, у входа было представлено видѣніе Іисусомъ Навиномъ архангела Михаила, который говоритъ ему: „Изуй сапогъ свой, ибо мѣсто сіе свято“.

Грановитая палата.

Въ древности царскія престольныя или столовыя палаты назывались гридницами или гриднями, въ значеніи малый градъ (citadelle). Здѣсь совершались торжества восшествія на престолъ и свадебныя, здѣсь принимались и угощались послы иноземные, духовенство, бояре и гости. Древнюю гридню въ Москвѣ замѣнила Грановитая палата. Она называлась первоначально просто Большою палатою. Въ 1547 г., при царѣ Іоаннѣ IV, послѣ пожара въ Кремлѣ, она возобновлена вмѣстѣ со всѣмъ дворцомъ и съ этого времени приняла названіе Большой золотой и Грановитой палаты; потомъ, при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, — Большой золотой подписной палаты, т.-е. украшенной живописью по золоту.

Изъ описанія золотыхъ палатъ, составленнаго въ 1672 г. по повелѣнію царя Алексѣя Михайловича, видно, что на сводахъ и стѣнахъ Грановитой палаты были изображены: Господь Саваоѳъ, твореніе ангеловъ и человѣка, событія изъ исторіи ветхаго завѣта, раздѣленіе вселенной между тремя братьями и раздѣленіе Руси между тремя сынами Владиміра Святого, изображенными въ митрахъ, въ одеждахъ камчатныхъ съ оплечіями (бармами) и

золотыми поясами; лики Ярослава Великаго, Всеволода I, Владиміра Мономаха—въ царской утвари, сына его Георгія — основателя Москвы и родоначальника московскихъ князей — Александра Невскаго, Даніила, Іоанна I, Димитрія Донского и всѣхъ преемниковъ его до Ѳеодора Іоанновича, сидящаго на тронѣ въ вѣнцѣ, въ порфирѣ съ нараменникомъ, въ жемчужномъ ожерельѣ съ золотою цѣпью на груди, съ скипетромъ и владомымъ яблокомъ (державой) въ рукахъ; у трона его изображенъ былъ Борисъ Годуновъ въ шапкѣ-мурманкѣ и въ верхней золотой одеждѣ на опашку.

Древняя живопись стѣнъ Грановитой палаты издавна уже не существуетъ; теперь стѣны ея обтянуты малиновымъ бархатомъ, съ золотыми орлами и гербами царствъ и княжествъ, изъ которыхъ образовалась единая и нераздѣльная Россія. На томъ мѣстѣ, гдѣ былъ престолъ великокняжескій и царскій,—нынѣ тронъ Императорскій.

Въ этой палатѣ въ теченіе пяти столѣтій много совершалось торжествъ вѣнчанія на царство, бракосочетанія, пріема пословъ отъ христіанскихъ державъ, празднествъ побѣдъ и воспоминаній священныхъ, царскихъ и народныхъ; три раза видѣла въ себѣ Грановитая палата и незванныхъ гостей, но имъ худо въ ней погостилось.

Грановитая палата соединялась такъ называемымъ Краснымъ крыльцомъ съ папертью Благовѣщенскаго собора, чрезъ которую былъ общій ходъ; Красная же лѣстница, съ южной стороны палаты, была царскою, подобно священной лѣстницѣ въ чертогахъ греческихъ царей. Кромѣ этихъ двухъ

восходовъ со стороны площади на Красное крыльцо, между ними, посрединѣ, была третья лѣстница для иновѣрныхъ пословъ и гостей.

Предъ вѣнчаніемъ на царство великіе государи цари вступали въ Грановитую палату и отсюда посылали на казенный дворъ за животворящимъ крестомъ, св. бармами, царскимъ вѣнцомъ и цѣпью, присланными греческимъ императоромъ Константиномъ Мономахомъ внуку своему Владиміру Всеволодовичу, и которыми, со времени его, вѣнчались великіе князья и цари русскіе. По принесеніи царскаго чина (регалій) съ казеннаго двора, крестъ, св. бармы, вѣнецъ и скипетръ торжественно несли митрополиты и архіепископы на золотыхъ блюдахъ, покрытыхъ пеленою, унизанною драгоцѣнными камнями, въ Успенскій соборъ, при звонѣ благовѣстныхъ колоколовъ, куда слѣдовалъ и самъ царь къ вѣнчанію.

Торжественные пріемы пословъ отъ христіанскихъ державъ совершались въ Грановитой палатѣ; но вторые, отпускные пріемы—въ Средней золотой, гдѣ представлялись царю и послы иновѣрные — персидскіе, нагайскіе и проч.

Изъ Грановитой палаты, чрезъ святыя сѣни, вступаете во Владимірскую залу, вновь построенную въ честь ордена св. Владиміра (учрежденнаго императрицей Екатериной II, въ 1782 г.), на части боярской площадки, прилегавшей къ святымъ сѣнямъ. Эта зала соединяетъ старый дворецъ съ новымъ, и въ соотвѣтственность этому соединенію живопись ея знаменуетъ переходъ отъ древняго стиля къ новому.

Изъ Владимірской залы выходъ на лѣстницу, къ Спасу за золотой рѣшеткой, и галлерею, ведущую въ тайникъ, покой надъ святыми сѣнями, гдѣ въ старыя времена, у окна въ Грановитую палату, царское семейство присутствовало за занавѣсью во время торжественныхъ пріемовъ и угощеній пословъ.

Выходъ изъ тайника ведетъ на площадку, которая прежде ограждена была, со стороны бывшаго восхода съ боярской площадки, золотой рѣшеткой, почему и древняя придворная церковь называется: Спасъ за золотой рѣшеткой, или Спасскій соборъ, что вверху за золотою рѣшеткою Нерукотвореннаго образа Спасова.

Этотъ соборъ составляетъ верхній ярусъ надъ меньшею золотою палатою и построенъ Іоанномъ III въ одно время со всѣмъ дворцомъ, во славу Нерукотвореннаго образа Спаса, перенесеннаго нѣкогда изъ Эдессы въ Константинополь и потомъ царевною Софіею, супругою Іоанна, въ Москву.

Придѣлъ храма сооруженъ во имя Іоанна Предтечи, тезоименитаго ангела Іоанну III.

Одиннадцать золотыхъ главъ, съ украшеніями древней мусіи, вѣнчаютъ соборъ, образуя общую кровлю надъ церковію Словущаго Воскресенія, составляющею верхній ярусъ храма св. Екатерины, и надъ придѣломъ Распятія Господня.

Это были храмы молитвъ семейства царскаго: царевичей и царевенъ.

Выходя изъ церкви Словущаго Воскресенія на паперть, образующую коридоръ, нельзя не обратить вниманія на дверь вправо, на лѣстницу внизъ

и на окно, находящееся противъ дверей. Отсюда, какъ съ незаконнаго величія, упалъ въ прахъ Дмитрій Самозванецъ.

Отъ церкви Словущаго Воскресенія, вступая въ коридоръ, называемый нынѣ чугуннымъ, но который нѣкогда составлялъ сѣни верхняго яруса зданія Іоаннова или жилыхъ покоевъ царевенъ, вы поднимаетесь налѣво по лѣстницѣ въ теремъ, надстроенный царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для сыновей своихъ, царевичей Алексѣя Михайловича и Іоанна Михайловича, въ 1636 г. Это царскія хоромы, или жилые покои русскихъ царей въ XVII вѣкѣ, единственный памятникъ и образецъ древней религіозной жизни, это подобіе храма, гдѣ свято совершались по закону обряды жизни. Со времени новаго дворца Елизаветы, теремъ былъ въ полномъ забвеніи; еще полстолѣтія безъ поддержки — и онъ былъ бы въ развалинахъ; но государь императоръ Николай I почтилъ обитель предковъ своихъ правомъ святыни нерушимой. Она, можно сказать, возстановлена навѣки.

Вступая въ рядъ покоевъ, предназначенныхъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ для своего наслѣдника, вы припоминаете расположеніе храма, трапезную, или столовую, соборную или гостиную и престольную; за ними, какъ бы въ придѣлѣ, опочивальню и образную. Живопись стѣнъ храмовая, какъ золотая парчевая риза съ святыми изображеніями, разводами, узорами и источниками. Здѣсь въ престольной палатѣ, у краснаго окна, подлѣ котораго— царское мѣсто, былъ устроенъ опускавшійся внизъ ларецъ, для просьбъ прямо въ руки царю отъ без-

помощныхъ, и Алексѣй Михайловичъ посвящалъ утренніе часы милосердію. Въ образной, или молельнѣ царской, замѣчательны древніе образа складни и кресты. Эта святыня издавна составляла родовое наслѣдіе и благословеніе великихъ князей русскихъ. Ветхость нѣкоторыхъ изъ этихъ иконъ свидѣтельствуетъ глубокую ихъ древность. Разныя драгоцѣнныя вещи, принадлежавшія царю Алексѣю Михайловичу, золотая и серебряная посуда, наполняютъ створы, находящіеся въ тронной, въ трапезной и въ боковомъ покоѣ; словомъ, здѣсь все старое по старому, какъ было при прежнихъ хозяевахъ — родоначальникѣ Михаилѣ и сынѣ его Алексіи, переселившихся на вѣчный покой подъ кровъ архангела Михаила.

Изъ бокового покоя, въ сторонѣ отъ тронной, всходъ по круглой лѣстницѣ на вышку, или верхній этажъ терема, составляющій одинъ покой, теремную горницу съ башенкой или фонаремъ съ южной стороны. Съ открытой площадки вышки, нѣкогда за твердынями Кремля, взоръ обнималъ пространную Москву, обнесенную каменными стѣнами и стрѣльницами Китай-города, Бѣлаго города, или Царьгорода, и дубовой стѣною Скородома.

На окруженіи, гдѣ была стѣна Бѣлаго города, тянутся нынѣ бульвары. Мѣста, гдѣ были ворота, сохранили свои названія, кромѣ Чертольскихъ воротъ (близъ Зачатіевскаго монастыря); по сіе время извѣстны ворота: Пречистенскія, Арбатскія, Никитскія, Тверскія, Дмитровскія (гдѣ Сѣнная площадь), Петровскія, Срѣтенскія, Фроловскія (Мясницкія), Покровскія и Яузскія.

По окруженію скородомной деревянной стѣны, съ деревянными башнями и воротами тѣхъ же названій, тянется теперь Садовая улица.

Возвращаясь чрезъ столовую, гдѣ, по старому выраженію, ѣлъ у царя иногда только патріархъ, гдѣ подавались на золотой посудѣ болѣе ста различныхъ блюдъ и разносились въ кованыхъ кубкахъ русскіе меды и фряжскія вина, откуда царь посылалъ подачку со стола заслуженнымъ боярамъ и любимцамъ своимъ, вы пройдете въ боковую комнату и спуститесь въ портретный коридоръ (названный такъ по находящимся на сводѣ изображеніямъ царскаго рода Романовыхъ, начиная съ родоначальника Филарета Никитича). Здѣсь ходили нѣкогда изъ своихъ покоевъ русскія великія княжны и царевны молиться Богу въ ихъ домовую церковь Крестовоздвиженія и Распятія Господня. Въ этой маленькой церкви весь иконостасъ — трудовъ царевенъ, ризы шиты по разноцвѣтному атласу золотомъ и жемчугомъ. Придѣлъ Распятія Господня составляетъ укромное мѣсто молитвы съ лѣвой стороны церкви, огражденное иконостасами въ створцахъ подъ слюдой. Отсюда за рѣзной узорочной дверью — выходъ на хоры церкви Словущаго Воскресенія.

Возвращаясь къ чугунному коридору, который составлялъ въ старину, какъ уже сказали, сѣни обители семейства царскаго, вы поворотите на южной оконечности коридора на каменную лѣстницу, вновь устроенную, въ 1837 г., для сторонняго входа въ терема. Спустившись внизъ, темный коридоръ направо ведетъ въ церковь Воскрешенія

Лазаря. Это древній памятникъ русскаго бѣлокаменнаго зодчества. Въ лѣтописяхъ подъ 1339 годомъ упоминается уже объ этомъ храмѣ; но до 1392 г. онъ былъ деревянный. Въ этомъ году великая княгиня Евдокія, супруга в. к. Димитрія Донского, построила церковь св. Лазаря каменную, но уже придѣломъ къ храму Рождества Богородицы, находящемуся надъ нею.

Съ неизвѣстнаго времени храмъ Воскрешенія св. Лазаря былъ оставленъ, запустѣлъ подъ спудомъ зданія, заваленъ и застроенъ. Только въ лѣтописяхъ хранилась объ немъ память. При исправленіи теремного зданія, 1837 г., и пролома стѣны по случаю построенія новой лѣстницы, онъ обрѣтенъ съ уцѣлѣвшею внутри надписью на стѣнѣ „Ангелъ Господень трубитъ на землю“ и воззванъ волею императора Николая I къ бытію, какъ праведный Лазарь изъ гроба.

На мѣстѣ строенія, которое составляетъ теперь кавалерскій корпусъ, было отдѣленіе стараго дворца, въ которомъ также жило царское семейство. Оно разобрано за ветхостію въ 1809 г.; но многіе еще помнятъ находившуюся въ этомъ отдѣленіи золотую Ольгину палату, расписанную по золотому полю изображеніями происшествій изъ жизни св. княгини Ольги: отправленія ея въ Царьградъ, крещенія, сооруженія храмовъ, принятія пословъ и проч.

Противъ Ольгиной палаты зданіе принадлежало нѣкогда боярину Милославскому, тестю царя Алексѣя Михайловича, и здѣсь былъ Потѣшный дворецъ. Это первый театръ въ Россіи.

(По соч. Вельтманъ и др.).

Малый Николаевскій дворецъ.

Пространство, занимаемое дворцомъ, принадлежало нѣкогда Чудову монастырю. При императрицѣ Екатеринѣ построенъ былъ на этомъ мѣстѣ для митрополита московскаго домъ, освятившійся жизнію митрополита Платона. Къ пріѣзду блаженной памяти государя императора Александра Павловича, въ 1817 году, со всею царскою фамиліею на пепелище Москвы, чтобы возсоздать Москву, домъ митрополита отдѣланъ былъ для помѣщенія великаго князя Николая Павловича съ молодою супругою и въ томъ же году ознаменовался рожденіемъ первенца великаго князя Александра Николаевича. Съ тѣхъ поръ этотъ домъ принялъ названіе Николаевскаго дворца.

Оружейная палата.

Оружейная палата представляетъ собою собраніе памятниковъ русскаго быта, домашняго и государственнаго, военнаго и гражданскаго.

Оружейная палата издревле составляла важную принадлежность государева двора и заключала въ себѣ завѣтное царское оружіе, наступательное и оборонительное, холодное и огнестрѣльное, знамена и трофеи; тутъ же сохраняются государственныя

сокровища, состоящія въ священныхъ утваряхъ царскаго сана, разныхъ нарядахъ и узорочьяхъ, въ драгоцѣнныхъ камняхъ, посудѣ золотой и серебряной, разной рухляди, богатой конской сбруѣ и царскихъ экипажахъ.

Къ числу главнѣйшихъ достопримѣчательностей Оружейной палаты принадлежатъ **царскія регаліи.** Самою же древнѣйшею достопримѣчательностью считается корона, называемая **„Шапка Мономахова"**.

Когда въ 1116 г. Владиміръ Мономахъ послалъ свое войско воевать въ Грецію, и оно овладѣло Ѳракіею, то греческій императоръ, устрашенный русскими воинами и боясь большого кровопролитія, послалъ великому князю Владиміру Мономаху богатые дары и въ числѣ ихъ корону, называемую „Шапка Мономахова", а также цѣпь золотую съ наперснымъ крестомъ — „Животворящее древо" и бармы.

Дары эти были вручены Владиміру Мономаху въ Кіевѣ митрополитомъ ефесскимъ Неофитомъ, коимъ великій князь и былъ вѣнчанъ присланною короною и провозглашенъ царемъ Россійскимъ.

О „Шапкѣ Мономаховой" упоминаетъ царь Иванъ Грозный въ своемъ духовномъ завѣщаніи. Онъ говоритъ: „Благословляю сына моего Ивана—крестъ Животворящаго древа большой Цареградской, да крестъ Петра чудотворца, которымъ чудотворецъ благословилъ прародителя нашего великаго князя Ивана Даниловича и весь родъ нашъ. Да сына своего благословляю царствомъ Русскимъ, шапкою Мономаховскою и всѣмъ чиномъ царскимъ, что прислалъ нашему царю и великому князю Влади-

міру Мономаху царь Константинъ Мономахъ изъ Царяграда".

Этою шапкою вѣнчались на царство цари: внукъ Иванъ III, Димитрій Ивановичъ (1498 г.), Иванъ IV Васильевичъ Грозный (1547 г.), Θеодоръ I Ивановичъ (1584 г.), Борисъ Θеодоровичъ Годуновъ (1598 г.), Лжедимитрій (1605 г.), Василій VI Ивановичъ Шуйскій (1606 г.), Михаилъ I Θеодоровичъ Романовъ (1613 г.), Алексѣй I Михайловичъ (1645 г.) и Θеодоръ II Алексѣевичъ (1676 г.); всего совершено короною Мономаховою десять коронованій въ продолженіе 178 лѣтъ.

Корона Мономахова — малая, втораго наряда. По виду весьма сходна величиною, украшеніями и работою съ первою короною, называемою „Шапка Мономахова"; но золотыя дощечки, изъ коихъ она состоитъ, гладкія, а не чеканныя.

Скипетръ золотой, съ эмалью. На верхней его части корона съ крестомъ, утвержденная на двухъ двуглавыхъ орлахъ. Скипетръ украшаютъ 268 алмазовъ, 36 яхонтовъ и 15 изумрудовъ. На скипетрѣ наведены по эмали въ клеймахъ: Благовѣщеніе Пресвятыя Богородицы, Рождество Христово, Срѣтеніе Господне, Богоявленіе, Преображеніе Господне, Лазарево Воскрешеніе, Распятіе, Входъ въ Іерусалимъ, Θомино невѣріе, Воскресеніе и Вознесеніе Христово и Сошествіе Св. Духа.

Держава—золотой шаръ съ крестомъ, знакъ шара земного, покореннаго крестомъ. Шаръ украшенъ 32 алмазами, 123 яхонтами, 53 изумрудами, 6 бурмитскими зернами и 30 зернами кафимскими. На державѣ искусно изображено эмалью: помазаніе

Давида на царство пророкомъ Самуиломъ, побѣда Давида надъ Голіаѳомъ, возвращеніе послѣ побѣды и гоненіе отъ царя Саула. Регалія эта употреблялась также при вѣнчаніи на царство и въ другихъ торжественныхъ случаяхъ.

Крестъ золотой, въ кіотѣ, съ частью креста Господня и камня, покрывшаго гробъ Спасителя.

Цѣпь Мономахова золотая, присланная Владиміру Мономаху отъ греческаго императора. Она состоитъ изъ 88 плоскихъ колецъ, греческой сканной работы, вѣсъ 2 фун. и 17 зол., длиной 2 арш. 2 верш. Ею перепоясывались крестообразно черезъ оба плеча государи россійскіе. Подобныя цѣпи великихъ князей Іоанна Іоанновича 1355 г., Василія Димитріевича 1389 г. и Василія Темнаго 1425 г., царей: Ивана Васильевича 1533 г. и Михаила Ѳеодоровича 1613 г., — всѣ съ богословіемъ, полнымъ титуломъ царскимъ и соотвѣтственными текстами изъ священнаго писанія.

Бармы, или порамники, кои называются святыми по святости сана и по изображенію святыхъ. Утварь эта сдѣлана изъ золота съ финифтяными изображеніями святыхъ и греческими письменами. Преданіе говоритъ, что бармы также были присланы великому князю Владиміру Мономаху изъ Греціи въ 1116 г. вмѣстѣ съ прочими дарами. Бармы — завѣтную святыню эту — государи россійскіе возлагали на себя при вѣнчаніи на царство и при другихъ торжественныхъ случаяхъ, когда они являлись во всей лѣпотѣ своей.

Корона царства Казанскаго сдѣлана изъ золота съ чернью и украшена драгоцѣнными камнями. Ко-

рона эта сдѣлана была для послѣдняго царя Казани, крещеннаго въ Москвѣ въ 1553 г. и коронованнаго царемъ Иваномъ Васильевичемъ, который предоставилъ ему титулъ царскій. На этой коронѣ двѣнадцать золотыхъ городковъ, въ ознаменованіе 12-ти апостоловъ. Корону царства Казанскаго возлагалъ на себя царь Михаилъ Θеодоровичъ до 1627 г.

Корона царства Астраханскаго гораздо богаче казанской и отличается отъ нея также своимъ видомъ. Корона астраханская напоминаетъ о славѣ русскаго оружія, такъ какъ Астрахань — столица особаго татарскаго царства—была покорена и присоединена къ Россіи царемъ Иваномъ Васильевичемъ Грознымъ. Корона царства Астраханскаго сдѣлана была для царя Михаила Θеодоровича въ 1626 и 27 годахъ нѣмецкими мастерами въ Приказѣ золотыхъ дѣлъ. Въ первый разъ возложилъ на себя эту корону царь Михаилъ въ 1628 г., когда давалъ отпускную аудіенцію послу отъ турецкаго царя Мурата. Корона царства Астраханскаго называется еще „короною Михаила Θеодоровича".

Корона царства Сибирскаго сдѣлана изъ сукна, на подобіе высокой остроконечной шапки. Ее украшаютъ 30 алмазовъ, 100 яхонтовъ, 30 рубиновъ, 14 изумрудовъ и 15 бурмитскихъ зеренъ. Эта корона напоминаетъ о завоеваніи Сибири Ермакомъ Тимоθеевичемъ. Ермакъ, взявъ столицу сибирскую князя Кучума, захватилъ дѣтей его въ плѣнъ и вмѣстѣ съ короною прислалъ ихъ въ Москву въ 1580 г.

Короны царей Ивана и Петра Алексѣевичей; онѣ сдѣланы по образцу Мономаховыхъ для вѣнчанія на

царство этихъ царей въ 1682 г. Короны увѣнчаны крестами на яблокахъ и украшены алмазами, почему и называются алмазными.

Императорская корона императрицы Екатерины I самая богатѣйшая изъ всѣхъ царскихъ вѣнцовъ. Замѣчательна по своей необыкновенной отдѣлкѣ и отличается отъ древнихъ царскихъ вѣнцовъ своимъ видомъ и тѣмъ, что сходна съ европейскими императорскими коронами. Корона эта осыпана 2536 алмазами, кромѣ того въ ней 4 крупные яхонта, 17 лаловъ, 5 шпинаровъ, 1 винисъ и 1 хрусталь-смазень. Подъ крестомъ ея вставленъ рубинъ весьма значительной величины. Императорская корона сдѣлана по приказанію Петра Великаго, который самъ вѣнчалъ свою супругу въ 1724 году въ Успенскомъ соборѣ. Этою же короною вѣнчались на царство Петръ II и Анна Іоанновна.

Корона Станислава-Августа, послѣдняго короля польскаго, — золотая съ крестомъ на верху, гладкая безъ всякихъ украшеній. Король Августъ умеръ въ Петербургѣ въ 1798 году.

Корона царства Грузинскаго, вылитая изъ золота и украшена каменьями; на верху яблоко и крестъ золотые же. Она служитъ какъ бы напоминаніемъ о покореніи этого царства и присоединеніи его къ Россіи.

Троны: Тронъ Мономаховъ — самый древній; сдѣланъ изъ орѣховаго дерева. Онъ весь украшенъ различными изображеніями и подписями. Тронъ этотъ служилъ для вѣнчанія царей до Петра I.

Престолъ (тронъ), или кресло греческое, сдѣланное изъ слоновой кости. Оно поднесено Ивану Ва-

сильевичу III греческими послами, сопровождавшими въ Москву невѣсту его, дочь Ѳомы Палеолога.

Престолъ царя Бориса Годунова, на подобіе дивана. Онъ украшенъ драгоцѣнными камнями и поднесенъ въ даръ царю въ 1605 г. персидскимъ шахомъ Аббасомъ, который хотѣлъ подаркомъ этимъ показать свое уваженіе къ царю русскому и удивить множествомъ драгоцѣнностей.

Престолъ царя Михаила Ѳеодоровича также на подобіе дивана. Онъ не такъ роскошенъ, какъ престолъ Годунова, но для сердца русскаго онъ имѣетъ священное значеніе, потому что этотъ тронъ родоначальника нынѣ царствующаго дома Романовыхъ.

Престолъ царя Алексѣя Михайловича замѣчателенъ своимъ убранствомъ драгоцѣнными камнями, въ числѣ которыхъ однихъ алмазовъ 867.

Двойной тронъ царей Ивана и Петра Алексѣевичей,—раздѣленъ на двое. Пустота позади сидѣнія плотно задергивается бархатомъ. Полагаютъ, что въ этой пустотѣ скрывалась Софья Алексѣевна, которая отсюда подсказывала малолѣтнимъ братьямъ, что они должны были говорить на аудіенціяхъ.

Посохи: посохъ серебряный, чеканный. При избраніи Михаила Ѳеодоровича Романова посольство вручило ему этотъ посохъ, какъ знакъ самодержавной власти. Посохъ принадлежалъ Ивану Даниловичу Калитѣ, которому подарилъ его митрополитъ Петръ.

Жезлъ великаго князя Василія Димитріевича сдѣланъ изъ золота и обильно осыпанъ камнями; подаренъ онъ греческимъ императоромъ Мануиломъ Палеологомъ.

Жезлъ изъ бѣлой кости, принадлежавшій Ивану Грозному. Онъ оправленъ въ позолоченное серебро; имѣетъ острый желѣзный наконечникъ.

Посохъ причастный обложенъ перламутромъ. Онъ употреблялся царями въ тѣ дни, когда они причащались.

Тросточка царевны Софьи Алексѣевны, съ рукояткой изъ краснаго сердолика, съ каменьями.

Трость чернаго дерева въ золотой оправѣ; она принадлежала Екатеринѣ I.

Булавы: Золотая булава, сквозная, украшенная финифтью и камнями. Она называется Новгородскою и напоминаетъ о власти новгородскихъ посадниковъ.

Булава казанскаго царя Махмета-Аминя.

Булава малороссійскаго гетмана Богдана Хмѣльницкаго. Поднесена въ 1634 г. царю Алексѣю Михайловичу самимъ гетманомъ, при поступленіи Малороссіи въ подданство Россіи.

Драгоцѣнная золотая булава, подаренная султаномъ Селимомъ III императрицѣ Екатеринѣ II, по случаю Ясскаго мира въ 1793 г.

Знамена: Знамя временъ Ивана Васильевича IV. Оно было взято въ походъ на Казань и развѣвалось надъ стѣнами покоренной Казани, а также было и при походѣ на новгородцевъ. На одной сторонѣ его вышитъ шелками образъ Спасителя. Знамя это священно для каждаго русскаго, такъ какъ подъ этимъ знаменемъ нерѣдко стояли наши цари во время боя.

Знамя царя Алексѣя Михайловича, съ изображеніемъ Димитрія Донского и Александра Невскаго.

Знамя Михаила Өеодоровича.

Знамя государственное двухъ братьевъ, царей Ивана и Петра Алексѣевичей. Оно сдѣлано при Петрѣ I и употребляется при коронованіи государей и ихъ погребеніи. Оно шелковое, желтаго цвѣта, въ серединѣ двуглавый орелъ, увѣнчанный императорскими коронами. Копье древка вызолочено, шнуры и кисти золотые; вокругъ всего полотна золотая бахрома.

Мечи: Мечъ Мстислава Владиміровича, вступившаго на престолъ въ 1125 году. Онъ о двухъ лезвіяхъ, на клинкѣ золотая насѣчка и имя великаго князя. Длина его 1 арш. 7 верш. Тутъ же нѣсколько мечей временъ царя Ивана Грознаго, нѣсколько стрѣлецкихъ кортиковъ, палаши, палашъ и шпага Петра великаго; булатъ Екатерины II, присланный султаномъ; шпага Станислава-Августа; щитъ царя Алексѣя Михайловича, сдѣланный изъ валеной шерсти и оправленный въ серебро; колчаны царей Алексѣя Михайловича и Өеодора Алексѣевича, оба великолѣпной работы, съ золотою отдѣлкою и драгоцѣнными камнями, и ружье императрицы Елизаветы Петровны, съ ея вензелемъ, мѣстами оно осыпано бриллiантами.

Шлемы: Князя Мстислава Владиміровича,—самая древняя вещь въ Оружейной палатѣ; шлемъ весь стальной, съ небольшимъ гребнемъ и съ наушниками, но безъ забрала. Шлемъ Александра Невскаго, изъ полированной стали; на немъ—изображеніе главы Михаила архангела. Шлемъ Алея, царя казанскаго. Шлемъ императрицы Елизаветы Петровны, украшенъ чеканнымъ золотомъ. При немъ

находится и галстухъ ея, который императрица одѣвала при мужскомъ платьѣ.

Доспѣхи: Въ числѣ доспѣховъ замѣчательны доспѣхи Димитрія Донского, броня князя Петра Шуйскаго и доспѣхъ царя Михаила Ѳеодоровича, латы и наколѣнники изъ полированной стали съ насѣчкою изъ золота и серебра. Тутъ же находится и знаменитый трофей полтавской побѣды — носилки Карла XII, взятыя во время сраженія.

Кромѣ описанныхъ царскихъ регалій въ Оружейной палатѣ—множество конскихъ уборовъ царей, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательно сѣдло императрицы Екатерины II, присланное турецкимъ султаномъ. Вмѣстѣ съ чепракомъ, оно осыпано множествомъ брилліантовъ и драгоцѣнныхъ камней. Сѣдло цѣнится болѣе 200 тысячъ руб. серебромъ.

Таковы драгоцѣнности и достопримѣчательности, хранящіяся въ Оружейной палатѣ, этой государственной сокровище - хранительницѣ. Сокровища древности напоминаютъ намъ о бытѣ древней Руси, о царскихъ обычаяхъ и невольно вызываютъ рядъ воспоминаній изъ исторіи нашего русскаго государства.

(По кн. „Москва Бѣлокаменная“).

Синодальный домъ.

Съ сѣверной стороны Успенскаго собора расположено старинное зданіе синодальнаго, бывшаго патріаршаго дома или патріаршей Крестовой палаты. Оно выстроено патріархомъ Никономъ въ 1655 году. Здѣсь находится примѣчательная церковь во имя Собора Святыхъ Двунадесяти Апостоловъ или синодальная нижняя, именуемая также патріаршею; освящена 1723 года; верхняя же церковь св. апостола Филиппа освящена 1656 года. Церковь эта была домовою патріарховъ русскихъ, и теперь еще въ западной стѣнѣ ея сохраняется патріаршее мѣсто. На престолѣ сего храма хранится алавастръ со святымъ мѵромъ, никогда не изсякаемымъ.

Въ этомъ домѣ помѣщается также синодальная контора и сохраняется книгохранилище. При первомъ вступленіи въ домъ, все представляющееся взорамъ отличается древностію и внушаетъ чувство благоговѣнія къ сему мѣсту: эта лѣстница, совсѣмъ не похожая на нынѣшнія парадныя, эти сѣни и коридоры, безъ всякой правильной формы, освѣщаемые малыми окошками съ желѣзными рѣшетками, каменный помостъ переходовъ и, наконецъ, царствующая здѣсь какая-то мрачность вливаютъ въ душу посѣтителя удивленіе и невольно заставляютъ вспомнить минувшее. Здѣсь 1656 года патріархъ Никонъ торже-

ственно встрѣчалъ царя Алексѣя Михаиловича, возвратившагося побѣдителемъ надъ поляками, здѣсь царь сей принималъ его благословеніе, здѣсь бывалъ угощаемъ имъ, здѣсь бесѣдовалъ съ нимъ. Кто изъ россіянъ и даже изъ иноземцевъ, знающихъ исторію Россіи, не захотѣлъ бы посмотрѣть того мѣста, гдѣ жилъ сей шестой патріархъ нашъ, умный и отличный по дѣятельному усердію своему къ вѣрѣ и просвѣщенію? Исправленіе церковныхъ книгъ и различныя другія учрежденія церковныя свидѣтельствуютъ ревность его въ исполненіи обязанностей верховнаго первосвятителя. Патріархъ сей любилъ наружную пышность, имѣлъ завистниковъ, враговъ и пострадалъ отъ нихъ.

Изъ священныхъ предметовъ патріаршей ризницы, помѣщающейся теперь подъ колокольнею Ивана Великаго, особенно чтимы и достопокланяемы:

1. Части ризы Господней, животворящаго древа креста Господня, камня гроба Господня, камня пещеры Виѳлеемской, камня гроба Пресвятыя Богородицы и др.; также части мощей святыхъ, отъ которыхъ, въ случаѣ требованія отъ преосвященныхъ архіереевъ, отдѣляются, съ разрѣшенія московской Св. Синода конторы, небольшія частицы для антиминсовъ и препровождаются въ епархіи.

2. Много крестовъ напрестольныхъ, наперсныхъ, тѣльныхъ и походныхъ или предносныхъ патріаршихъ; особо благоговѣйнаго вниманія заслуживаетъ напрестольный крестъ изъ части животворящаго древа креста Господня.

3. Изъ тридцати панагій примѣчательны: золо-

тая панагія св. Петра митрополита, три панагіи патріарха Іова, панагія патріарха Гермогена и замѣчательная по цѣнности панагія изъ одного изумруда чистой воды, величиною $^{3}/_{4}$ вершка, осыпанная вокругъ также изумрудами; на ней вырѣзано изображеніе Спасителя, сѣдящаго на престолѣ.

4. Пять митръ патріаршихъ.

5. Изъ 41 саккоса обращаютъ вниманіе: саккосъ св. Петра митрополита, саккосъ Фотія митрополита,—на поляхъ его вышитъ золотомъ по-гречески символъ православной вѣры; другой такой же саккосъ митрополита Фотія, саккосы митрополитовъ и патріарховъ русскихъ.

6. Изъ 10 омофоровъ заслуживаетъ особаго вниманія омофоръ св. Вселенскаго собора перваго, принадлежавшій святѣйшему Александру, патріарху александрійскому.

Кромѣ множества другихъ предметовъ архіерейскаго облаченія — епитрахилей, палицъ, поручей, стихарей, посоховъ, мантій и клобуковъ,—въ ризницѣ сохранилось носильное платье патріарха Никона, его пуховая шляпа, разные предметы домашняго обихода: блюда, мисы, тарелки, кубки, братины, кружки, ковши и т. п.

Здѣсь же хранятся и сосуды, въ коихъ приготовляется и хранится св. мѵро, приготовляемое въ Москвѣ черезъ каждые два года. Къ этимъ сосудамъ относятся: два серебряныхъ, золоченыхъ котла (одинъ — 5 пуд. 32 ф. 12 зол., а другой — 5 пуд. 24 ф. и 45 зол.), серебряная вызолоченная кадь (11 пуд. 25 фун. и 47 зол.), четыре серебряныхъ золоченыхъ ковша (21 фун. 27 зол.), 16 серебря-

ныхъ вызолоченныхъ кувшиновъ для храненія св. мѵра (16 пуп. 7 ф. и 17 зол.) и мѣдный узкогорлый, покрытый перламутровою чешуею, алавастръ. Алавастръ сей присланъ былъ изъ Константинополя въ Кіевъ при введеніи христіанства въ Россіи. По древнему обычаю, при освященіи мѵра въ Великій четвергъ, изъ алавастра вливается въ каждый сосудъ нѣсколько капель хранимаго въ немъ издревле мѵра, а затѣмъ алавастръ опять пополняется вновь освященнымъ мѵромъ, дабы никогда не изсякалъ сей священный источникъ.

Въ этомъ же зданіи помѣщается патріаршая, нынѣ Синодальная, библіотека, содержащая въ себѣ большое количество (свыше 1500) древнѣйшихъ рукописныхъ книгъ, греческикъ и русскихъ.

(По соч. архим. Саввы и др.).

Зданіе судебныхъ установленій, прежде Сенатъ.

Московскіе департаменты Правительствующаго Сената до 1790 года помѣщались въ Императорскихъ палатахъ, построенныхъ при императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, между тѣмъ какъ для нихъ созидалось уже съ 1771 года настоящее величественное зданіе. Строеніе производилось по фасаду и планамъ извѣстнаго архитектора Казакова и заняло мѣсто между Никольскими воротами и Чудовымъ монастыремъ. Послѣ перевода департаментовъ Сената въ Петербургъ, это зданіе заняли учрежденія новыхъ судовъ.

Арсеналъ.

Арсеналъ заложенъ Петромъ Великимъ въ 1702 году. Строеніе кончено было въ 1736 году. Въ 1812 году большая половина со стороны Никольскихъ воротъ подорвана французами. Окончательное исправленіе, внутренняя отдѣлка и необъятный запасъ оружія и военной аммуниціи, помѣщающійся здѣсь, принадлежитъ заботливому царствованію императора Николая I. Тутъ, какъ основное знамя русской славы, хранится знамя Петра Великаго съ его портретомъ въ гербѣ имперіи; кромѣ того, много ветхихъ древнихъ знаменъ полковъ россійской арміи, знаменъ турецкихъ и, между прочимъ, знамя и пищали Пугачева. Вокругъ арсенала, на гранитномъ возвышеніи, лежатъ рядами потухшіе громы Наполеона—болѣе 800 орудій всѣхъ народовъ, составлявшихъ армію французскую.

(По соч. Вельтмана).

Воробьевы горы.

Не горятъ златыми льдами,
Ни пурпурными снѣгами,
Средь небесной синевы,
Ихъ вѣнчанныя главы;
Съ ребръ не хлещутъ водопады;
Бездны, воя и шумя,
Не страшатъ пришельца взгляды,
Ни пугливаго коня;
Но люблю я эти горы
Въ простотѣ веселой ихъ,
Ихъ обрывы, ихъ оборы
Перелѣсковъ молодыхъ.
Тамъ любилъ я, въ полдень жаркій,
Въ тишинѣ бродить. Вдали
Предо мною лентой яркой
Волны рѣзвыя текли;
Прилеталъ порой тяжелый,
Звучный гулъ колоколовъ,
И блисталъ, какъ бы съ престола,
Между доловъ и холмовъ,
Сердце Руси православной,
Градъ святой, перводержавной,
Вѣковой—Москва сама,
И сады ея густые,
И пруды заповѣдные,
Колокольни, терема,
Кровель море разливное,
И, въ торжественномъ покоѣ,
Между ними, въ вышинѣ,
Кремль старинный, сановитый,
Нашъ алтарь, въ крови омытый
И искупленный въ огнѣ.

Съ этихъ поръ святой вершины
Страшный міру исполинъ
Устремлялъ свой взоръ орлиный
На московскія равнины
И огни своихъ дружинъ.
«Вотъ, онъ мнилъ: вѣнецъ желанный,
Плодъ трофеевъ и утратъ!
Мы отсюда дланью бранной
Спеленаемъ сѣверъ льдяный,
Сдавимъ гордый Араратъ:
И пустынные народы
Предо мной копье склонятъ.
И до-полюсныя воды
У моихъ восплещутъ пятъ!
Мнѣ-ль ты царство устрояла,
Вѣнценосная жена?
Для меня-ль ты насаждала
Здѣсь величья сѣмена?
Я пожалъ ихъ въ бранномъ дымѣ:
Царство Руссовъ—мнѣ дано!
И заблещетъ здѣсь оно
Въ европейской діадемѣ
Какъ азійское зерно».

Такъ онъ мнилъ: вѣнецъ нетлѣнный,
Міра кровью окропленный,
Зрѣлъ надъ гордой головой,
И сжималъ весь кругъ вселенной
Скиптроносною рукой;
А межъ тѣмъ, угрюмъ и страшенъ,
Мракъ спускался на поля,
И вокругъ кремлевскихъ башенъ
Кралась пламени змѣя.

Ап. Майковъ.

Красная площадь.

При выходѣ изъ Кремля чрезъ Спасскія ворота, взору путника представляется знаменитая **Красная площадь.** На восточной части огромнаго и ровнаго пространства ея, съ самаго начала площади, возвышается постоянная принадлежность ея— **Лобное мѣсто.** Оно представляетъ собою каменный помостъ съ такимъ же вокругъ обводомъ и лѣстницею.

Съ самыхъ отдаленныхъ временъ, а, можетъ-быть, даже со времени основанія Москвы, Красная площадь съ Лобнымъ мѣстомъ была свидѣтельницею и позорищемъ событій горестныхъ и утѣшительныхъ. Посмотрите на сію стѣну Кремля, обращенную къ площади. Это—то мѣсто, на которое при осадахъ Москвы болѣе всего нападали враги; посмотрите на нее, и воображенію вашему представится, какъ предки наши въ полномъ вооруженіи своего времени стояли на ней между зубцами и съ хладнокровнымъ мужествомъ отражали нападеніе непріятелей. Тучи стрѣлъ летѣли на Кремль, трупы убитыхъ валились со стѣнъ, но храбрые не ослабѣвали: они заступали мѣста поверженныхъ, поражали враговъ, дерзавшихъ приблизиться къ стѣнамъ, и трупами ихъ устилали сію площадь; дер-

Торговые ряды. Памятникъ Минину и Пожарскому. Лобное мѣсто. Василій Блаженный. Спасскія ворота.

Красная площадь.

зость враговъ находила всегда у стѣнъ сихъ сопротивленіе, и нерѣдко, покрытые стыдомъ, враги отступали, устлавъ Красную площадь тѣлами собственныхъ воиновъ.

Вспомнимъ нѣкоторыя событія, содѣлывающія Лобное мѣсто съ Красною площадью столь достопамятными для русскаго. Красная площадь огласилась побѣдными кликами Пожарскаго и Минина, и здѣсь снова явилась милость Божія надъ Москвою въ указаніи Михаила Романова для успокоенія, счастія и славы Россіи. Съ Лобнаго мѣста Авраамій возвѣстилъ народу избраніе въ цари юнаго Михаила, совершившееся на Троицкомъ подворьѣ; отсюда радостная вѣсть сія пронеслась по всѣмъ концамъ государства и была принята единодушно. Съ Лобнаго мѣста окроплялъ святою водою знаменитый Никонъ доблестнаго царя Алексѣя Михаиловича и несмѣтную рать его, готовую выступить въ славный походъ, коего плодами было возвращеніе отъ поляковъ древнихъ русскихъ городовъ: Вязьмы, Дорогобужа, Смоленска и другихъ. Въ царствованіе Θеодора Алексѣевича видѣли подобное зрѣлище,— видѣли, какъ патріархъ Іоакимъ благословлялъ, окропляя грозное ополченіе, собранное въ защиту Кіева и Украйны отъ турокъ, и возложилъ на князя Черкасскаго крестъ Константина, а на Долгорукова— икону Сергія Радонежскаго.

Издревле, почти съ самаго основанія Москвы, Красная площадь была средоточіемъ Москвы; и въ горѣ и въ радости московскіе жители стекались сюда послушать новостей, узнать, что положено на думѣ царской. Забудемъ ли также, что на сей

площади происходили извѣстныя во времена Ѳеодора Алексѣевича семейныя судилища? Гражданинъ, сошедшій съ пути своихъ обязанностей, увѣщаваемъ былъ сперва въ кругу своего семейства, ежели увѣщанія не дѣйствовали, тогда старцы призывали его на Красную площадь, гдѣ, предъ лицомъ всего народа, уличали его въ дурномъ поведеніи, снова увѣщавали и давали время на исправленіе; но если и эта мѣра была недѣйствительна, тогда старцы-судьи дѣлались обвинителями преступника предъ закономъ. Впослѣдствіи видѣли здѣсь грамотныхъ писцовъ и подьячихъ, предлагавшихъ услуги свои въ сочиненіи просьбъ и жалобъ. Было также обыкновеніе среди москвичей стричь себѣ волосы на Красной площади у посольскаго двора, особенно въ Великій четвертокъ.

И нынѣ Красная площадь не менѣе многолюдна и шумна. И нынѣ съ утра до вечера волнуются вокругъ Лобнаго мѣста пестрыя толпы народа, стучатъ и гремятъ кареты, дрожки и разныя повозки, скачутъ со всѣхъ сторонъ верховые, тянутся безконечные обозы, воздухъ оглашается разными криками и звонкими голосами. Лобное мѣсто не сторожитъ уже Царь-пушка съ подобными ей исполинами, обращенными для защиты Кремля, а иногда обращавшимися и противъ него. Одна промышленность, одна мирная торговля оживляютъ здѣсь безпрерывную дѣятельность при неимовѣрномъ стеченіи народа. Здѣсь сосредоточена торговля не только всей Москвы, но и всего государства, а потому можно получить здѣсь понятіе не только о духѣ русскаго народа, но и объ отношеніи столицы ко

всей имперіи. Изрѣдка еще на Лобномъ мѣстѣ является другое поразительнѣйшее зрѣлище, котораго ни описать, ни представить на картинѣ невозможно, но надобно видѣть, когда крестный ходъ останавливается здѣсь для совершенія съ колѣнопреклоненіемъ торжественнаго молебствія. Едва заколеблются хоругви на Лобномъ мѣстѣ, едва послышится пѣніе церковнаго клира, и ярко заблистаетъ свѣча на поднятомъ вверхъ фонарѣ, какъ тысячи людей, доселѣ шумныхъ, неукротимыхъ, какъ волны морскія, дѣлаются неподвижными и тихо, въ умиленіи сердечномъ, возносятъ мольбы свои къ престолу Всевышняго, при пѣніи духовнаго клира и моленіи церковнослужителей, блистающихъ золотыми парчами облаченій въ дыму ѳиміама, какъ бы въ нѣкоемъ облакѣ.

Названіе **Лобнаго** встрѣчается въ лѣтописяхъ русскихъ съ незапамятныхъ временъ и, судя по смыслу подобнаго слова въ священномъ писаніи, всегда означало возвышенное мѣсто, въ чемъ убѣждаетъ и самый видъ его.

Красная площадь въ древности не была такъ обширна, какъ нынѣ. Намъ извѣстно, что на ней находилось нѣсколько церквей и множество деревянныхъ домовъ частныхъ лицъ. Лѣтописи говорятъ, что богатый купецъ Тараканъ выстроилъ здѣсь, по правую сторону Спасскихъ воротъ у кремлевской стѣны, первый каменный домъ, бывшій долго предметомъ удивленія московскихъ жителей. Въ царствованіе Іоанна III очистили мѣсто около кремлевской стѣны, но впослѣдствіи предписаніе не наблюдалось, и въ царствованіе Алексѣя Михайловича

уже подтверждено было обывателямъ не строиться близко къ кремлевской стѣнѣ. Но окончательное очищеніе площади послѣдовало послѣ московскаго пожара 1812 года; тогда сломали ряды, которые протягивались отъ Спасскихъ до Никольскихъ воротъ подлѣ Кремля, и лавки на Спасскомъ мосту черезъ ровъ, а также строеніе около Василія Блаженнаго. Теперь Красная площадь составляетъ въ длину 135 и въ ширину 75 саженъ. Съ правой стороны она простирается вдоль кремлевской стѣны а съ лѣвой почти всю длину ея занимаетъ великолѣпное новое зданіе Верхнихъ торговыхъ рядовъ. Съ восточной стороны Красная площадь оканчивается Покровскимъ соборомъ, или церковью Василія Блаженнаго, а съ западной—Казанскимъ соборомъ и Воскресенскими воротами съ часовней Иверской Божіей Матери. Единственнымъ и достойнѣйшимъ украшеніемъ самой площади служитъ великолѣпный памятникъ изъ бронзы Минину и Пожарскому.

(По соч. Свиньина и др.).

Церковь Василія Блаженнаго.

Подъ именемъ Василія Блаженнаго извѣстенъ Покровскій соборъ, что на рву (теперь уже не существующемъ), близъ Спасскихъ воротъ.

Въ память взятія Казани царь Иванъ Васильевичъ уже въ 1553 году приказалъ поставить деревянную церковь св. Троицы на краю рва, который шелъ отъ Кремля къ Китай-городу, вблизи Фроловскихъ воротъ (нынѣ Спасскихъ). Къ этому храму былъ пристроенъ еще храмъ Покрова Богородицы съ нѣсколькими придѣлами. Въ 1555 году, послѣ взятія Астрахани, благодарный государь, желая ознаменовать завоеваніе татарскихъ царствъ, повелѣлъ разобрать эти деревянные храмы и на мѣстѣ ихъ воздвигнуть каменные, съ церковью Покрова Богородицы, какъ главной въ серединѣ, и съ восемью вокругъ нея придѣлами, каковы: Живоначальныя Троицы, Александра свирскаго, Варлаама хутынскаго, Николы вятскаго, Купріана и Іустиніи, Входа во Іерусалимъ и др.

По наружному виду Покровскій соборъ представляетъ замѣчательную и единственную церковь въ мірѣ. Онъ сосредоточиваетъ въ себѣ нѣсколько небольшихъ, совершенно отдѣльныхъ другъ отъ друга, церквей, составляющихъ вмѣстѣ одно величествен-

Церковь Василія Блаженнаго. Лобное мѣсто.

ное зданіе собора. Въ немъ можно служить одновременно во всѣхъ придѣлахъ, и пѣніе одного придѣла совершенно не слышно въ другомъ. Надъ каждымъ почти придѣломъ возвышается глава, отличающаяся одна отъ другой размѣромъ, стилемъ и окраскою. Одна винтообразная, другая острая въ видѣ пирамиды, та чешуйчатая съ круглымъ куполомъ, другая продолговатая, одна зеленая, другая красная съ золотыми звѣздами и т. п.

Покровскій соборъ, воздвигнутый царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ, продолжали строить и послѣдующіе за нимъ цари. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ обрѣтены были мощи св. Василія блаженнаго, и надъ мощами сего угодника устроена серебряная рака съ драгоцѣнными украшеніями. Съ того времени и Покровскій соборъ сталъ называться церковью св. Василія Блаженнаго.

Главною святынею Покровскаго собора почитаются святыя мощи Василія блаженнаго и Іоанна Христа-ради юродивыхъ, почивающихъ здѣсь подъ спудомъ.

Св. Василій блаженный былъ сынъ благочестивыхъ родителей — поселянъ. Имя отца его было Іаковъ, а матери — Анна. Званіе и происхожденіе Василія не обѣщали ему въ будущемъ ничего, кромѣ бѣдности, какую несли его родители. Василій скоро отданъ былъ въ ученье къ одному сапожному мастеру, жившему въ ближнемъ посадѣ Москвы. Покорный волѣ родителей и прилежный ученикъ былъ понятливъ и усердно занимался работою. Наслѣдовавъ отъ родителей своихъ благочестіе и добрыя качества, онъ скоро почувствовалъ въ себѣ

призванiе къ духовной жизни и началъ труды свои соединять съ молитвою, богомыслiемъ и другими духовными подвигами, такъ что скоро сдѣлался сосудомъ благодати Божiей, которая озаряла и подкрѣпляла его въ подвигахъ духовнаго житiя. Св. Василiй еще съ раннихъ лѣтъ удостоился дара прозорливости, которая въ первый разъ открылась въ немъ при слѣдующемъ случаѣ. Однажды, когда замѣтили Василiя смѣющимся и спросили его о причинѣ смѣха, то онъ отвѣчалъ: „Мнѣ страннымъ показалось, что посадскiй человѣкъ заказывалъ сшить сапоги на нѣсколько лѣтъ, тогда какъ онъ умретъ завтрашнiй день“. Предсказанiе Василiя сбылось на самомъ дѣлѣ. Въ скоромъ времени блаженный Василiй оставилъ свое мастерство и даже родителей, надѣлъ на себя тяжелыя вериги и началъ юродствовать: жилъ на улицахъ, площадяхъ, ежедневно ходилъ въ церковь на богослуженiе, ночи проводилъ въ неусыпной молитвѣ, зимою и лѣтомъ ходилъ босымъ, терпѣлъ нищету и всякаго рода лишенiя. Такую жизнь св. Василiй проводилъ до самой своей кончины. Любовь и уваженiе народа къ блаженному Василiю, внушаемыя его благочестивыми подвигами, открывали ему невозбранный доступъ къ самому царю. Наслышавшись о подвижнической жизни св. Василiя, царь Iоаннъ Васильевичъ Грозный однажды призвалъ его къ себѣ во дворецъ и велѣлъ поднести ему чарку вина. Блаженный, принявъ ее, вылилъ вино въ растворенное окно. Царь приказалъ налить ему другую, и св. Василiй сдѣлалъ то же. Тогда царь съ гнѣвомъ спросилъ юродиваго: „Зачѣмъ онъ такъ безчестно по-

ступаетъ съ государевымъ жалованьемъ?“ —„Тушу пожаръ въ Новгородѣ“, — отвѣчалъ блаженный. Вскорѣ вѣсть о пожарѣ въ Новгородѣ оправдала слова Василія. Св. Василій блаженный былъ и великимъ молитвенникомъ предъ Богомъ и своими молитвами неоднократно избавлялъ Москву отъ грядущаго гнѣва Божія. Такъ, въ 1521 году, когда подступили къ Москвѣ татары и грозили ей опустошеніемъ, тогда св. Василій пламенно молился подлѣ Успенскаго собора; въ храмѣ слышенъ былъ шумъ, виднѣлся летавшій тамъ пламень, раздавался голосъ отъ чудотворной Владимірской иконы Богоматери, обличавшій москвитянъ въ беззаконіяхъ, но теплая слезная молитва юродиваго усиливалась. Шумъ вскорѣ умолкъ, пламень угасъ. Это было предвѣстіемъ спасенія Москвы и всей Россіи отъ нашествія татаръ. Незадолго до своей кончины св. Василій впалъ въ тяжкую болѣзнь, и царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный неоднократно посѣщалъ его предъ смертію. Св. Василій скончался на 88 году своей жизни, въ 1552 году, августа 2 дня, и похороненъ при прежней церкви св. Троицы, на мѣстѣ которой и воздвигнутъ Покровскій соборъ.

Неподалеку отъ гробницы св. Василія блаженнаго находится другая гробница—св. Іоанна Христаради юродиваго.

Св. Іоаннъ юродивый родился въ Вологдѣ. Онъ съ юныхъ лѣтъ началъ проводить духовную жизнь и для болѣе строгаго подвижничества онъ надѣлъ на себя желѣзныя вериги и юродствовалъ въ Москвѣ. Царь Борисъ Годуновъ всегда чтилъ блаженнаго Іоанна за его подвиги и благочестіе.

Св. Іоаннъ юродивый скончался въ 1599 году и погребенъ былъ въ Покровскомъ соборѣ, въ придѣлѣ Рождества Богородицы, гдѣ и св. мощи его почиваютъ подъ спудомъ.

Во времена всероссійскихъ патріарховъ къ Покровскому собору совершался въ недѣлю Ваій обрядъ шествія патріарха на осляти, напоминавшій собою шествіе самого Іисуса Христа въ Іерусалимъ на вольныя страданія и смерть. Этотъ обрядъ совершался отъ Успенскаго собора, въ сопровожденіи самого царя, бояръ и народа, съ вѣтвями ваій.

Въ настоящее время въ этотъ соборъ каждогодно 1-го октября совершается крестный ходъ изъ Успенскаго собора, въ память взятія Казани.

(По соч. архим. Іосифа и др.).

Казанскій соборъ.

Казанскій соборъ, въ честь чудотворной Казанской иконы Божіей Матери, построенъ по обѣту князя Димитрія Михайловича Пожарскаго, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ память избавленія Москвы и всего Русскаго царства отъ нашествія поляковъ въ 1612 году. Въ этомъ соборѣ была поставлена и чудотворная икона Богоматери, перенесенная Петромъ Великимъ въ основанный имъ Петербургъ.

Въ 1579 году въ городѣ Казани въ одномъ благочестивомъ семействѣ явилась Божія Матерь одной дѣвицѣ и повелѣла ей, дабы взяли икону Ея изъ нѣдръ земли, при чемъ указала и мѣсто, гдѣ она была сокрыта. „Я видѣла во снѣ, — говорила дѣвица, — икону Божіей Матери, отъ которой исходило ужасное пламя, устремлявшееся на меня, и слышала голосъ, говорящій: если ты не повѣдаешь глаголовъ Моихъ, то погибнешь“. Когда стали копать землю на указанномъ дѣвицею мѣстѣ, то обрѣли св. икону, какъ бы новоначертанную. Тогдашній архіепископъ казанскій Іеремія, со всѣмъ духовенствомъ и народомъ, совершилъ крестный ходъ къ чудотворной иконѣ и съ великою честію препроводилъ ее въ ближній храмъ св. Николая. Когда сія новоявленная икона сдѣлалась извѣстною въ городѣ, то всѣ благочестивые христіане стали стекаться къ этому новому источнику благодати; день и ночь совершались молебствія передъ чудотворною иконою Богоматери, при чемъ слѣ-

довалъ рядъ чудотвореній. По благочестивому желанію тогдашняго царя Іоанна Васильевича Грознаго снятъ былъ списокъ съ новоявленной Казанской иконы и присланъ былъ въ Москву. Съ того времени и установлено было Церковью празднованіе Казанской иконѣ Богоматери 8 іюля въ честь Ея явленія.

Когда въ 1611 году было нашествіе на Москву поляковъ, и всѣ сыны Русскаго царства ополчились противъ враговъ, тогда принесена была къ Москвѣ самая чудотворная Казанская икона Богоматери, и всѣ обратились къ ней съ молитвою о помощи и заступленіи, при чемъ заповѣданъ былъ трехдневный постъ. Черезъ нѣсколько времени благочестивый греческій архіепископъ Арсеній удостоился въ сонномъ видѣніи получить извѣщеніе, что Господь, по молитвѣ Божіей Матери, низложитъ враговъ, и первопрестольный градъ россійскій — Москва—будетъ возвращенъ православнымъ христіанамъ. Ободренные такимъ утѣшеніемъ русскіе воины мужественно стояли противъ враговъ. Поляки потерявъ надежду на побѣду, оставили Кремль и Москву. Въ слѣдующій воскресный день совершенъ былъ крестный ходъ съ Казанскою иконою Богоматери на Лобное мѣсто для благодарственнаго молебствія Господу Богу за избавленіе Москвы отъ враговъ. Въ память сего избавленія Москвы отъ поляковъ 22-го октября Церковь каждогодно празднуетъ этотъ день въ честь Казанской иконы Богоматери, а въ Москвѣ совершается крестный ходъ изъ Успенскаго въ Казанскій соборъ.

(То же).

Памятникъ Минину и Пожарскому.

На срединѣ Красной площади, противъ Кремля, стоитъ вылитый изъ бронзы памятникъ гражданину Минину и воеводѣ князю Пожарскому. Мининъ стоитъ передъ больнымъ княземъ Пожарскимъ, указываетъ на Кремль и, вручая ему мечъ отъ лица отечества и щитъ съ изображеніемъ Спасителя, какъ бы говоритъ: „Поспѣшимъ спасти Москву и отечество!“ Взоры сидящаго на постели Пожарскаго обращены къ небу и выражаютъ молитву: „Боже, Спаситель нашъ! Ополчи немощную руку мою и благослови начинаніе наше!“ Подножіе памятника украшаютъ двѣ бронзовыя выпуклыя картины (барельефы). На одной представлено, какъ нижегородскіе крестьяне сносятъ на площадь свое имущество и ведутъ сыновей своихъ для всеобщаго вооруженія. На другой изображено бѣгство поляковъ изъ Кремля и преслѣдованіе ихъ нашими войсками. На памятникѣ надпись: „Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россія, лѣта 1818“.

Converted heading: Growing heading Mининъ и Пожарскій.

Когда родъ русскихъ царей прекратился, много смутъ произошло на Руси. Оттого время междуцарствія называется смутнымъ (1605—1613). Послѣ татарскаго нашествія не было на Руси поры хуже и несчастнѣе, какъ смутное время! Явились самозванцы, поляки заняли Москву, засѣли въ Кремлѣ, хотѣли завладѣть Русскимъ царствомъ и ввести католическую вѣру.

Вездѣ бродили шайки разбойниковъ, неистовствовали, убивали, грабили. Смоленскомъ овладѣлъ польскій король, Новгородъ взяли шведы. Казалось, Русь разрушалась: ей грозило иноземное господство и конечная гибель.

Въ это ужасное время, прозванное въ народѣ лихолѣтьемъ, спасли Москву и Русское царство Троице-Сергіевская лавра, нижегородскій гражданинъ Мининъ и воевода князь Пожарскій.

Когда на Руси при безначаліи было общее шатаніе, и народъ не зналъ, кому вѣрить, Троице-Сергіевская лавра стояла твердо, защищая вѣру и отечество. Польскія шайки, въ числѣ 30000, подъ начальствомъ Сапѣги и Лисовскаго, окружили и начали громить Троицкую лавру. Братія монастыря и немногіе ратные люди, здѣсь находившіеся, чи-

сломъ 3000 человѣкъ, подкрѣпленные надеждою на помощь св. Сергія, въ продолженіе 16 мѣсяцевъ отбивали всѣ приступы враговъ.

Избавившись отъ осады, Троицкая лавра была убѣжищемъ и утѣшеніемъ для вѣрныхъ сыновъ православной Руси. Архимандритъ лавры Діонисій устроилъ въ монастырѣ пріютъ для пострадавшихъ отъ польскаго звѣрства; монахи и служки монастырскіе ѣздили и подбирали по дорогамъ больныхъ и раненыхъ, привозили въ монастырь, лѣчили, ухаживали за ними; трупы же найденныхъ убитыхъ погребали.

Кромѣ этихъ дѣлъ милосердія, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ писали и разсылали по городамъ увѣщательныя грамоты, коими призывались русскіе люди постоять за вѣру православную противъ поляковъ.

Пришла такая грамота въ Нижній-Новгородъ и была прочитана послѣ обѣдни въ соборѣ передъ всѣмъ народомъ.

Жилъ въ Нижнемъ тогда мясной торговецъ Кузьма Мининъ Сухорукъ, человѣкъ благочестивый. По народному сказанію, Минину, когда онъ стоялъ у себя въ домѣ на вечерней молитвѣ, явился преподобный Сергій, велѣлъ собрать казну, ратныхъ людей и идти въ Москву для освобожденія ея отъ враговъ. Мининъ созвалъ нижегородцевъ, со слезами сталъ говорить о бѣдствіяхъ отечества, приглашая жертвовать на защиту родной земли, и тутъ же самъ, первый, отдалъ все свое имѣніе на великое дѣло.

Нижегородцы, а за ними жители и другихъ го-

родовъ, откликнулись на призывъ Минина: стали собирать казну, набирать ратныхъ людей. Воеводой, т.-е. начальникомъ рати, избранъ былъ князь Пожарскій, а хранителемъ казны—Мининъ.

Такъ составлялось нижегородское ополченіе; къ нему пристали ополченія другихъ поволжскихъ городовъ и лѣтомъ 1612 г. всѣ двинулись для освобожденія Москвы. Князь Пожарскій и Мининъ прибыли 18 августа къ Москвѣ, скоро выгнали изъ нея поляковъ и съ крестнымъ ходомъ вошли въ очищенный Кремль. Плакали всѣ отъ радости. Освобожденіе Москвы совершилось.

(Изъ кн. Радонежскаго).

Кузьма Мининъ на Нижегородской площади.

Темно-голубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе, бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ, — и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня, дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей землѣ Русской первый общій кликъ: „Умремъ за вѣру православную и святую Русь“.

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ и третій... все чаще, все сильнѣе... призывный гулъ промчался по всей окрестности,— и все ожило въ Нижнемъ Новгородѣ. Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и ратные люди,—всѣ тѣснились вокругъ Лобнаго мѣста; на всѣхъ лицахъ изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: „Вотъ онъ! Вотъ Кузьма Мининъ! Глядите, вонъ онъ!“ И человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на Лобное

мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны,—и по мановенію руки его утихло все вокругъ Лобнаго мѣста; мало-по-малу молчаніе стало распространяться по всей площади; шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише... тише... и черезъ нѣсколько минутъ лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане нижегородскіе! — началъ такъ безсмертный Мининъ.—Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель, раззореніе, а помощи и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять землю Русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе! Потерпимъ ли мы, чтобы царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірской Божіей Матери и честныя, многоцѣлебныя мощи Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?.. Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ! — загремѣли тысячи голосовъ.— Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!

— Итакъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!.. Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашею искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой волости, у князя Димитрія Михаиловича Пожарскаго: едва

исцѣлившійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозой на супостата. Граждане нижегородскіе! Хотите ли его имѣть главою? Любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, князь Димитрій Михаиловичъ Пожарскій?

— Хотимъ! Хотимъ! Онъ любъ намъ!—воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— Граждане и братіе!—продолжалъ Мининъ.— Неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земного? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все наше злато и сребро, а если мало и сего, продадимъ все имущество, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ... Вотъ все, что я имѣю!—продолжалъ онъ, бросивъ на Лобное мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряною монетой; — и пусть выступитъ желающій купить домъ мой; съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новгороду; и я самъ, мы всѣ, вся кровь наша—земскому дѣлу и всей землѣ Русской.

— Отдаемъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь!—загремѣли безчисленные голоса.—Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всей земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую!—воскликнулъ весь народъ.

Въ сію минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма Преображенія Господня, и печерскій архимандритъ Ѳеодосій, въ сопровожденіи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными

хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился. Весь духовный синклитъ взошелъ на Лобное мѣсто. Раздался громкій благовѣстъ. Іереи запѣли соборомъ: „Царю Небесный, Утѣшителю, Душе истинный!“ Мининъ, а вслѣдъ за нимъ и всѣ граждане, преклонили колѣна. Когда-жъ, благословляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Ѳеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: „Господи Боже нашъ! Боже силъ! Сильный въ крѣпости, крѣпкій во бранѣхъ!..“ народъ палъ ницъ, зарыдалъ,—и всѣ мольбы слились въ одну общую единственную молитву: „Да спасетъ Господь царство Русское!“ По окончаніи молебствія, Ѳеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святой водой усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: „Съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ. Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь палящій, предыдетъ сила Господня передъ вами, и посрамится врагъ нечестивый, и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! Не жалѣйте благъ земныхъ; слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на землѣ и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! Грядите во имя Господне! На васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена! Кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?“

О, какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земного усыпленія!

Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ русскихъ! Всѣ спѣшили по домамъ, чтобы сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ Лобнаго мѣста возвышались уже горы серебряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи; мѣшокъ мѣдной монеты— подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами; гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новгорода и всей земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно сіи дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, нимало не уменьшалось.

(Загоскинъ).

Иверскія или Воскресенскія ворота.

Въ сѣверной стѣнѣ, окружающей московскій Китай-городъ, ворота сіи составляютъ главный проѣздъ съ Тверской улицы въ такъ называемый „городъ“, гдѣ средоточіе торговли и промышленности. Отъ надворотной иконы Воскресенія Христова донынѣ именуются онѣ Воскресенскими, а отъ чудотворной иконы Иверской Божіей Матери въ часовнѣ—Иверскими. Ворота сіи складены изъ крѣпостного тяжеловѣстнаго кирпича, съ желѣзными связями и закрѣпами; въ толстыхъ стѣнахъ у обоихъ проѣздовъ еще уцѣлѣли пробои отъ двойныхъ воротъ, а въ аркахъ—прорѣзы для опускныхъ рѣшетокъ, коими запирались сіи проѣзды. Подъ зубцами воротныхъ стѣнъ еще уцѣлѣли осадные стоки, черезъ кои осажденные лили въ непріятеля кипятокъ, растопленную смолу, сѣру и свинецъ. Въ двухъ палаткахъ и въ двухъ надъ ними осмигранныхъ башняхъ прежде помѣщались огнестрѣльныя орудія, или такъ называемый „огненный бой“, стояли пушкари и стрѣльцы, въ случаѣ нападенія враговъ и осады; амбразуры, или пушечные и мушкетные бои, обращены потомъ въ окна.

Безцѣнное украшеніе Иверскихъ воротъ соста-

вляетъ божественный ликъ святѣйшей „Вратарницы“, т.-е Иверской Божіей Матери. Какъ на Аѳонѣ, такъ и въ Москвѣ, она осѣняетъ и освящаетъ врата, напутствуя благословеніемъ входы и исходы вѣрующихъ. Икона сія прислана въ Москву въ 1648 году отъ цареградскаго патріарха. Св. икона сія—подобіе Аѳонской своей величиной, рисункомъ и письмомъ. На правой ея ланитѣ изображена язва, нанесенная святому лику однимъ варваромъ; она источила кровь.

Почти безпрерывно служатъ Богоматери молебны. Часовня отъ ранняго утра до вечера полна молящихся: отправляется ли кто въ дорогу, пріѣзжаетъ ли въ Москву, приступаетъ ли къ важному дѣлу,—является сюда просить благословенія у Божіей Матери. Болящіе, удрученные старостью или терпящіе какую напасть, призываютъ святыню сію въ дома свои для молитвословія, для утѣшенія въ горестяхъ, для уврачеванія недуговъ и для освященія жилищъ своихъ. Боговѣнчанные благочестивые Цари наши и Августѣйшіе члены Императорскаго Дома, при всякомъ въѣздѣ въ древнюю столицу останавливаются у Воскресенскихъ воротъ и въ часовнѣ возносятъ молитвы свои Царицѣ небесной; здѣсь обыкновенно ожидаютъ Царственныхъ посѣтителей толпы москвичей и привѣтствуютъ ихъ громкими восклицаніями. Крестный ходъ, совершаемый въ октябрѣ, въ память изгнанія непріятелей изъ Москвы въ 1812 году, шествуетъ изъ Кремля къ Иверской часовнѣ и оттуда беретъ святый образъ, который обноситъ вокругъ стѣнъ кремлевскихъ.

Иверскія ворота и часовня.

Такимъ образомъ мѣсто сіе, освященное и прославленное присутствіемъ святыни, сдѣлалось отраднымъ перепутьемъ для вѣрующихъ, воспріемникомъ обѣтовъ, свидѣтелемъ моленій, прошеній, чудесъ и благодареній.

(Снегиревъ).

Иверская икона Божіей Матери.

Въ Греціи, близъ города Никеи, жила въ IX вѣкѣ одна благочестивая вдова вмѣстѣ съ юнымъ своимъ сыномъ. Въ домѣ ея была икона Богоматери, къ которой добродѣтельная вдова относилась съ величайшимъ благоговѣніемъ и часто обращалась къ ней съ теплыми молитвами въ нуждахъ своихъ. Въ это время нечестивый царь Θеофилъ открылъ гоненіе на святыя иконы. Посланные отъ него ходили по всѣмъ домамъ и истребляли святыя иконы. Царскіе слуги пришли и къ благочестивой никейской вдовѣ; но она обѣщаніемъ денегъ упросила ихъ оставить у нея икону Богоматери до слѣдующаго утра. Гонители согласились, но одинъ изъ нихъ ударилъ мечомъ по образу Богоматери, и изъ раны лика Ея, какъ изъ живого, истекла кровь. По удаленіи корыстолюбивыхъ и грубыхъ истязателей, вдова съ сыномъ своимъ пришла въ храмину, гдѣ находилась св. икона, и долго, съ колѣнопреклоненіемъ и слезами, молилась передъ нею. Но, чтобы сохранить икону отъ новаго поруганія, вдовица въ ту же ночь отнесла святыню на морской берегъ и тамъ, повергшись на землю, умоляла Царицу небесную избавить ее отъ гнѣва царскаго, а образъ свой—отъ потопленія. Послѣ молитвы, обло-

бызавши икону, вдовица опустила ее въ море и къ великой радости своей увидѣла, что икона, сама собою ставши на воду, устремилась по волнамъ морскимъ къ западу и скрылась отъ глазъ вдовы. Утѣшенная мать внушила сыну своему удалиться отъ гоненія иконоборцевъ. Юноша отправился и поселился на Аѳонской горѣ. Отъ него аѳонскіе иноки услышали объ иконѣ, которую мать его пустила по морю.

Черезъ двѣсти лѣтъ послѣ этого событія иноки Аѳонской Иверской обители, основанной въ 980 году и названной Иверскою въ честь основателей ея трехъ знатныхъ иверцевъ, въ одинъ вечеръ увидѣли на морѣ огненный столбъ. Явленіе повторялось нѣсколько дней и ночей сряду. Не понимая, что значитъ это видѣніе, иноки долго въ недоумѣніи и страхѣ творили молитву. Когда же собрались пустынножители изо всѣхъ окрестныхъ монастырей и подошли ближе къ морю, то усмотрѣли, что столбъ огненный возвышался надъ иконою Богоматери, стоявшею на водѣ и по мѣрѣ приближенія ихъ удалявшеюся отъ нихъ. Иноки монастыря Иверскаго собрались во храмѣ и со слезами молились Богу даровать имъ чудесно явившуюся на морѣ святую икону. Въ то время въ монастырѣ жилъ благочестивый старецъ Гавріилъ, родомъ изъ Иверіи. Ему явилась во снѣ Божія Матерь, осіянная свѣтомъ небеснымъ, и повелѣла извѣстить настоятелю и братіи, что Она хочетъ дать имъ икону свою въ помощь и заступленіе. При этомъ Богоматерь повелѣла старцу, чтобы онъ съ вѣрою шелъ по волнамъ морскимъ и принялъ икону Ея для своей оби-

тели. Гавріилъ объявилъ о видѣніи. Настоятель и братія въ слѣдующее утро вышли на берегъ при молебномъ пѣніи съ кадилами и свѣтильниками. Старецъ небоязненно приблизился по водамъ ко святой иконѣ и сподобился принять ее своими руками. Съ радостью иноки встрѣтили святую икону на берегу, и устроили здѣсь для нея молитвенную храмину, и три дня и три ночи непрерывно совершали молебствіе предъ святынею. Послѣ сего внесли ее въ соборную монастырскую церковь и благоговѣйно поставили въ алтарѣ. Но Богоматери угодно было поставить свою Иверскую икону на другое мѣсто. Однажды, предъ заутреней, инокъ, назначенный для возжиганія свѣчъ и лампадъ, вошедши по обычаю въ храмъ, не нашелъ Иверской иконы на томъ мѣстѣ, гдѣ она была поставлена. Послѣ долгаго исканія обрѣли ее на стѣнѣ надъ монастырскими воротами и отнесли на прежнее мѣсто. Но въ слѣдующее утро она снова явилась надъ воротами и снова перенесена была въ соборный храмъ. Такое перенесеніе и возвращеніе иконы совершалось нѣсколько разъ. Наконецъ, Богоматерь вторично явилась во снѣ старцу Гавріилу и сказала: „Объяви братіи, чтобъ они болѣе не искушали Меня и не усиливались удерживать икону Мою въ соборѣ, а оставили бы ее на воротахъ. Я не желаю быть хранима вами. Я хочу быть вашею хранительницею не только въ настоящей жизни, но и въ будущей. Да уповаютъ на милосердіе Сына Моего всѣ здѣсь пребывающіе въ добродѣтельномъ житіи и страхѣ Божіемъ. И вотъ вамъ знаменіе: доколѣ икона Моя будетъ въ обители вашей, дотолѣ благодать и милость

Сына Моего къ вамъ не оскудѣетъ". Съ того времени обрадованная братія не тревожили болѣе святую икону и устроили церковь во славу Преблагословенной Богородицы надъ монастырскими воротами, гдѣ Она Сама избрала для себя мѣсто. Въ этой церкви честная икона Ея и теперь стоитъ на лѣвой сторонѣ Царскихъ вратъ. По имени обители она названа Иверскою, а по мѣсту пребыванія ея надъ воротами именуется Портаитиссою, Вратарницею или Привратницею.

Чудеса и исцѣленія, бывшія отъ святой иконы Иверской, неисчислимы. Находясь на вратахъ монастырскихъ, она часто не допускала входить въ обитель людей, имѣвшихъ какую-либо душевную нечистоту. Иверская обитель, со времени явленія въ ней чудотворнаго образа, не имѣла ни въ чемъ недостатка; многіе вклады боголюбивыхъ людей обогатили ее украшеніями и сокровищами.

Въ 1647 году Никонъ, новоспасскій архимандритъ, а потомъ патріархъ всероссійскій, по случаю пребыванія въ Москвѣ иверскаго аѳонскаго архимандрита Пахомія для сбора милостыни въ пользу аѳонскихъ монастырей, съ дозволенія царскаго, просилъ прислать въ Москву вѣрный списокъ съ тамошней древней и чудотворной Иверской иконы. Пахомій, по прибытіи на Аѳонъ, поспѣшилъ исполнить благочестивое желаніе царя Алексѣя Михаиловича и архимандрита Никона. Прежде написанія иконы иноки Иверскаго монастыря совершили молитвословіе и водоосвященіе. Потомъ со святою водою соединили святыя мощи и этою водою обливали чудотворную икону Пресвятыя Богородицы, соби-

рали эту воду въ великую лохань и снова обливали сею же водою кипарисную доску. Собравши святую воду, они совершили литургію и только тогда уже дали святую воду иконописцу Іамвлиху, чтобы онъ святую воду и святыя мощи смѣшалъ съ красками и написалъ Иверскую икону Богоматери. Инокъ Іамвлихъ былъ однимъ изъ великихъ подвижниковъ Аѳонской горы. Онъ вкушалъ пищу только дважды въ недѣлю — въ субботу и воскресенье. Сей постъ онъ особенно строго наблюдалъ, когда началъ писать икону Богоматери, а прочіе иноки въ это время постоянно совершали молитвословія и литургіи. Когда написаніе иконы было окончено, оказалось, что она совершенно ничѣмъ не разнится отъ подлинной. Въ слѣдующемъ 1648 году архимандритъ Пахомій прислалъ новонаписанную икону въ Москву. Святая икона, сопровождаемая аѳонскими иноками, прибыла въ Москву въ 13 день октября 1648 года. Въ первопрестольной столицѣ, у Воскресенскихъ воротъ, святая икона торжественно встрѣчена была самимъ царемъ со всѣмъ его семействомъ, патріархомъ Іосифомъ, духовными, боярами и многочисленнымъ народомъ всякаго возраста и званія. Прибывшая съ Аѳона въ Москву святая Иверская икона первоначально поставлена была въ Николаевскомъ греческомъ монастырѣ. Потомъ она перенесена и въ 1669 году 19 мая поставлена въ особую часовню, для нея устроенную у Воскресенскихъ воротъ въ воспоминаніе того, что въ Аѳонской обители Пресвятая Владычица избрала мѣсто для своей иконы на вратахъ монастырскихъ. Сообразно съ симъ и въ Москвѣ она

представляетъ Небесную Вратарницу, охраняющую главныя ворота первопрестольнаго города.

Московская Иверская икона прославлена многими благодатными знаменіями, и жители Москвы и всѣ православные христіане притекаютъ къ ней съ великимъ благоговѣніемъ.

Празднованіе Иверской иконѣ Божіей Матери совершается 13-го октября и во вторникъ Свѣтлой седьмицы, а также въ дни явленія ея на Аѳонѣ— 31-го марта и 27-го апрѣля.

(По соч. прот. Дебольскаго и др.).

МОНАСТЫРИ.

Даниловъ монастырь.

Даниловъ монастырь считается самымъ древнимъ и даже первымъ монастыремъ въ Москвѣ. Онъ основанъ московскимъ княземъ Даніиломъ Александровичемъ во имя своего ангела св. Даніила столпника.

Даніилъ Александровичъ былъ младшимъ сыномъ св. благовѣрнаго и великаго князя Александра Невскаго. Еще въ дѣтствѣ онъ остался сиротою послѣ смерти своего отца. Въ наслѣдство ему достался московскій удѣлъ, и онъ мудро управлялъ порученною ему державою. Сего благовѣрнаго князя избралъ Господь для возвеличенія Москвы. Съ сего князя начали распространяться владѣнія Москвы, и началъ процвѣтать самый городъ Москва. Даніилъ Александровичъ украсилъ Москву многими новыми зданіями и построилъ первый монастырь въ ней, Даниловскій, съ церковью во имя преподобнаго Даніила столпника, и поставилъ при этомъ монастырѣ архимандрита. Подъ конецъ своей благочестивой жизни Даніилъ Александровичъ принялъ постриженіе въ иноческій чинъ въ Даниловомъ мо-

настырѣ и по блаженной кончинѣ своей былъ погребенъ при этой устроенной имъ обители.

Сынъ и наслѣдникъ Даніила Александровича, великій князь московскій Іоаннъ Даниловичъ Калита, перевелъ Даниловскій монастырь и архимандрита внутрь города Москвы, на свой княжій дворъ. Здѣсь, при церкви во имя боголѣпнаго Преображенія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (нынѣ Спасъ на бору), Іоаннъ Даниловичъ устроилъ монастырь и въ немъ поселилъ всю братію Даниловскаго монастыря. Новый монастырь сталъ называться Спасскимъ. Архимандриту его поручено было завѣдываніе наслѣдіемъ Даниловскаго монастыря и его погостомъ.

Съ теченіемъ времени Даниловъ монастырь пришелъ въ полное запустѣніе. Оставалась только одна церковь во имя святого Даніила столпника, а отъ монастыря не видно было даже слѣдовъ, какъ будто его и никогда тамъ не было. Селеніе близъ церкви св. Даніила столпника и все мѣсто бывшаго монастыря прозывалось сельцомъ Даниловскимъ.

Однажды при великомъ князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ одинъ знатный юноша проѣзжалъ близъ церкви св. Даніила столпника, гдѣ былъ погребенъ благовѣрный князь Даніилъ Александровичъ. Внезапно явился юношѣ неизвѣстный человѣкъ. Юноша испугался, но явившійся сказалъ ему: „Не бойся меня, ибо я христіанинъ, мѣсту же сему господинъ, имя мое — великій князь Даніилъ московскій. По изволенію Божію я погребенъ здѣсь, въ семъ Даниловскомъ мѣстѣ. Ты же, юноша, поди и скажи великому князю Іоанну: „Се убо самъ всячески себе

утѣшаеши, мене же почто забвенію предалъ еси? но обаче аще онъ забвена мене имать, Богъ же мой нѣсть мене забылъ никогда же". Сказавши это, явившійся сталъ невидимъ. Когда юноша передалъ о видѣніи своемъ, великій князь повелѣлъ установить пѣть соборныя панихиды и службы и раздавать милостыню по всѣмъ почившимъ сродникамъ.

Царь и великій князь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, видя мѣсто Даниловскаго монастыря въ запустѣніи и забвеніи, пожелалъ возобновить самый монастырь. Онъ установилъ ежегодно приходить въ сей монастырь и повелѣлъ митрополиту съ освященнымъ соборомъ приходить туда и совершать панихиды и службы. Вмѣстѣ съ этимъ онъ приказалъ воздвигнуть келіи, поселить въ нихъ иноковъ и оградить монастырь оградою. Въ монастырѣ онъ воздвигъ каменную церковь. Съ того времени и существуетъ общежительный Даниловъ монастырь.

Въ 1652 году, 30-го августа, обрѣтены были мощи св. князя Даніила, открыто почивающія въ соборномъ храмѣ монастыря.

Главная церковь Данилова монастыря устроена въ честь седми святыхъ вселенскихъ соборовъ, съ придѣлами: св. князя Даніила, гдѣ почиваютъ его святыя мощи, и святыхъ князей Бориса и Глѣба. Кромѣ соборной церкви въ Даниловомъ монастырѣ находятся еще церкви: 1) Живоначальныя Троицы съ придѣлами Зачатія св. Анны и Алексія человѣка Божія; 2) Покрова Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ пророка Даніила, построенная ца-

ремъ Алексѣемъ Михаиловичемъ, и 3) Симеона столпника.

Въ Даниловомъ монастырѣ находится чудотворная икона преподобнаго Кассіана римлянина.

Память святаго благовѣрнаго князя московскаго Даніила Церковь празднуетъ 4 марта и 30 августа.

Новоспасскій монастырь.

Спасскій монастырь оставался на государевомъ дворѣ въ Кремлѣ до лѣтъ благочестиваго великаго князя Іоанна III Васильевича. Сей великій князь перевелъ Спасскую обитель изъ Кремля на *новое* мѣсто, надъ Москвою-рѣкою, на Крутицкой горѣ, въ виду стараго Данилова монастыря, на другомъ берегу рѣки. Поэтому Спасская обитель стала называться Спасскимъ монастыремъ на Новомъ, или Новоспасскимъ монастыремъ. Въ Кремлѣ же бывшая Спасская обитель была переименована въ соборъ Спаса на Бору.

Первоначальное строеніе Новоспасскаго монастыря было деревянное. Въ 1491 году Іоаннъ III заложилъ въ немъ каменную соборную церковь во имя боголѣпнаго Преображенія. Церковь эта освящена была въ 1497 году всероссійскимъ митрополитомъ Симономъ. Въ это же время Новоспасскій монастырь сдѣлался усыпальницей знаменитыхъ боярскихъ родовъ, вошедшихъ въ родственныя связи съ царскимъ домомъ. Тамъ уже въ 1497 году погребенъ былъ бояринъ Василій Юрьевичъ Захарьинъ,

одинъ изъ предковъ бояръ Романовыхъ, царскихъ пресвѣтлыхъ родителей. Бояриномъ Василіемъ началась ихъ родовая усыпальница въ Новоспасскомъ монастырѣ. Кратковременное царствованіе Лжедимитрія дополнило эту усыпальницу жертвами Годунова, перевезенными сюда изъ дальнихъ краевъ Россіи: здѣсь погребены — Василій, Александръ, Михаилъ и освобожденный изъ заточенія Иванъ Романовы.

Во время нашествія поляковъ какъ Новоспасская обитель, такъ и соборъ ея были разграблены и повреждены. Съ восшествіемъ на россійскій престолъ Михаила Өеодоровича Романова началось возстановленіе и укрѣпленіе Новоспасскаго монастыря. Возвратившійся изъ польскаго плѣна отецъ царя, патріархъ Филаретъ Никитичъ, украсилъ сіе родовое кладбище Романовыхъ шатровою колокольнею съ боевыми часами. Самъ царь Михаилъ Өеодоровичъ приказалъ разобрать старый соборъ и на мѣсто его воздвигнуть новый, доконченный уже въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Съ этого времени началось и обогащеніе Новоспасскаго монастыря. Цари любили его, какъ усыпальницу своихъ предковъ, и часто и обильно жаловали ему драгоцѣнныя утвари, ризы, образа и книги, обогащали его вотчинами, землями, мельницами и рыбными ловлями. Обнесенный каменной оградою съ башнями и пушками, Новоспасскій монастырь служилъ для Москвы передовою крѣпостью на случай нашествія враговъ. Великія испытанія выпали на долю сего монастыря въ тяжкое время 1812 года. Предъ нашествіемъ враговъ большая часть драгоцѣнностей

монастырскихъ была увезена на Кубенское озеро въ Спасокаменскій монастырь. Однако серебряныя ризы съ образовъ скрыты были подъ кровлею надъ сводами собора. Въ Новоспасскій монастырь нѣкоторые купцы свезли на храненіе свои драгоцѣнные пожитки. Въ монастырѣ оставался одинъ только намѣстникъ, старецъ Никодимъ, съ десятью монахами и послушниками. Въ самый день вступленія въ Москву непріятелей, первые поляки явились въ беззашитный монастырь и принялись его грабить. На другой день, 3 сентября, пришли туда и французы и, выславъ поляковъ, стали продолжать грабежъ въ келіяхъ и церквахъ. Намѣстникъ, желая умилостивить грабителей, предложилъ имъ угощеніе хлѣбомъ и солью. Но хищные враги этимъ не удовольствовались, а потребовали отъ него денегъ, били его и привели избитаго съ послушникомъ въ соборъ. Здѣсь, поставивъ ихъ среди храма на колѣна и приставивъ къ груди ружья, велѣли исповѣдываться другъ другу какъ передъ смертію и, грозя разстрѣлять, спрашивали, гдѣ скрыты монастырскія драгоцѣнности. При этомъ они нанесли старцу нѣсколько ранъ саблями и, не вынудивъ у него никакого признанія ни угрозами ни ранами, отпустили едва живого. Между тѣмъ, среди грабежа, буйства и безчинія враговъ, въ тотъ же день вечеромъ загорѣлся монастырь: сперва занялась двускатная деревянная кровля на оградѣ, потомъ кровля на башняхъ и на монашескихъ келіяхъ. Ночью загорѣлась и колокольня, гдѣ упавшій съ ужаснымъ трескомъ колоколъ Петра Великаго въ тысячу пудовъ прошибъ и обрушилъ своды Сергіевской церкви

во второмъ ярусѣ и повисъ на развалинахъ перваго; вслѣдъ за нимъ рухнулся съ четвертаго яруса поліелей въ 425 пудовъ и разбилъ въ мелкія части большой колоколъ. Отъ этого паденія потряслось все огромное зданіе колокольни, разорвались желѣзныя связи въ немъ, но стѣны его и верхъ не повредились. Среди ужаснаго пожара въ нѣдрахъ монастыря уцѣлѣли не защищенные ни человѣческою силой, ни искусствомъ три храма — Преображенскій, Покровскій и Знаменскій — и настоятельскіе покои. Эти покои съ Покровскою церковью обращены были непріятелями въ казармы, а Знаменская — въ конюшню. Но сколько ни старались они ввести лошадей въ Преображенскій соборъ по настланнымъ подмосткамъ, никакъ не могли сдѣлать этого. Что пощадилъ огонь, того не пощадили враги, алкавшіе добычи. Ограбивъ въ церквахъ все, что только можно было захватить, они, въ надеждѣ найти сокровища, раскапывали могилы на кладбищѣ монастырскомъ, разламывали каменныя надгробницы въ усыпальницѣ подъ соборомъ и даже престолы и жертвенники въ алтаряхъ. Случайно отыскавъ подъ кровлею собора серебряныя ризы съ образовъ, они разрубали ихъ въ монастырскомъ саду палашами и дѣлили между собою. Непріятель, въ своемъ безсильномъ гнѣвѣ, пытался было, передъ выходомъ изъ монастыря, взорвать его порохомъ, но Господь не допустилъ совершиться такому разоренію святой обители. По изгнаніи враговъ, Новоспасскій монастырь былъ вскорѣ возобновленъ въ своемъ прежнемъ блескѣ.

Главную святыню и выдающуюся достопримѣча-

тельность Новоспасскаго монастыря составляетъ Преображенскій соборъ съ двумя церквами—холодною и теплою. Въ двѣ церкви, соборную холодную и другую теплую, съ востока ведетъ крыльцо или крытый всходъ. Соединенная со всходомъ крытая паперть окружаетъ южную и западную стѣны собора. Здѣсь занимаютъ вниманіе поучительныя изображенія изъ исторіи древней философіи, Церкви и отечества. По обѣ стороны каменной лѣстницы, на простѣнкахъ, помѣщены изображенія мудрецовъ греческихъ, предощущавшихъ истины божественнаго откровенія и посему еще съ первыхъ вѣковъ христіанства заслужившихъ себѣ доступъ въ храмовые притворы. Здѣсь на правой сторонѣ изображены: Орфей, Омиръ, Солонъ, Платонъ и Птоломей, а на лѣвой — Ермій, Анахарсисъ, Аристотель, Плутархъ и Иродіонъ. „Такимъ изображеніемъ,—замѣтилъ митрополитъ Филаретъ, — отцы наши хотѣли выразить, что никогда языческая мудрость не восходила выше низшихъ ступеней христіанскаго храма". На сводахъ и стѣнахъ всхода изображены таинственныя видѣнія изъ VI и XIX главъ Апокалипсиса. Въ аркѣ изображены: святые благовѣрные князья Θеодоръ ярославскій съ чадами своими—Давидомъ и Константиномъ, святой Михаилъ черниговскій съ бояриномъ Θеодоромъ. Въ простѣнкахъ паперти стѣнопись открываетъ насажденіе и постепенное развитіе въ Россіи христіанской вѣры; въ простѣнкахъ изображены слѣдующія событія: 1) водруженіе креста на кіевскихъ горахъ св. апостоломъ Андреемъ Первозваннымъ; 2) удостовѣреніе Аскольда и Дира въ святости христіанскаго ученія чудомъ отъ

евангелія, поверженнаго греческимъ епископомъ Махаиломъ въ огонь и оставшагося невредженнымъ; 3) крещеніе великой княгини Ольги въ Царьградѣ; 4) принесеніе къ великому князю Владиміру греческимъ философомъ иконы страшнаго суда; 5) предложеніе греческой царевнѣ Аннѣ вступить въ бракъ съ Владиміромъ; 6) просвѣщеніе великаго князя Владиміра святою купелію въ Корсунѣ и прозрѣніе его; 7) общее крещеніе въ Кіевѣ; 8) ученіе книжное при Владимірѣ и 9) бракосочетаніе его съ греческою царевною. Въ другихъ простѣнкахъ изображенъ, также подлѣ св. Андрея Первозваннаго, Максимъ-грекъ, учитель и страдалецъ новоспасскаго архимандрита Саввы Святогорца. На южной стѣнѣ храма олицетворены семь вселенскихъ соборовъ и на коробовомъ сводѣ и его пазухахъ — родословное древо россійскихъ государей, просвѣщенныхъ христіанскою вѣрою. Всѣ государи написаны масляными красками, во весь ростъ, въ уменьшенномъ противъ натуры видѣ и съ вѣнцами вокругъ головы. Великая княгиня Ольга и внукъ ея Владиміръ орошаютъ изъ алавастровъ (сосудовъ) корень сего царственнаго древа, насажденнаго въ купели, а послѣднею отраслію Рюрикова поколѣнія, царемъ Іоанномъ IV Грознымъ и сыновьями его, Ѳеодоромъ и Димитріемъ, оканчивается сіе благословенное древо предъ входомъ въ соборъ, какъ бы въ напоминаніе, что государи россійскіе, вступивъ первыми въ царство благодати, вводили въ него и свой народъ, озаривъ его свѣтомъ евангельскаго ученія. Эта державная скрижаль простирается по сводамъ на семнадцать аршинъ; далѣе слѣдуютъ

родословіе царей израильскихъ и лики пророковъ, а на западной стѣнѣ — страшный судъ.

Эта многознаменательная стѣнопись, относящаяся къ концу XVII столѣтія, черезъ полтора вѣка испортилась и потускнѣла; но въ 1837 году, кромѣ картины страшнаго суда, которая, по желанію въ Бозѣ почивающаго государя императора Александра II Николаевича, оставлена безъ поновленія, поновлена въ старомъ стилѣ архимандритомъ Аполлосомъ.

Отъ обозрѣнія преддверія перейдемъ къ описанію самого храма.

Преображенскій соборъ построенъ по образцу древне-византійскихъ храмовъ и имѣетъ въ длину шестнадцать, а въ ширину — двѣнадцать саженъ. Вышина его отъ пола до купола — четырнадцать саженъ. Онъ осѣненъ пятью главами, изъ коихъ средняя позолочена, а прочіе куполы усѣяны вызолоченными звѣздами по голубому полю. На внутреннихъ стѣнахъ собора, на сводахъ, столбахъ и въ просвѣтахъ оконъ написаны масляными красками разныя событія изъ земной жизни Спасителя міра и лики святыхъ православной Церкви, а за правымъ клиросомъ на столбѣ изображены во весь ростъ цари, строители собора — Михаилъ Θеодоровичъ и Алексѣй Михаиловичъ, въ коронахъ на головѣ, озаренныхъ вѣнцами.

Пятиярусный алтарный иконостасъ сходенъ съ иконостасомъ Успенскаго собора.

Замѣчательнѣйшая святыня Преображенскаго собора есть древній чудотворный образъ Нерукотвореннаго Спаса. Этотъ образъ, прославленный чудесами исцѣленій, перенесенъ былъ изъ Вятки въ

Москву 14 января 1647 года и встрѣченъ былъ за Яузскими воротами самимъ царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ. Въ 1676 году святыня сія была отпущена съ полкомъ боярина-воеводы князя Ю. Долгорукова противъ бунтовщика Стеньки Разина. Въ 1812 году непріятель святотатственно снялъ съ чудотворной иконы половину серебряной ризы и вѣнецъ съ драгоцѣнными каменьями. Впослѣдствіи образъ сей украшенъ былъ серебряною позолоченною ризою съ брилліантами въ вѣнцѣ. Съ 1837 года передъ сею чудотворною иконою теплится неугасимая лампада—даръ императора Александра II Николаевича.

Къ юго-западной части Преображенскаго собора въ 1673 году пристроена царемъ Алексѣемъ Михаиловичемъ церковь во имя Покрова Божіей Матери. У восточной стѣны трапезы этой церкви устроенъ богатый кіотъ, въ который въ зимнее время поставляется чудотворный образъ Нерукотвореннаго Спаса. Церковь эта теплая, съ тремя придѣлами: во имя св. Димитрія, митрополита ростовскаго, св. великомученицы Варвары и преподобнаго Саввы освященнаго.

Другія церкви Новоспасскаго монастыря слѣдующія: св. великомученицы Екатерины съ придѣломъ Печерскія Божіей Матери, больничная церковь Спасова Нерукотвореннаго образа съ придѣломъ святителя и чудотворца Николая, и церковь Знаменія Божіей Матери, построенная, по преданію, царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ надъ гробами царственныхъ предковъ своихъ; въ 1791 году на мѣсто этой церкви построена новая.

Къ числу замѣчательныхъ зданій Новоспасскаго монастыря принадлежитъ колокольня съ церковію преподобнаго Сергія. Колокольня устроена была первоначально патріархомъ Филаретомъ Никитичемъ въ 1622 году. При императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1785 году, построена настоящая великолѣпная колокольня. Высота ея, кромѣ главы и креста, безъ аршина 34 сажени.

Подъ Преображенскимъ соборомъ находится усыпальница бояръ Романовыхъ. Въ настоящее время многія гробницы неизвѣстно кому принадлежатъ, такъ какъ надписи на нихъ не сохранились. Извѣстныхъ гробницъ осталось 28. Благоговѣя къ блаженной памяти предковъ своихъ, государь императоръ Александръ II Николаевичъ въ 1857 году повелѣлъ возобновить ихъ гробницы. Во исполненіе благочестивой воли его, гробницы обдѣланы со всѣхъ сторонъ плитами изъ бѣлаго камня съ вытескою сверху и съ боковъ украшеній и надписей по рисунку; на всѣ гробницы устроены новые суконные покровы съ галуномъ, и надъ гробницами поставлены иконы святыхъ тезоименитыхъ почивающимъ съ неугасаемыми лампадами. Тамъ же погребены родственники и свойственники бояръ Романовыхъ: князья Сицкіе, Ярославскіе, Оболенскіе, Троекуровы, Трубецкіе, Гагарины, Куракины и другіе. Подъ Преображенскимъ же соборомъ погребены настоятели Новоспасскаго монастыря и другія лица.

Настоятельскіе покои монастыря заслуживаютъ особеннаго вниманія: въ нихъ нѣкогда жилъ патріархъ Филаретъ Никитичъ, первоначальный ихъ

строитель. Въ этихъ покояхъ находятся древнíе портреты многихъ русскихъ великихъ князей и царей, патріарховъ и митрополитовъ, и портреты нѣкоторыхъ настоятелей Новоспасской обители.

Ризница Новоспасскаго монастыря замѣчательна церковною утварью и священными облаченіями, пожертвованными, большею частію, великими князьями, царями и іерархами. Такъ, въ ней хранятся драгоцѣнные напрестольные кресты, евангелія, потиры, митры, священническія облаченія и надгробные покровы. Особенно замѣчательны священныя облаченія, изъ которыхъ драгоцѣннѣйшими почитаются: фелонь, епитрахиль, стихарь діаконскій и орарь, пожертвованные царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Всѣ эти облаченія обнизаны жемчугомъ и драгоцѣнными каменьями и составляютъ собою самое драгоцѣнное сокровище ризницы Новоспасскаго монастыря.

Знаменскій монастырь и палата бояръ Романовыхъ.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится Знаменскій монастырь (на Варваркѣ), былъ нѣкогда дворъ бояръ Романовыхъ, родоначальниковъ нашего благополучно царствующаго Дома. Основаніе его было положено бояриномъ Никитою Романовичемъ въ половинѣ XVI вѣка. Здѣсь родился первый русскій царь изъ дома Романовыхъ—Михаилъ Өеодоровичъ. Когда Михаилъ Өеодоровичъ занялъ престолъ русскій и водворился въ царскихъ теремахъ въ Кремлѣ, тогда его родной домъ сталъ называться старымъ государевымъ дворомъ, что на Варварской улицѣ. При государевомъ дворѣ находилась церковь во имя Знаменія Божіей Матери. Отецъ царя Михаила Өеодоровича, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ, учредилъ при церкви Знаменія Пресвятыя Богородицы монашествующее духовенство, и съ этого времени здѣсь существуетъ Знаменскій монастырь. Главною святынею Знаменскаго монастыря почитается образъ Знаменія Богородицы, украшенный жемчугомъ и различными драгоцѣнными каменьями. Эта икона была родовымъ моленіемъ царствующаго Дома Романовыхъ: передъ нею молился царь Михаихъ Өеодоровичъ и отецъ его, святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ.

Палата бояръ Романовыхъ.

Отъ всего стараго государева двора до нашего времени уцѣлѣла боярская каменная палата, современная рожденію царя Михаила Ѳеодоровича. Императоръ Александръ II Николаевичъ возстановилъ въ первоначальномъ видѣ эту прародительскую палату, какъ священный памятникъ рожденія перваго царя изъ Дома Романовыхъ.

Палаты бояръ Романовыхъ представляютъ точный образецъ стародавняго боярскаго жилища. Своеобразное это зданіе построено въ четыре яруса (на Варварскую улицу оно выходитъ только однимъ, такъ какъ въ старину хоромы строились окнами во дворъ). 1) Подвальный ярусъ, или погребье съ ледникомъ и медушею. Сюда ведетъ каменная широкая лѣстница, по которой вкатывали бочки съ винами, пивомъ, медомъ и квасомъ. 2) Нижній ярусъ, или подклѣтье, гдѣ помѣщалась стряпущая, или поварня съ печью и разною кухонною посудою. 3) Средній ярусъ или боярское жилье. 4) Верхній ярусъ, или теремъ. Самый любопытный ярусъ—средній, гдѣ было жилье пресвѣтлыхъ царскихъ прародителей. Сюда ведетъ со двора большое крыльцо—глядѣльня, украшенное гербомъ Романовыхъ (крылатый грифонъ, держащій въ одной лапѣ мечъ, въ другой — щитъ). Въ этомъ этажѣ пять комнатъ, которыя соединены дубовыми однопольными дверями: крестовая, боярская, молельня, дѣтская и дѣвичья. Крестовая палата такъ называется потому, что здѣсь хозяинъ принималъ въ праздники священника съ крестомъ, служились панихиды, молебны, устраивались парадные обѣды. Около одной стѣны стоитъ поставецъ съ золотыми

и серебряными блюдами, ковшами, кубками, чарками, стопами, братинами; вся эта посуда на обѣденныхъ столахъ ставилась въ видѣ горки. Отсюда пошла поговорка: „пиръ горой!“ Изъ крестовой одна дверь ведетъ въ молельню, другая—въ боярскую комнату (кабинетъ) съ четырьмя окнами. Здѣсь собраны старинныя боярскія вещи: книги, печати, чернильницы, часы, щитъ изъ кожи, посохъ, сабля, шелковый кафтанъ и моржовые сапоги, принадлежавшіе царю Михаилу Ѳеодоровичу. Замѣчательна въ этой комнатѣ печь съ расписными изразцами, на которыхъ разныя фигуры съ изреченіями, напр.: двѣ птицы-неразлуки и подъ ними читаемъ; „Вѣрность насъ соединяетъ“; черепаха — и подпись: „Свой домъ лучше всѣхъ“. Въ дѣтской стоитъ старинная колыбель съ подушечками и свивальникомъ, куклы, повязка и черевики мамушки; послѣ дѣтской—дѣвичья, гдѣ жили сѣнныя дѣвушки. Изъ дѣвичьей потайная лѣстница ведетъ въ верхній этажъ—въ теремъ или свѣтлицу, гдѣ жили отдѣльно и замкнуто, какъ бы въ тюрьмѣ, женщины и дѣвицы. Оттого и поговорка: „Въ клѣткахъ птицы, въ теремахъ—дѣвицы“. Въ свѣтлицѣ видимъ ларчики для румянъ, бѣлилъ и сурмилъ (краска для черненія бровей), серьги, перстни, опахала; нѣсколько зеркалъ, передъ коими убирались, охорашивались и въ которыя на святкахъ глядѣли—гадали „про суженаго-ряженаго“—красавицы-боярышни...

Вотъ каково было любезное сердцу жилье родоначальника нашего Царственнаго Дома!

(Изъ кн. Радонежскаго).

Богоявленскій монастырь основанъ былъ еще при великомъ князѣ московскомъ Даніилѣ Александровичѣ, а совершенъ при сынѣ его, Іоаннѣ Даніиловичѣ Калитѣ, въ 1304 году. Одинъ изъ первыхъ игуменовъ Богоявленскаго монастыря былъ преподобный Стефанъ, родной братъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Въ числѣ иноковъ сего монастыря былъ святитель Алексій чудотворецъ. Онъ принялъ постриженіе отъ преподобнаго Стефана и подвизался въ Богоявленскомъ монастырѣ 27 лѣтъ. Настоящее устройство и благолѣпіе монастыря совершено было при святѣйшемъ патріархѣ Адріанѣ.

При этомъ монастырѣ находится часовня въ честь великомученика Пантелеймона, устроенная въ 1873 году отъ Аѳонскаго Пантелеймонова монастыря. Въ часовнѣ находятся часть святыхъ мощей и икона святого великомученика и цѣлителя Пантелеймона. Святыня сія особенно почитается всею Москвою.

Спасо-Андрониковъ монастырь устроенъ въ 1360 году преподобнымъ Андроникомъ, ученикомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго. Монастырь этотъ устроенъ по обѣту святителя Алексія чудотворца. Когда святитель ѣхалъ изъ Константинополя, послѣ рукоположенія въ санъ митрополита русскаго, то едва не погибъ на морѣ отъ бури. Пламенно молясь Господу объ избавленіи отъ погибели, святитель далъ обѣтъ воздвигнуть храмъ Господу.

Благополучно возвратившись въ Москву, онъ отправился къ преподобному Сергію посовѣтываться относительно исполненія обѣта. Преподобный Сергій далъ ему своего любимаго ученика, преподобнаго Андроника, которому и поручено было устроить монастырь. Въ новоустроенный монастырь святитель передалъ образъ Спасителя, привезенный имъ изъ Константинополя, и назвалъ монастырь, по имени строителя, Спасо-Андрониковымъ. Преподобный Сергій неоднократно бывалъ въ этомъ монастырѣ и посѣщалъ ученика своего Андроника. Святитель Алексій и великій князь Димитрій Іоанновичъ Донской часто приходили въ обитель сію молиться предъ нерукотвореннымъ образомъ Спасителя.

Въ соборѣ монастыря почиваютъ подъ спудомъ святыя мощи двухъ первыхъ игуменовъ его—преподобныхъ Андроника и Саввы.

Кромѣ собора, какъ памятника зодчества и архитектуры XIV вѣка, замѣчательна по своей высотѣ колокольня, построенная въ XVIII столѣтіи купцомъ Жирновымъ. Она имѣетъ 34 сажени высоты.

Алексіевскій женскій **монастырь** основанъ святителемъ Алексіемъ чудотворцемъ около 1360 года, по желанію его сестеръ—Евпраксіи и Іуліи. Монастырь сей находился первоначально на улицѣ Остоженкѣ, гдѣ нынѣ Зачатіевскій монастырь. Около 1514 года Алексіевскій монастырь былъ переведенъ ближе къ Кремлю, на урочище Черторье, находящееся

близъ Каменнаго моста, по берегу Москвы-рѣки, гдѣ нынѣ храмъ Христа Спасителя. Въ 1837 году, когда это мѣсто представилось удобнѣйшимъ для построенія храма Христа Спасителя, Алексіевскій монастырь былъ переведенъ въ предмѣстье Москвы, Красное село, гдѣ приходская церковь обращена была въ монастырскую.

Въ Алексіевскомъ монастырѣ находятся чудотворныя иконы Грузинской Божіей Матери и Цѣлительницы.

Зачатейскій женскій **монастырь** былъ малою обителію, когда съ его мѣста былъ переведенъ Алексіевскій монастырь въ Черторье, около 1514 года. Процвѣтаніе Зачатейскаго монастыря началось съ 1623 года, когда монастырь былъ вновь устроенъ и расширенъ царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Свое названіе сей монастырь получилъ отъ главнаго своего храма въ честь Зачатія св. Анны.

Во второмъ храмѣ Зачатейскаго монастыря въ честь Неопалимой Купины, въ придѣлѣ Сошествія Св. Духа, находятся гробницы Евпраксіи и Іуліи, сестеръ святителя Алексія, для которыхъ онъ и устроилъ на семъ мѣстѣ Алексіевскій монастырь.

Симоновъ монастырь устроенъ былъ въ 1370 году преподобнымъ Ѳеодоромъ, ученикомъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, по благословенію святителя Алексія чудотворца и преподобнаго Сергія. Первоначально онъ находился при церкви Рождества

Симоновъ монастырь.

Богородицы, въ урочищѣ Старомъ Симоновѣ. Въ 1379 году преподобный Ѳеодоръ перенесъ монастырь на новое мѣсто, на которомъ онъ стоитъ и нынѣ. На прежнемъ мѣстѣ монастыря, при церкви Рождества Богородицы, погребены иноки Троице-Сергіева монастыря — Александръ Пересвѣтъ и Андрей Ослябя, положившіе жизнь свою за вѣру и отечество въ битвѣ съ татарами на Куликовомъ полѣ.

Замѣчательнымъ украшеніемъ Симонова монастыря служитъ величественная колокольня. Она построена въ 1839 году купцомъ Иваномъ Игнатьевымъ. Колокольня эта выше Ивана Великаго. Она имѣетъ около 47 саженъ высоты.

Высокопетровскій монастырь основанъ въ 1380 году великимъ княземъ Димитріемъ Іоанновичемъ Донскимъ. Возвратившись съ Куликовской битвы, Димитрій Іоанновичъ устроилъ сей монастырь при приходской церкви въ честь Боголюбской иконы Богоматери въ мѣстности, называвшейся селеніемъ Высоцкимъ, или Высокимъ. Великій князь Василій Іоанновичъ перестроилъ сей монастырь и наименовалъ его Высокопетровскимъ, въ честь святителя Петра, мощи котораго незадолго передъ тѣмъ были обрѣтены. При императорѣ Петрѣ I Высокопетровскій монастырь былъ возобновленъ.

При этомъ монастырѣ съ 1862 года находилась епархіальная библіотека, богатая богословскими со-

чиненіями. Въ залѣ библіотеки всякій желающій могъ безплатно читать всѣ ея книги.

Рождественскій женскій **монастырь** основанъ въ 1386 году княгинею Маріею, супругою серпуховского князя Андрея, сына Калиты. Княгиня Марія была матерію знаменитаго сподвижника Донского, князя Владиміра Андреевича Храбраго. Во иночествѣ княгиня Марія приняла имя Маөы и была погребена въ своемъ монастырѣ.

Главный храмъ сего монастыря устроенъ въ честь Рождества Богородицы.

Срѣтенскій монастырь основанъ въ 1396 году великимъ княземъ Василіемъ Дмитріевичемъ въ память Срѣтенія чудотворной Владимірской иконы Богоматери при перенесеніи ея изъ Владиміра въ Москву.

Въ храмовые праздники Срѣтенскаго монастыря совершаются къ нему крестные ходы изъ Успенскаго собора 26-го августа и 23-го іюня.

Златоустовскій монастырь, по преданію, основанъ въ XIV вѣкѣ. Главный храмъ монастыря во имя св. Іоанна Златоуста устроенъ въ 1479 году великимъ княземъ Іоанномъ III. Въ Златоустовскомъ монастырѣ находится чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы.

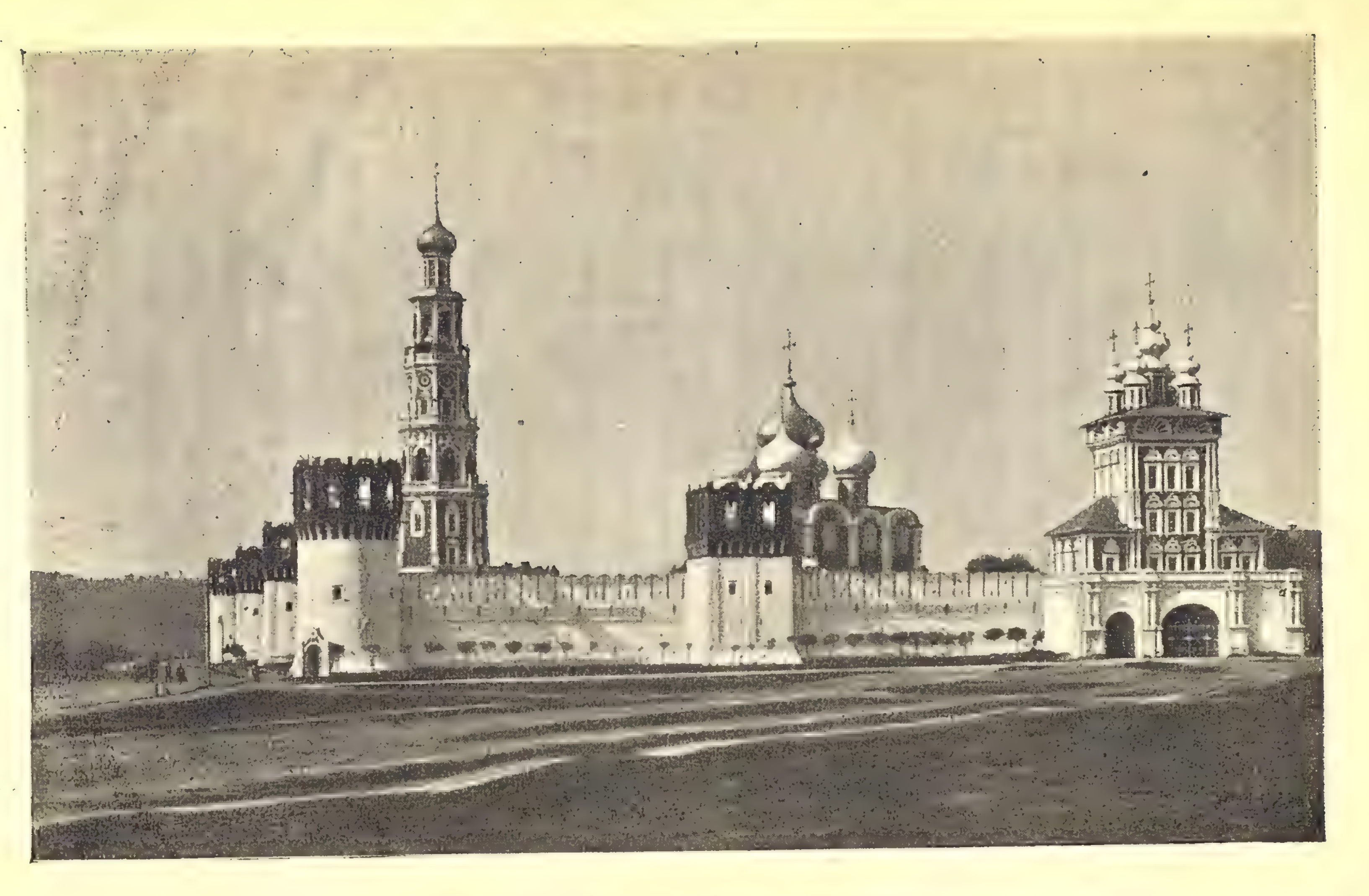
Николаевскій монастырь, нынѣ Греческій, извѣстенъ былъ прежде подъ именемъ Николы Стараго и Большая Глава, что у крестнаго цѣлованія, ибо здѣсь подсудимые приводились къ присягѣ. Основанъ сей монастырь въ XIV вѣкѣ. Въ 1556 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный пожаловалъ Николаевскій монастырь пріѣзжавшимъ въ Москву аѳонскимъ монахамъ для временнаго пребыванія.

Въ этомъ монастырѣ погребены господарь Молдавіи князь Дмитрій Константиновичъ Кантемиръ, сынъ его князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, и другія знатныя лица.

Новодѣвичій женскій **монастырь** основанъ въ 1524 году великимъ княземъ Василіемъ Іоанновичемъ въ честь Смоленской иконы Божіей Матери и въ память покоренія Смоленска и присоединенія его къ Московскому царству.

Въ 1398 году, при великомъ князѣ Василіи Дмитріевичѣ, Смоленская икона Богоматери была принесена въ Москву и поставлена въ Благовѣщенскомъ соборѣ. Черезъ 50 лѣтъ смоленскій епископъ Мисаилъ и всѣ православные жители Смоленска упросили великаго князя Василія Васильевича возвратить имъ икону Богоматери. На томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, отпуская икону въ Смоленскъ, москвичи совершили послѣднее торжественное молебствіе, и основанъ Новодѣвичій монастырь.

Въ Новодѣвичьемъ монастырѣ подвизались въ иночествѣ многія благочестивыя жены изъ царскаго дома, каковы: царица Ирина Ѳеодоровна, вдова



Новодѣвичій женскій монастырь.

царя Θеодора Іоанновича, царевна Софія Алексѣевна, сестра императора Петра I, царица Евдокія Θеодоровна Лопухина, первая жена Петра I, и другія.

Во время разореній Москвы, въ 1612 году и въ 1812 году, Новодѣвичій монастырь также подвергся опустошенію и разоренію. Французы даже хотѣли взорвать монастырь, но старица Сарра погасила фитили.

28-го іюля въ монастырь совершается крестный ходъ изъ Успенскаго собора.

Никитскій женскій **монастырь** основанъ въ 1582 году бояриномъ Никитою Романовичемъ Юрьевымъ, отцомъ патріарха Филарета Никитича. На этомъ мѣстѣ стояла приходская церковь во имя св. великомученика Никиты, при которой и устроенъ былъ монастырь.

Донской монастырь основанъ въ 1591 году царемъ Θеодоромъ Іоанновичемъ въ честь Донской иконы Божіей Матери, въ воспоминаніе Ея помощи и покровительства въ избавленіи Москвы отъ нашествія татаръ.

Чудотворная Донская икона Богоматери помогла великому князю Димитрію Іоанновичу Донскому побѣдить татаръ на Куликовомъ полѣ. Когда, въ 1591 году, снова было нашествіе татаръ и они уже приблизились къ Москвѣ, царь Θеодоръ Іоанновичъ обратился къ Богоматери съ молитвою о

заступленіи отъ враговъ и велѣлъ принести къ войскамъ Донскую икону. Враги, устрашенные невидимою силою, отступили. Въ память сего чудеснаго избавленія Москвы отъ татарскаго разоренія царь и устроилъ монастырь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ Донская икона стояла при войскахъ, и установилъ туда крестный ходъ изъ Успенскаго собора ежегодно 19-го августа.

Ивановскій женскій **монастырь** основанъ, по преданію, великимъ княземъ Іоанномъ III или матерію царя Іоанна IV Васильевича Грознаго — великою княгинею Еленою Глинской. Въ 1812 году монастырь сгорѣлъ и уничтоженъ, а храмъ его обращенъ въ приходскую церковь. Въ настоящее время монастырь возстановленъ, и главный храмъ его во имя св. пророка и крестителя Іоанна Предтечи возобновленъ иждивеніемъ почетной гражданки Мазуриной.

Страстной женскій **монастырь** основанъ въ 1654 году повелѣніемъ царя Алексѣя Михайловича въ честь Страстныя иконы Богоматери. Когда икона сія прославилась чудотвореніями, то царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ 1641 году повелѣлъ перенести ее изъ Нижегородской губерніи въ Москву. На мѣстѣ срѣтенія чудотворной иконы и поставлена была сначала церковь, а потомъ и монастырь. Страстною икона Богоматери названа потому, что около лика Царицы небесной изображены два ангела съ орудіями страстей Господнихъ.

Покровскій монастырь основанъ въ 1655 году при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. На мѣстѣ монастыря издавна находились убогіе дома, при которыхъ погребались тѣла умершихъ внезапною или насильственною смертію, почему и монастырь называется Убожедомскимъ, или „На убогихъ домахъ“.

Заиконоспасскій монастырь основанъ въ 1660 году княземъ Өеодоромъ Волконскимъ въ честь Нерукотвореннаго образа Спасителя. Монастырь этотъ служилъ разсадникомъ просвѣщенія. Въ немъ патріархъ Іоакимъ основалъ греческую школу, называвшеюся потомъ славяно-греко-латинской академіей, которая въ 1814 году переведена была въ Троице-Сергіеву лавру, гдѣ существуетъ и теперь подъ именемъ Московской духовной академіи. Въ монастырѣ этомъ подвизались ученые Іоанникій и Софроній Лихуды, Симеонъ полоцкій; здѣсь же воспитывался и Ломоносовъ.

Всѣхъ монастырей въ Москвѣ внѣ Кремля 19: 13 мужскихъ и 6 женскихъ; приходскихъ и домовыхъ церквей въ Москвѣ, внѣ Кремля, считается 333.

Французы въ Москвѣ.

Чу! труба продребезжала...
Русь! тебѣ надменный зовъ.
Вспомяни жъ, какъ ты встрѣчала
Всѣ нашествія враговъ!
Созови изъ странъ далекихъ
Ты своихъ богатырей,
Со степей, съ равнинъ широкихъ,
Съ рѣкъ великихъ, съ горъ высокихъ,
Отъ семи твоихъ морей!

Пламень въ небо упирая,
Лютъ пожаръ Москвы реветъ:
Златоглавая, святая,
Ты ли гибнешь?.. Русь, впередъ!
Громче буря истребленья!
Крѣпче смѣлый ей отпоръ!
Это жертвенникъ спасенья,
Это пламень очищенья,
Это фениксовъ костеръ!

Гдѣ же вы, незванны гости,
Сильны словомъ и числомъ?
Снѣгъ засыпалъ ваши кости!—
Вамъ почетный былъ пріемъ.
Упилися—еле живы—
Вы въ московскихъ теремахъ:
Тяжелы домой пошли вы,
Безобразно полегли вы
На холодныхъ пустыряхъ.

Вы отвѣдать русской силы
Шли въ Москву: за дѣломъ шли!
Иль не стало на могилы
Вамъ отеческой земли?..

П. Языковъ.

1812 годъ и храмъ Христа Спасителя.

1812 годъ достопамятенъ бѣдствіемъ и славою Москвы. Событія Москвы, относящіяся къ этому времени, останутся вѣчнымъ памятникомъ милосердія Божія, любви народа къ отечеству, мудрости великаго вождя Кутузова и тщеты замысловъ человѣческой гордости.

Узнавъ о приближеніи непріятеля, московскіе жители стали покидать свои дома и уѣзжать преимущественно на сѣверъ и востокъ; укладывались и увозились дорогія казенныя вещи, Оружейная палата, ризницы, архивы. Ярославская и Нижегородская дороги особенно были запружены обозами и экипажами. Бѣдные шли пѣшкомъ, везли дѣтей на ручныхъ телѣжкахъ. 1-го сентября русское войско расположилось на бивакахъ въ двухъ верстахъ отъ Москвы по Смоленской дорогѣ; на Поклонной горѣ (съ которой путешественники, завидѣвъ Москву, кланяются ея святынѣ) сидѣлъ старикъ Кутузовъ; около него толпились генералы и толковали, что положеніе невыгодно, нельзя тутъ давать другого сраженія: Москву не спасти, только послѣднее войско погубится. Вечеромъ въ деревнѣ Филяхъ, въ

Храмъ Христа Спасителя.

избѣ, гдѣ остановился Кутузовъ, держали военный совѣтъ и рѣшили отдать Москву и войску перейти черезъ нее на Рязанскую дорогу. 2-го сентября, на разсвѣтѣ, русскія войска начали переходить чрезъ Москву, а за ними слѣдомъ явились французы. Наполеонъ, увидавши Москву съ Поклонной горы, сказалъ: „Такъ вотъ онъ, наконецъ, этотъ славный городъ!“ Подъѣхавъ къ заставѣ, Наполеонъ сошелъ съ лошади и прохаживался взадъ и впередъ, дожидаясь депутаціи: онъ, по привычкѣ, думалъ, что вотъ явятся къ нему самые знатные жители Москвы, поднесутъ ключи отъ города и будутъ говорить ему привѣтственныя рѣчи. Но онъ дожидался понапрасну: пришли нѣсколько иностранцевъ и объявили, что Москва пуста. Наполеонъ переночевалъ въ Дорогомиловской слободѣ, а на другой день, 3-го числа утромъ, переѣхалъ въ Кремль и помѣстился во дворцѣ. Но еще наканунѣ, 2-го сентября, начались пожары, а въ ночь съ 3-го на 4-е пламя охватило бо̀льшую часть города; въ полдень 4-го числа пожаръ вспыхнулъ въ Кремлѣ, и Наполеонъ съ большимъ трудомъ выбрался за городъ и помѣстился въ Петровскомъ дворцѣ. Въ продолженіе трехъ сутокъ сгорѣло въ Москвѣ три четверти домовъ; бо̀льшая часть церквей была разрушена или разграблена. Русскіе, не захотѣвшіе оставить Москву, натерпѣлись большихъ бѣдъ,—почти всѣ были обобраны дочиста; хлѣба достать было негдѣ, и если гдѣ французы прознаютъ хлѣбъ, сейчасъ отнимутъ; собирали овощи по огородамъ, доставали мокрую муку съ барокъ, сѣвшихъ на дно. Французы ѣли не вкуснѣе: у нихъ разложены были

костры изъ дорогой мебели, подтапливались иконами, дорогими книгами и картинами; на кострахъ кипѣли котлы, въ которыхъ варилась конина; по улицамъ валялись головы сахару, мѣшки съ кофе; а хлѣба не было.

Приближеніе зимы, которую надобно было встрѣчать въ пустой обгорѣлой Москвѣ, сильно безпокоило Наполеона. Онъ не зналъ, что это такое дѣлается, куда онъ зашелъ. Привыкъ онъ, что какъ скоро овладѣвалъ столицею государства, то война кончена, у него просятъ мира, соглашаются на всѣ его требованія; а тутъ занялъ онъ столицу, столица оказалась пустая и сейчасъ же сгорѣла; и ни откуда ни слуху, ни духу. Попробовалъ онъ опять предложить миръ императору Александру—отвѣта не было. Императоръ Александръ сказалъ своимъ, когда узналъ о потерѣ Москвѣ: „Я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь жить въ Сибири, чѣмъ заключить миръ, подписать стыдъ отечества и добрыхъ подданныхъ, пожертвованія которыхъ умѣю цѣнить".

Наконецъ, 7-го октября, въ пять часовъ утра, Наполеонъ вышелъ изъ Москвы съ своею старою гвардіей. Октября 11-го, въ два часа пополуночи, взорванъ Кремль въ пяти мѣстахъ. Наполеонъ хотѣлъ и городъ, и Кремль, и на сто верстъ въ окрестностяхъ, — все превратить въ пепелъ и прахъ, но священные московскіе соборы, оставленные подъ охраненіемъ Бога правосуднаго, устояли въ то самое время, когда по всѣмъ расчисленіямъ надлежало имъ быть грудою камней. Очевидцы разска-

зываютъ, что надъ соборами какъ будто бы разорвались облака и пролился необычайный дождь.

12-го октября уже раздался по Москвѣ первый благовѣстъ, призывавшій православныхъ жителей возблагодарить Бога за избавленіе Москвы отъ французовъ.

Въ память сей великой милости Божіей построенъ въ Москвѣ храмъ во имя Христа Спасителя.

(Соловьевъ).

Храмъ Христа Спасителя есть и величественнѣйшій памятникъ о важнѣйшемъ событіи отечественной исторіи — борьбѣ съ Наполеономъ, и въ то же время жертва благодарности русскаго народа Господу силъ за чудесное избавленіе „отъ нашествія галловъ и съ ними двадесяти языкъ“.

Мысль о храмѣ возникла въ душѣ императора Александра I тотчасъ, когда врагъ былъ изгнанъ изъ предѣловъ отечества. Декабря 25-го 1812 г., преслѣдуя бѣжавшаго непріятеля, императоръ издалъ въ Вильнѣ слѣдующій манифестъ, начертанный внутри храма противъ алтаря: „Въ сохраненіе вѣчной памяти и того безпримѣрнаго усердія, вѣрности и любви къ Вѣрѣ и Отечеству, какими въ сіи трудныя времена превознесъ себя народъ Россійскій, и въ ознаменованіе благодарности нашей къ Промыслу Божію, спасшему Россію отъ грозившей ей гибели, вознамѣрились Мы въ первопрестольномъ градѣ нашемъ Москвѣ создать церковь во имя „Христа Спасителя“. Да простоитъ сей храмъ многіе

вѣка и да курится въ немъ предъ святымъ престоломъ Божіимъ кадило благодарности до позднѣйшихъ родовъ, вмѣстѣ съ любовію и подражаніемъ къ дѣламъ ихъ предковъ". Во исполненіе сего обѣта, 1817 г. 12-го октября, въ день бѣгства французовъ изъ Москвы, происходила торжественная закладка храма на Воробьевыхъ горахъ, между Смоленскою и Калужскою заставами, чрезъ которыя врагъ вошелъ и вышелъ изъ Москвы... Впослѣдствіи мѣсто это найдено неудобнымъ, и 10-го сентября 1839 г., въ присутствіи императора Николая, совершилась новая закладка храма на теперешнемъ его мѣстѣ. 26-го мая 1883 г. храмъ освященъ въ присутствіи государя императора Александра Александровича, всего Царскаго семейства, а также иностранныхъ принцевъ, бывшихъ въ Москвѣ по случаю коронаціи.

Такъ какъ, по мысли царя, храмъ этотъ долженъ быть не просто церковью, но и религіозно-историческимъ памятникомъ, свидѣтельствующимъ потомству о заступничествѣ божественнаго Провидѣнія за русскій народъ и о славныхъ дѣлахъ предковъ, то все въ новосозданномъ храмѣ-памятникѣ, и снаружи и внутри, служитъ выраженію этой главной мысли. Снаружи стѣны храма украшены изваяніями лицъ и событій священной и отечественной исторіи имѣющихъ отношеніе къ событіямъ 12-го года. Такъ, видимъ Давида, идущаго въ Іерусалимъ послѣ побѣды надъ Голіаѳомъ и встрѣчаемаго сонмомъ женъ. Смыслъ этого изображенія тотъ, что русскій народъ съ силами слабыми, какъ Давидъ съ пращею, вышелъ противъ Наполеона—этого Голіаѳа,

но при помощи Божіей одолѣлъ сильнѣйшаго врага. Здѣсь есть образъ Пресвятой Богородицы Смоленской, которой икона, по взятіи Смоленска Наполеономъ, сопутствовала нашимъ войскамъ. Далѣе изображены: преподобный Сергій, благословляющій Дмитрія Донского на брань съ Мамаемъ, и архимандритъ Діонисій, благословляющій Пожарскаго и Минина на освобожденіе Москвы отъ поляковъ, и др. Поверхъ входныхъ дверей надписи: „Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его“, „Яко съ нами Богъ, разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ“. Внутри храма, между четырьмя столбами, поддерживающими куполъ, и стѣнами идетъ коридоръ, на мраморныхъ доскахъ котораго вырѣзана лѣтопись событій отечественной войны. Здѣсь читаемъ Высочайшее объявленіе о вступленіи непріятеля въ предѣлы Россіи 13-го іюня 1712 г.; воззваніе къ народу русскому объ ополченіи; описанія сраженій, бывшихъ въ придѣлахъ Россіи въ 1812 году, съ именами убитыхъ; манифестъ объ изгнаніи непріятелей изъ предѣловъ Россіи 25-го декабря 1812 г. и др. Надъ всѣми коридорами идутъ широкія палати-хоры; здѣсь два придѣла: во имя св. Александра Невскаго и св. Николая чудотворца. Стѣны храма расписаны лучшими художниками; есть иконы и картины необыкновенной красоты, таковы, напр.: Рождество Христово, Николай чудотворецъ, подающій милостыню ночью, явленіе Божіей Матери св. Сергію и др.

Такъ какъ храмъ посвященъ Христу Спасителю, и память объ изгнаніи французовъ празднуется 25-го декабря, то на восточной сторонѣ алтаря, въ

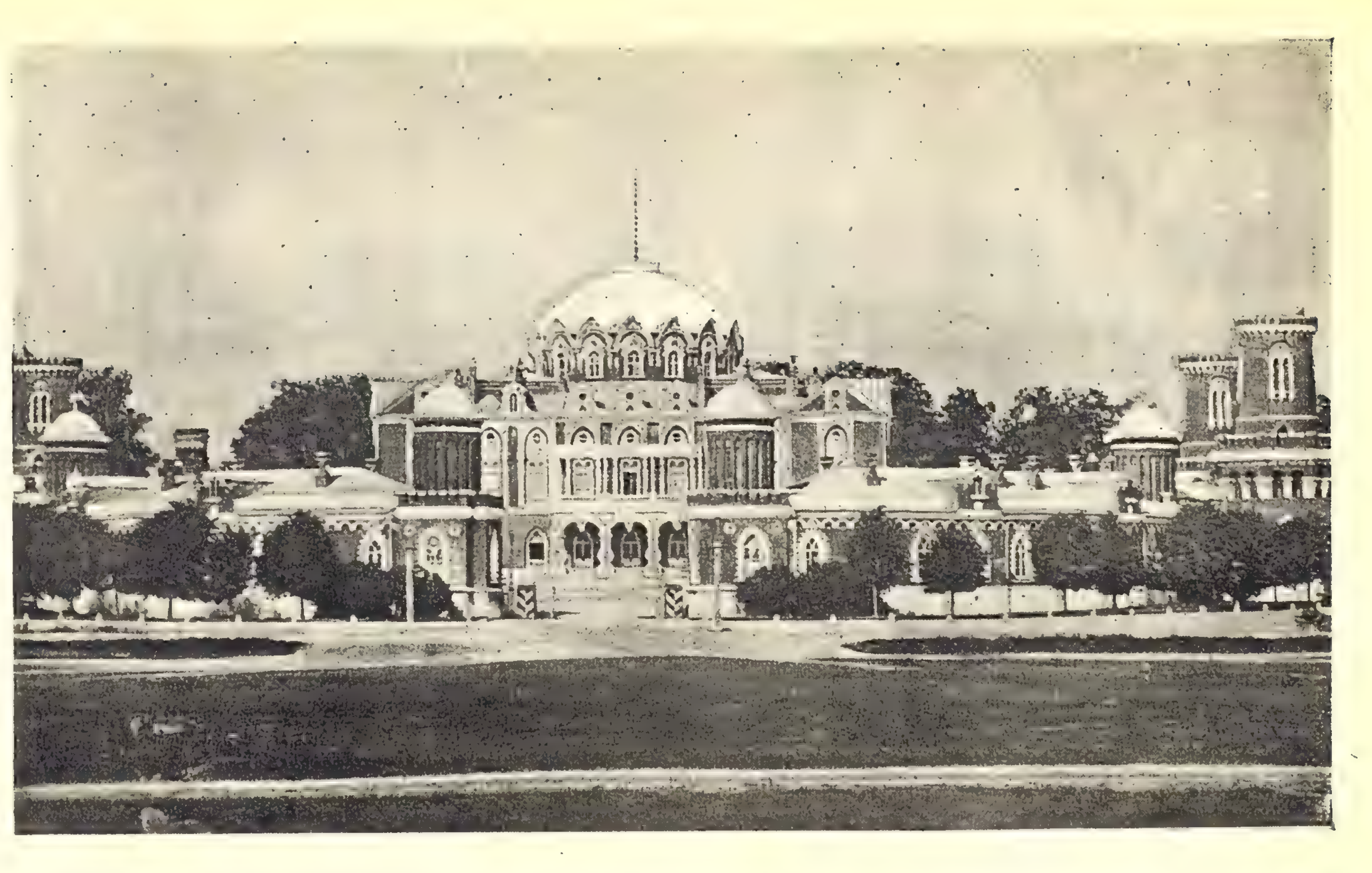
самомъ верху, видимо для каждаго молящагося, гдѣ бы онъ ни стоялъ, помѣщено громадныхъ размѣровъ изображеніе Рождества Христова, согласно содержанію церковной пѣсни: „Дѣва днесь“... Предъ клиросами же двѣ прекраснѣйшія картины: „Поклоненіе волхвовъ“ и „Поклоненіе пастырей“.

Весь въ цѣломъ новосозданный храмъ — достойный памятникъ величайшаго событія въ родной исторіи. Русскій человѣкъ, прочтя на стѣнахъ храма имена павшихъ героевъ, набожно помянетъ и усердно помолится о нихъ. И свѣжая память объ отечественной войнѣ и доблестныхъ ратникахъ, о Божьемъ покровительствѣ нашему отечеству въ тяжкую годину будетъ вѣчно жить подъ сводами этого дивнаго храма, и изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ воспитывать въ сердцахъ грядущихъ поколѣній русскаго народа духъ доблести и безпредѣльной любви къ отечеству.

(Изъ кн. Радонежскаго).

Петровскій дворецъ.

Отъ Тверской заставы тянется шоссейная дорога — прежній петербургскій трактъ. По правой сторонѣ этой дороги расположенъ великолѣпный Петровскій паркъ—любимое мѣсто москвичей для лѣтнихъ прогулокъ. Прежде вся эта мѣстность принадлежала Высокопетровскому монастырю, почему паркъ и называется Петровскимъ. Въ концѣ парка, при самой дорогѣ и противъ огромнаго военнаго Ходынскаго поля, стоитъ великолѣпный подъѣздной дворецъ, называемый Петровскимъ. Онъ выстроенъ при императрицѣ Екатеринѣ II, въ 1776 году, архитекторомъ Казаковымъ въ мавританскомъ вкусѣ. Въ этомъ дворцѣ останавливаются государи передъ въѣздомъ въ Москву на коронацію. Въ немъ жилъ Наполеонъ во время пожара Москвы. Въ старину, когда не было желѣзныхъ дорогъ, всѣ пріѣзжавшіе изъ Петербурга любовались первымъ московскимъ зданіемъ — Петровскимъ дворцомъ.



Петровскій дворецъ.

Въѣздъ въ Москву.

Но вотъ ужъ близко... Передъ ними
Ужъ бѣлокаменной Москвы,
Какъ жаръ, крестами золотыми
Горятъ старинныя главы...
Ахъ, братцы! какъ я былъ доволенъ,
Когда церквей и колоколенъ,
Садовъ, чертоговъ полукругъ
Открылся предо мною вдругъ!
Какъ часто въ горестной разлукѣ,
Въ моей блуждающей судьбѣ,
Москва, я думалъ о тебѣ.
Москва... какъ много въ этомъ звукѣ
Для сердца русскаго слилось!
Какъ много въ немъ отозвалось!

Вонъ окруженъ своей дубравой,
Петровскій замокъ! Мрачно онъ
Недавнею гордился славой.
Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной
Съ ключами стараго Кремля.
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!..
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...
Отселѣ, въ думу погруженъ,
Глядѣлъ на грозный пламень онъ.

Прощай, свидѣтель нашей славы,
Петровскій замокъ. Ну! не стой,
Пошелъ! Уже столпы заставы
Бѣлѣютъ, вотъ ужъ по Тверской
Возокъ несется чрезъ ухабы.
Мелькаютъ мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды,
Балконы, львы на воротахъ
И стая галокъ на крестахъ.

А. Пушкинъ.

Сухарева башня.

Это огромное зданіе, съ высокою восьмисторон-нею башнею, увѣнчанною двуглавымъ орломъ, служитъ памятникомъ того, что никогда усердная служба отечеству и вѣрность къ престолу не остаются безъ награды. Такъ наградилъ Великій Петръ одного изъ своихъ подданныхъ за вѣрность его престолу.

Первый шагъ къ Сухаревой башнѣ напоминаетъ намъ начальника одного изъ стрѣлецкихъ полковъ, полковника Сухарева.

Петръ Великій зналъ цѣну вѣрности Сухарева и наградить его дарами и почестями значило наградить только въ глазахъ современниковъ. Петръ хотѣлъ наградить примѣрно и для потомства — и

сдѣлалъ это: онъ приказалъ воздвигнуть на мѣстѣ бывшихъ Срѣтенскихъ воротъ величественное зданіе и наименовалъ его башнею Сухарева, въ воспоминаніе отличной вѣрности Сухарева и того, что въ окрестности сего мѣста стоялъ полкъ и находился приказъ сего стольника.

Во время совмѣстнаго царствованія царей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича былъ второй стрѣлецкій бунтъ, возбужденный царевною Софіею Алексѣевною противъ родного своего брата Петра I. Для распространенія неудовольствія между стрѣльцами, начальникъ стрѣлецкаго приказа, Шекловитый, объявилъ стрѣльцамъ, будто царь, вводя новые обычаи, намѣренъ перемѣнить также и вѣру и предать смерти всѣхъ вѣрныхъ сыновъ отечества, а въ томъ числѣ и всѣхъ стрѣльцовъ. Введенные въ обманъ Шекловитымъ, нѣкоторые забыли долгъ повиновенія, но нѣсколько человѣкъ изъ нихъ, ужаснувшись предложеннаго имъ Шекловитымъ гнуснаго дѣла, извѣстили о томъ царя. Петръ, съ вѣрнѣйшими изъ своихъ приближенныхъ, удалился временно въ Троицкую Лавру, предоставивъ Лаврентію Панкратьевичу Сухареву, съ его стрѣлецкимъ полкомъ, возстановить порядокъ въ Москвѣ. Когда же, наконецъ, спокойствіе было возстановлено, и виновные получили достойное наказаніе, то Петръ, желая увѣковѣчить преданность и вѣрность, оказанную ему полкомъ Сухарева, повелѣлъ на томъ мѣстѣ, гдѣ была полковая караульня Сухарева полка, заложить въ память потомству огромную башню со множествомъ помѣщеній и далъ ей названіе „Сухаревой башни“.

Сухарева башня.

Такова была причина построенія Сухаревой башни на нынѣшнемъ ея мѣстѣ въ 1692 году. Вскорѣ потомъ въ Сухаревой башнѣ открыта была навигаторская школа для образованія людей, свѣдущихъ въ мореходствѣ. Въ послѣдующее время она служила водоемомъ для Мытищинскаго водопровода. Москва бѣдна хорошею водою. Въ рѣкахъ ея, въ Москвѣ и Яузѣ, вода почти всегда мутная и нечистая и для питья негодится. Во времена императрицы Екатерины II былъ сдѣланъ водопроводъ изъ Громовыхъ родниковъ (верстахъ въ 18-ти отъ столицы, близъ Ярославской дороги), чрезъ селеніе Мытищи, отъ чего и называется онъ Мытищинскимъ водопроводомъ. Но чистая мытищинская вода шла въ Москву только по одному направленію и только въ нѣкоторыя части города. При начальникѣ Москвы, князѣ Дмитріи Владиміровичѣ Голицынѣ, верстахъ въ двухъ отъ заставы, по Ярославской дорогѣ, была устроена паровая машина, которая подымала воду Мытищинскаго водопровода на такую высоту, съ которой вода можетъ идти по всему городу. Свободно протекая по подземнымъ трубамъ до Сухаревой башни, вода подымалась въ средній этажъ ея, гдѣ устроенъ обширный водоемъ. Отсюда, подземными же трубами, вода стекала въ различные фонтаны по площадямъ Москвы и даже въ дома ея жителей.

При Петрѣ I на Сухаревой башнѣ, въ полдень и предъ пробитіемъ вечерней зари, играла музыка на польскихъ рожкахъ. На этой же башнѣ знаменитый ученый графъ А. В. Брюсъ, составитель

Брюсова календаря, производилъ наблюденія надъ движеніемъ небесныхъ свѣтилъ и планетъ.

Сухарева башня—въ четыре этажа, имѣетъ болѣе 35 саженъ вышины. Въ срединѣ зданія, подъ башней, устроены ворота, которыми идетъ дорога изъ Москвы къ Троице-Сергію. Съ южной стороны надъ воротами находится образъ Казанской Божіей Матери, а съ сѣверной—образъ преподобнаго Сергія.

(По кн. „Москва Бѣлокаменная“ и др.).

Дорога къ Троице-Сергію.

Подъ Сухаревой башней идетъ дорога въ священную обитель великаго чудотворца преподобнаго Сергія, въ Троице-Сергіеву лавру. Сухаревой башней выходятъ богомольцы изъ Москвы къ Троице-Сергію. Въ старину на этомъ мѣстѣ стояли Срѣтенскія ворота, а за ними тянулось Новотроицкое село и Троицкая слобода, принадлежавшія лаврѣ на пространствѣ нынѣшнихъ Мѣщанскихъ улицъ. Теперь, изъ всей монастырской слободы, за лаврой осталось небольшое Троицкое подворье, въ которомъ живетъ московскій митрополитъ.

Помолившись у храмовъ (за Сухаревой башней) святыхъ Адріана и Наталіи и Филиппа митрополита, богомольцы въ старину заходили и къ храму св. Троицы на Капелькахъ. Здѣсь водой изъ церковнаго пруда богомольцы умывали себѣ глаза для здоровья и здѣсь же прощались съ провожавшими

ихъ родными и знакомыми. Дорога предстояла хотя недальняя, но опасная. Въ дремучихъ лѣсахъ по Троицкой дорогѣ, даже и въ царствованіе Екатерины II, привольно жилось разбойникамъ, грабившимъ и убивавшимъ прохожихъ и проѣзжихъ.

Слѣдующая остановка для молитвы была у Креста, близъ Троицкой (нынѣ Крестовской) заставы. На этомъ мѣстѣ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ былъ поставленъ крестъ, называвшійся Филипповымъ, въ память срѣтенія на этомъ мѣстѣ въ 1652 году мощей св. Филиппа митрополита и внезапной кончины ростовскаго митрополита Варлаама. У Креста и самъ царь-богомолецъ всегда дѣлалъ „слазку“. Отъ Креста богомольцы пускались въ дальнѣйшій путь по Троицкой дорогѣ, за заставу.

Теперь, при самомъ выходѣ изъ Москвы, у Крестовской заставы, двѣ громадныя башни-водокачки новаго водопровода указываютъ нынѣшнему богомольцу, какъ далеки времена „Троицкихъ походовъ“ русскихъ царей, времена прежней Троицкой дороги. Тѣхъ непроходимыхъ лѣсовъ, которые сейчасъ же за Троицкою, или Крестовскою заставой окружали дорогу, нѣтъ и въ поминѣ. Справа лѣса тянулись верстъ на 40 отъ дороги и были любимымъ мѣстомъ для царскихъ охотъ, благодаря чему и теперь сохранились названія „Оленья роща“, „Лосиный островъ“ и т. п. Большая часть историческихъ мѣстъ остались памятными тоже лишь только по названіямъ.

Троицкая дорога принадлежитъ къ числу тѣхъ дорогъ русскихъ, которыя поистинѣ можно назвать „тропой народной“. Крѣпкая вѣра въ Божію силу

и помощь и надежда на святыхъ защитниковъ и ходатаевъ у престола небеснаго Царя влекли по этой дорогѣ людъ православный. Вѣнценосные вожди и ихъ подданные, богатые и нищіе, счастливые и угнетенные судьбой—всѣ шли изъ вѣка въ вѣкъ по такимъ дорогамъ, широко проторяя ихъ. Историческое значеніе такихъ дорогъ въ жизни русскаго народа громадное: по нимъ прошли милліоны русскихъ людей, неся въ себѣ свои религіозныя вѣрованія, государственные и житейскіе идеалы и находя подкрѣпленіе ихъ въ теплой молитвѣ на томъ святомъ мѣстѣ, куда шли отдохнуть душой всѣ— и довольные жизнью, и труждающіеся, и обремененные...

(По кн. Ярцева).

Москва.

(28 марта 1848 г., въ день ея семисотлѣтія).

Процвѣтай, царей столица,
Матерь русскихъ городовъ,
Слова русскаго царица
И уставщица умовъ!

Есть ли градъ съ тобою равный?
Есть одинъ, и старъ и сѣдъ:
То нашъ Кіевъ православный,
Гдѣ возникъ нашъ вѣры свѣтъ!

Старецъ, некогда могучій,
На горахъ своихъ княжилъ,
Днѣпръ ладьи его летучи
До чужихъ морей носилъ;

Но и онъ главой державной
Поклонился, уступилъ
Многохрамной, православной
Собирательницѣ силъ!

Сохранивъ одну святыню
И сложивъ вѣнецъ князей,
Онъ призналъ въ ней господыню
Надъ сѣдиною своей!

И любуется онъ славой,
Возсѣдящей на холмахъ,
Величавой, златоглавой,
Въ многихъ царственныхъ вѣнцахъ!

Тамъ, гдѣ боръ дремучій, дикій,
Пѣснь отшельника внималъ,
Бѣлокаменный великій
Выросъ Кремль и засіялъ!

И рядилася младая
Величавая Москва,
Стѣны, башни убирая
Дивныхъ зодчествъ въ кружева!

И стекались, рать за ратью,
Многихъ княжествъ знамена,
И своею благодатью
Осѣняла ихъ она!

Новградъ, съ золотомъ полсвѣта,
Ей принесъ свободу въ дань,
И рабыня Магомета
Пала въ ноги ей Казань!

И Уралъ ей отперъ горы,
И Сибирь—златое дно;
Русь, забывъ семейны споры,
Зажила съ ней за одно!

Здѣсь Россія! Съ ней страдала
Въ годы тяжкіе Москва;
Съ ней она и возставала
Къ торжеству отъ торжества!

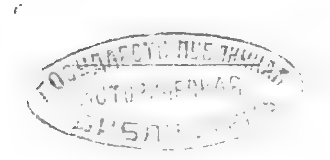
Съ ней дѣлила скорбь и горе
И на брань звала сыновъ
Въ дни, когда народовъ море
Выступало изъ береговъ!

Съ края царства и до края
Голосъ славы и молвы:
Русь родная! Русь святая!
Краше нѣтъ твоей Москвы!

Вотъ промчались семь столѣтій
Надъ святой ея главой!
Соберитесь, Руси дѣти,
Поздороваться съ Москвой!

Многи вѣки ей державной!
Будь богата и славна!
И поклонъ ей, православной:
Имянинница она!

М. Дмитріевъ.



ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стран.

Монастыри.